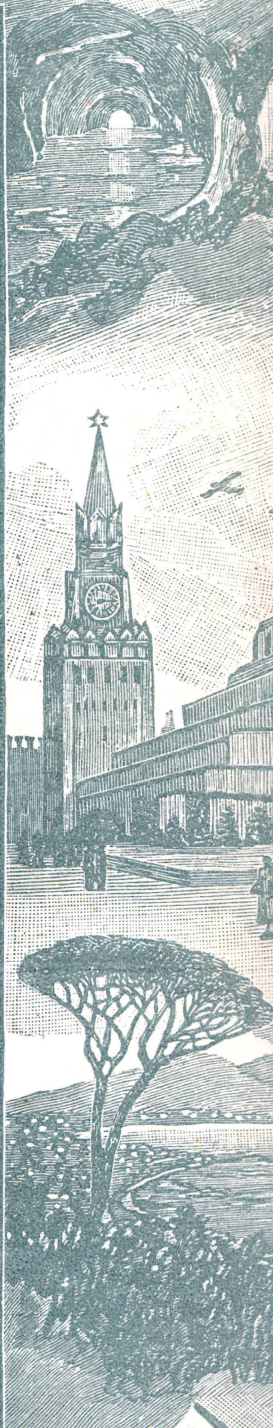
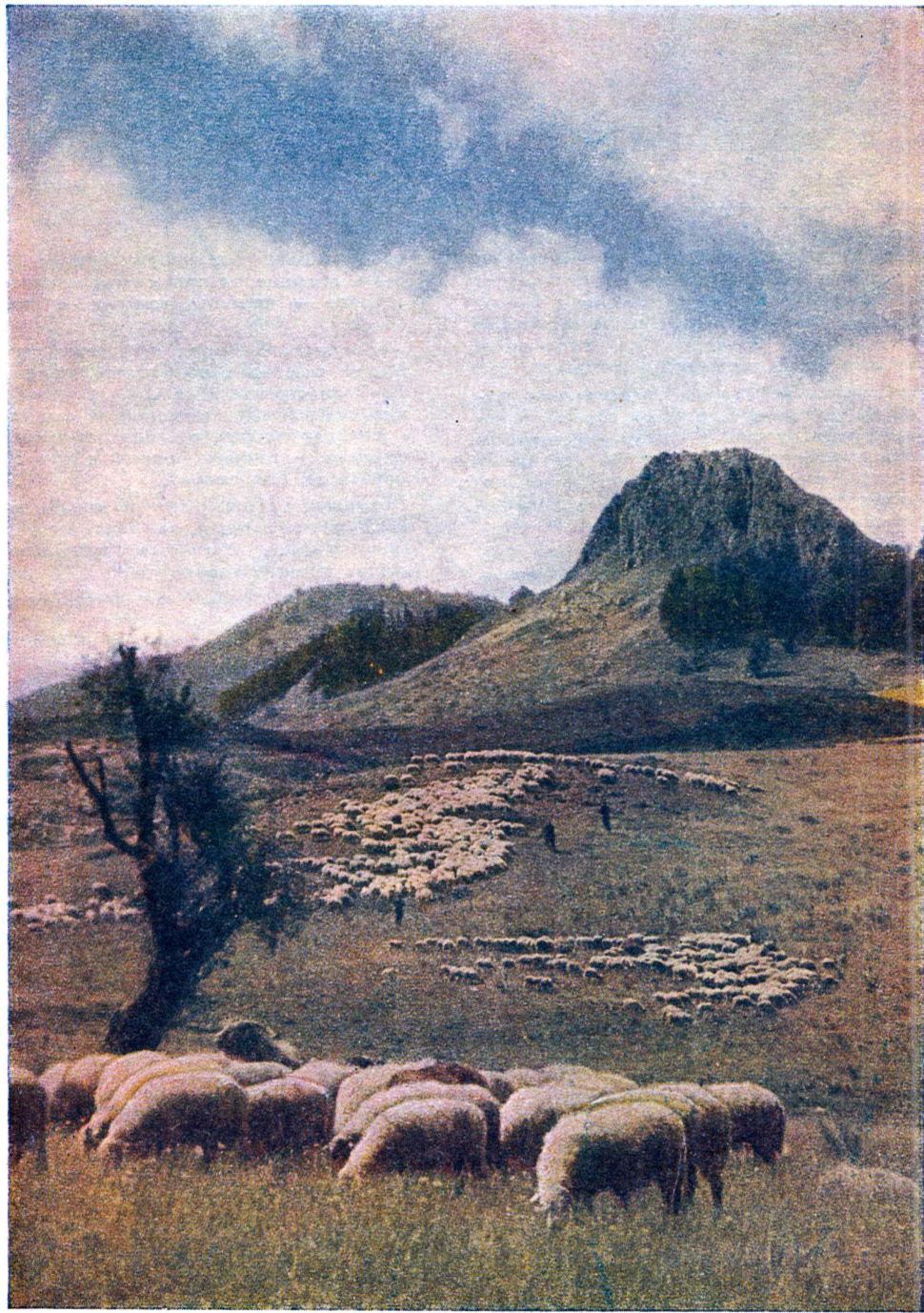
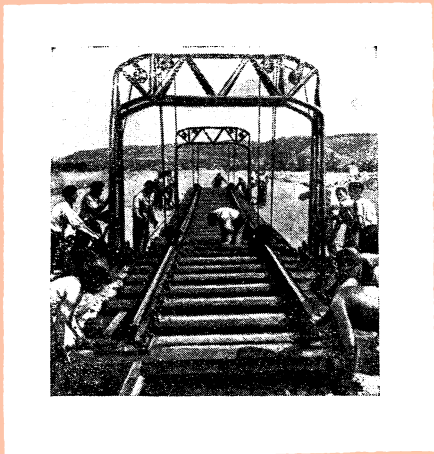

1954

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2
ФЕВРАЛЬ

ДОРОГА ДРУЖБЫ

«Дорога дружбы» — так назвали чехословацкие трудящиеся железную дорогу, что идет от станции Черна над Тисой, на границе с Советским Союзом, мимо Кошице и далее через всю горную северную Словакию до Богумина — транспортного узла Остравской области.

По этой дороге движется в Чехословакию широкий поток грузов из Советской страны, а навстречу ему идут составы с продукцией чехословацкой промышленности. Этот обмен все время возрастает, и старая одноколейная Кошицко-Богуминская дорога не может уже удовлетворить потребности в перевозках.

Чехословацкие трудящиеся решили перестроить дорогу: устранить тяжелые подъемы, проложить второй путь, электрифицировать новую магистраль.

На строительство Дороги дружбы пришли люди со всех концов Чехословакии. В горные ущелья прибыли новые машины и приспособления, облегчающие труд строителей. А труд этот не легкий. Нужно было перевести бурные воды горной реки Горнад в новое русло, возвести плоти-

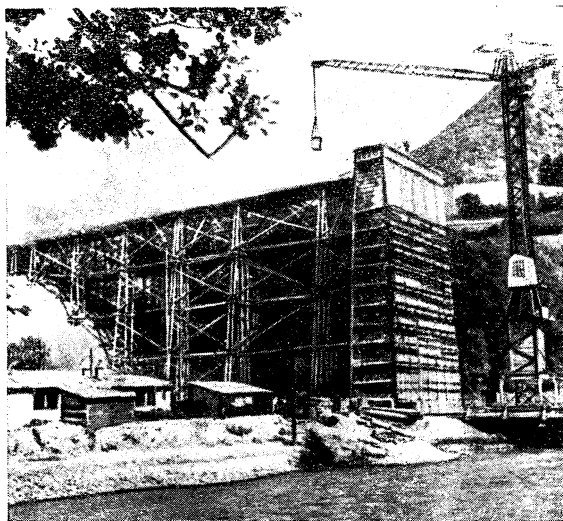
ны и насыпи, перекинуть новые мосты, взорвать стоящие на пути скалы и, наконец, самое трудное — пробить тоннели в твердых породах.

«Как железо тверда Буяновская гора, но воля людей, решивших ее одолеть, подобна стали», — написали строители на щите у входа в один из прокладываемых тоннелей. И они победили — в феврале прошлого года сошлись встречные штольни, и тоннель, длиной в три с половиной километра, был пробит.

Большая работа кипит на западе, недалеко от Яблунковского перевала. Здесь на участке в долине Кисуцы строители пробивают дорогу сквозь горный хребет.

Новая магистраль будет иметь важное значение для развития чехословацкой экономики и усиления экономических связей Чехословакии и Советского Союза.

На снимках: вверху — укладка рельсов на участке Кошице — Кысак; в низу — строительство большого двухколейного моста через реку Горнад.

1954

ВОКРУГ СВЕТА

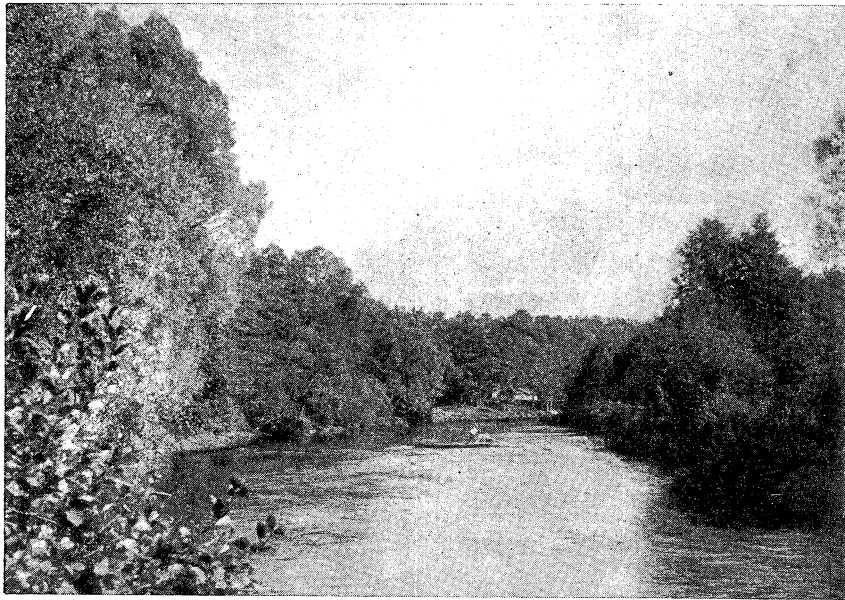
№ 2
ФЕВРАЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

Белорусская ССР На берегу озера Нарочь. В этих местах ведутся осушительные работы.

ПОЛЕСЬЕ ЗАВТРА

Г. В. БОГОМОЛОВ,
член-корреспондент Академии наук БССР

В КРАЮ ПИНСКИХ БОЛОТ

Соедините на карте линиями три города — Киев, Могилев и Брест. Внутри этого гигантского треугольника окажется плоская песчаная, одетая хвойным лесом и сильно заболоченная территория — Полесье. Общая площадь ее составляет около девяти миллионов гектаров. Из них значительная часть приходится на Пинское Полесье, расположенное в пределах Белоруссии. А большую часть Пинского Полесья составляют болота и торфяники.

В любом другом месте мира, в любой другой стране такие колоссальные заболоченные площади долго оставались бы неосушенными, неиспользуемыми. В нашем социалистическом государстве с его мощной индустрией и крупным коллективным сельским хозяйством, вооруженным передовой техникой, проблема осушения Полесья решается с небывалым размахом. Эта огромная работа, которая преобразит лицо Полесья, уже начата.

* * *

Не так-то легко попасть в край Пинских болот. Правда, через все Полесье проходит железная дорога Гомель—Брест. Но в самые глубины Пинских болот и лесов, высадившись на каком-нибудь полустанке, вы проберетесь только пешком, с помощью карты и компаса, или разве что — на плоскодонках по бесчисленным рукавам и протокам разных рек и речушек!

Селения расположены на возвышенных местах, далеко одно от другого. В иные из них добраться можно только в зимнюю пору, когда замерзнут болота. А бывает и так: в какое-нибудь село, в 15—20 километрах от районного центра, придется добираться круглым путем, делая крюк в десятки километров.

С запада на восток всю эту область прорезает река Припять. Районы, лежащие на юг от нее, издавна называются Заречьем, северные же — Загорьем. Все они изрезаны целой сетью рек, спутывающихся местами в настоящий лабиринт, в котором трудно разобрать — где истоки, где

устье той или иной речки и куда она течет. В Заречье в такую сеть переплелись речки Пина, Стырь, Струмен, Стоход, Гнилая; в Загорье — Цна, Смердь, Лань, Морочь.

В низких берегах этих рек воды текут так медленно, сонно, что кажутся стоячими.

Заречье, где лежат знаменитые Пинские болота, имеет такие незначительные уклоны, водоразделы здесь так слабо выражены, что иногда, при разливах, воды реки Припяти переливаются в бассейн реки Буг и обратно.

Весною эта местность представляет как бы сплошное озеро, по которому тут и там отдельными островками разбросаны селения. Разлив держится длительное время, и в эту пору во многих местах сообщение возможно только на лодках.

Можно часами плыть по водному пространству, поросшему тростником, рогозом, кувшинками и лилиями, водяной капустой. Выдерните одно из этих растений: его стебель и корни покрыты мириадами пресноводных губок и диатомовых водорослей. Лишь кое-где на поверхности чернеют узкие ленты чистой воды — это протоки с едва заметным течением. Иногда встречаются островки, сплошь покрытые яркозеленым мягким ковром трав.

В пору сенокоса можно увидеть, как, стоя по пояс в воде, а то и прямо из лодки, колхозники косят траву.

Но вот сошла полая вода, солнце подсушило тропки, обнажились бесконечные топи и болота.

Отдельные болота занимают громадные площади. Например, восточнее реки Случь, близ обширного озера Князь, лежит болото в 40 тысяч гектаров. Почти так же велики расположенные в районе Мозыря болота Гричин, Ясень и Качай-болото.

Типичное пинское болото — не моховое, а травянистое, поросшее осокой, камышом, тростником. Даже в жаркую пору большая часть таких болот покрыта водой и трудно доступна для исследователя. К осени растения связываются, спутываются

ся, переплетаются так, что образуют непроходимые дебри, тянущиеся порой на многие десятки километров.

На побережье Припяти, близ реки Горыни, встречаются болота другого типа — кочковатые, покрытые густой травой и кустарником ивы.

На берегах озер вы попадаете на топкие трясины, зыбуны, местными жителями прозванные «дрягвой» (от слова дрожать). Зыбуны качаются при каждом шаге, как гамак, из-под ног брызжут фонтанчики воды. Остановиться нельзя ни на минуту — засосет трясина.

Но особенной топкостью отличаются так называемые «олесы», или ольшаники. Издали такой ольшаник выглядит вполне безобидно. На отдельных высоких кочках, густо заросших дикой малиной, ежевикой, бересклетом, стоят одиночные деревья недолговечной черной ольхи. Все пространство между ними пестреет незабудками, белокрытником и недотрогой — высоким растением с вислыми желтыми цветами и стручками-коробочками.

Но обманчива зелень ольшаника. Неосторожный путник, доверчиво ступивший на ковер трав, сразу проваливается под пояс в засасывающую топь.

Моховые или сфагновые (сфагнум — род листовенных мхов) болота встречаются в Полесье реже.

Наконец, кое-где в Полесье можно встретить кольцеобразные болотца: округлый торфяной островок посредине, отделенный от песчаных берегов кольцом воды метра в три шириной. Такие болотца образовались в результате заболачивания небольших озер. На болотах стоят редкие сосны — корявые, с почерневшей корой, словно скрюченные ревматизмом.

Много в этом краю озер — больших и малых. Из каждого берет начало какая-нибудь речушка, несущая свои воды в Припять. Вода в озерах от старого, почерневшего торфа, покрывающего их дно, кажется черной, как смола. Топкие берега озер обычно густо зарастают осокой и кустами. Заросли бывают так высоки, что порою совершенно скрывают от взоров воды озера.

Но Полесье — край не только болот, рек и озер. В нем также много лесов — густых, подчас непроходимых боров. Собственно, имя свое Полесье и

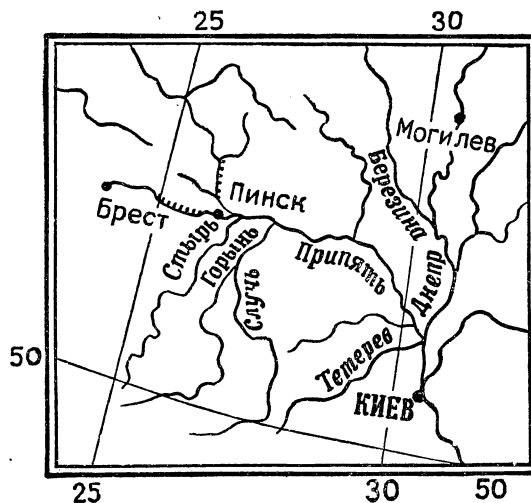
получило от этих лесов. Леса растут обычно на песчаных гривах и сухологах.

Откуда посреди болот пески? Это наносы многочисленных полесских речек.

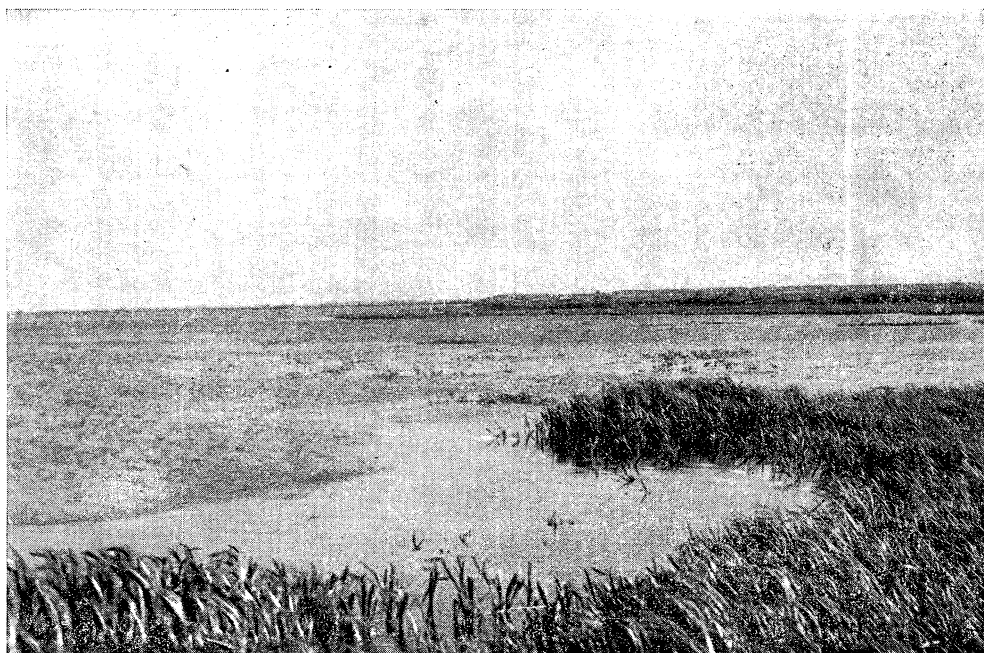
А иногда меж болот и лесов вы наткнетесь на высокие песчаные дюны, словно перенесенные сюда из пустынь Средней Азии. Дюны, перевейные пески — памятники хищнического использования природных ресурсов. И, как ни странно это звучит, такие пески появились в Полесье в результате осушения болот.

Осушительные работы проводились здесь еще в прошлом столетии. Но преследовали они не сельскохозяйственное освоение болот, а совсем иные цели: осушительные каналы открывали путь для вывозки леса. Началось хищническое истребление лесов. Незакрепленные песчаные почвы начали подвергаться ветровой эрозии. И вот в этой стране лесов и болот появились подвижные барханные пески, образовались настоящие маленькие песчаные пустыни.

Барханные пески иной раз не безопасны. Было это несколько лет назад. Один из геологов, занимавшийся изучением геологического строе-

Десятки малых и больших озер в Полесье постепенно зарастают осокой и камышом, превращаясь в топкие болота. Одно из таких озер — Черное.

Мощные тракторы выкорчевывают пни на осушенных землях, где недавно простирались непроходимые болота.

ния и подземных вод Полесья, пробираясь в район Пхова, близ Мозыря. Путь его лежал через пески. Песчаные барханы, достигающие в этих местах высоты более десяти метров, казалось, не таили никакой опасности. Ноги, как всегда, вязли в песке, идти было трудно. Но вот геолог ступил на ровное, засыпанное песком пространство и почувствовал, что песок просаживается под ним. Шаг, другой — и он начал вязнуть, тонуть в песке. По колени, по пояс, по грудь... Положение было отчаянным. Спас геолога рюкзак, который помог ему удержаться на поверхности. Под слоем песка оказалось топкое болото.

Болота, болота, болота... Гиблые места. Зловредные туманы, тучи комаров. Пахнет гнилью, прелью, мокрой, гниющей корой, влажным мхом. В мглистом тумане, стелющемся над болотами, солнце похоже на расплывшееся на бумаге масляное пятно.

Изредка выползет из норы на берег озера седая

от старости водяная крыса, посмотрит злыми красными глазами, нырнет в черную воду за добычей. Вылезет из лесной чащобы бурый медведь со свалывшейся шерстью, понюхает след лося и снова скроется в лесу...

Часами идет исследователь и не встретит никого, кроме этих привычных обитателей глухих дебрей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛОТ

Как образуются болота? Как возникают такие огромные заболоченные массивы, какие наблюдаются, например, в Полесье?

Главнейшей причиной образования болот является избыток влаги в атмосфере, на земле и под землей. Вот почему так много болот в тропиках, с их частыми и обильными ливнями, и на Крайнем Севере, с его снегами и вечной мерзлотой, препятствующей просачиванию воды в глубь земли.

Тундра заболочена почти на сто процентов.

В зоне хвойных лесов заболоченность составляет уже 30—35 процентов почвы. Чем дальше к югу, тем меньше болот. В степях черноземной зоны болота занимают лишь от 1 до 7 процентов площади, а в южных сухих степях — только доли процента.

Большое значение имеет также рельеф поверхности и подстилающие материнские породы. Болота образуются чаще всего в понижениях, где скапливается много влаги, и там, где неглубоко от поверхности залегают водонепроницаемые породы.

Что же происходит в часто затопляемых и переувлажненных почвах?

Вода вытесняет из них воздух, необходимый для «дыхания» бактерий. А бактерии, как известно, играют огромную роль в жизни почвы и, следовательно, в жизни растений. Особенно важны те бактерии, которые перерабатывают органические остатки растений и животных в так называемые перегнойные вещества почвы, необходимые для питания растений. Лишенные воздуха микроорганизмы неспособны перерабатывать органические вещества, и они постепенно, год за годом, накапливаются в болотах. Зато исключительное развитие получают в них анаэробные бакте-

Песчаные дюны на речных террасах поросли кустарником и лесом.

рии. Эти бактерии, как показывает само их название, не нуждаются в кислороде воздуха, так как они обладают способностью отщеплять кислород от соединений, находящихся в почве, например от окислов железа. Теряя кислород, соединения железа окрашиваются в голубой цвет, образуя так называемый глей; глеевый горизонт — верный признак заболоченности почвы.

Одной из важных причин образования болот, отмеченных впервые академиком В. Р. Вильямсом, является уменьшение в почве зольных веществ, необходимых для питания растений. Отмирающие растения остаются на поверхности в полуразложившемся состоянии. Слой мертвого органического вещества, почти лишенного солей, все растет и растет. Под давлением вышележащих слоев органическая масса спрессовывается. Образуется торф. А он обладает высокой водоудерживающей способностью и в свою очередь способствует развитию болота.

Но заболоченные почвы бывают не только в понижениях, они встречаются и на невысоких водоразделах. Причину образования болот в этих местах также объяснил академик Вильямс. Перевлажнению почв на водоразделах способствуют мхи — белые сфагновые и зеленые (кукушкин лен): они хорошо удерживают в себе влагу.

Нередко болота образуются на месте озер, заросших надвигающейся на них болотной растительностью. Примером может служить небольшое озеро Шинно, расположенное в северной части Полесья. Еще несколько десятилетий назад по нему можно было плавать на лодке. Теперь оно почти целиком покрылось дерном, состоящим из густого сплетения корней осоки.

А как образовались болота Полесской низменности?

Вопросом о происхождении Пинских болот занималось немало исследователей, в том числе такие выдающиеся наши ученые, как В. В. Докучаев и В. Р. Вильямс. Замечательное описание болот Полесья оставил географ и почвовед Г. И. Танфильев. Много исследований провели в последние годы ученые Белорусской Академии наук.

По современным взглядам, главная причина заболоченности Полесья кроется в геологических и гидрогеологических особенностях этого обширного района.

Подъем целины на осушенных торфяных болотах. На этих землях впервые будут расти сельскохозяйственные культуры.

Представьте себе гигантскую плоскодонную чашу, края которой с севера ограничены небольшими высотами, тянущимися от Немана к верховьям Днепра, а с юга — возвышенностью, расположенной в верховьях рек Стыри, Горыни и Случа. Дно этой впадины состоит из древних палеозойских пород. Над ними лежат более поздние третичные и четвертичные отложения, а выше — толщи песка, подстилаемые слоем водоупорных глин, и, наконец, торфяные болота, насыщенные водой, как губка. Такова Полесская низменность.

Когда-то вся эта часть Белоруссии была покрыта ледником. Ледник растаял, и огромная чаша наполнилась водой, образовав обширных размеров озеро. Предполагается, что это озеро существовало еще в исторические времена. Постепенно реки более или менее осушили колоссальное Полесское озеро.

Ничтожный уклон местности (не превышающий двух десятитысячных), обилие годовых осадков,

Участок Огинского канала. Этот канал будет реконструирован и удлинен.

Пловучий экскаватор углубляет дно и расширяет берега маленькой речки Ипа, превращая ее в большой магистральный осушительный канал.

достигающих 600—650 миллиметров в год, не позволяли рекам полностью «выпить» воду Полесского озера.

Проведенные в последние годы гидрогеологические исследования вскрыли еще одну важную особенность Полесья. Бурение скважин по краям огромной Полесской чаши показало, что здесь имеются два, а иногда и три водоносных горизонта. При этом вода в них находится под большим давлением.

Понятно, что вода из этих глубинных горизонтов стремится в область с пониженным давлением, а таковой и является Полесская низменность. Подземные воды вступают во взаимосвязь с водами поверхностными, способствуя образованию болот.

Многие болота Полесья образованы подземными ключами.

ОСУШЕНИЕ БОЛОТ

Огромное количество органических веществ, много влаги — какие замечательные урожаи можно было бы здесь выращивать! Но в том-то и дело, что болото — это еще не почва, что плодородие его потенциально. Чтобы оно стало почвой, надо его осушить, дать доступ воздуху. Тогда тотчас же оживятся и заработают микроорганизмы, начнут разлагать торф, создавая питательные вещества для растений.

Земледелцам давно известно было высокое плодородие торфяных почв.

В советское время научными работниками Минской опытной станции было установлено, что урожайность торфяных почв значительно выше, чем черноземных, и в четыре-пять раз больше, чем почв минеральных. Например, урожай озимой ржи на этих почвах получают 40—50 и больше центнеров с одного гектара.

Попытки осушить Полесье делались уже давно. В 1872 году царское правительство организовало Западную экспедицию по осушению болот Полесья. Во главе ее стал генерал Жилинский. За 24 года экспедиция провела сеть осушительных и транспортных каналов, главным образом в лесных районах. Для чьей пользы проводились все эти работы, станет ясным, если сказать, что из всей сети каналов только 30 километров проложено на крестьянских землях, все же остальные прошли по землям помещиков, использовавших каналы для вывоза леса.

Осушенные земли составляли каплю в море по сравнению с территориями, так и оставшимися заболоченными. В конце концов всю затею пришлось бросить: на осушение Полесья ручным способом с помощью одних только граблей понадобилось бы

несколько сотен лет... Край Пинских болот оставался в царской России одним из беднейших и голоднейших районов Белоруссии.

Осушительные работы огромного размаха белорусский народ начал в годы советской власти. К 1941 году в Полесье были осушены уже сотни тысяч гектаров. На новых землях, сменивших непроходимые болота, раскинулись поля совхозов. На бывшем огромном болоте «Марьино», например, возник совхоз «X-летие БССР». За высокие урожаи, полученные на этих землях, четыре хлебороба были удостоены звания Героя Социалистического Труда, многие награждены орденами.

За время немецко-фашистской оккупации осушительные системы в Белоруссии были разрушены и большая часть осушенных земель вновь превратилась в болота.

Сразу же после войны началось осушение болот Полесья. Эти работы составляют часть огромных осушительных работ, проводимых по всей нашей стране, в соответствии с директивами XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, наметившими увеличение площади осушенных земель за пятилетие на 40—45 процентов.

Осушить Полесье, превратить болота в плодородные поля, луга, сады, огороды! Какая грандиозная задача!

Если вообразить себе Полесье, как гигантскую торфяную «губку», напитанную водой, то осушительные работы, проводившиеся экспедицией Жилинского, можно представить как выжимание воды из этой «губки». Выжимание беспощадное, досуха, так что почва почти лишается влаги, превращается в торфяник, годный для разработки, но не для сельскохозяйственного освоения.

Сейчас задача осушения болот решается совсем по-иному: не выжать досуха «губку», а только отжать из нее избыток влаги, не просто отве-

Новый мощный отечественный канавокопатель «КУМ» прокладывает осушительные каналы на землях колхоза «Коминтерн».

сти открытыми канавами воду, а регулировать водный режим, управлять им по своему желанию.

Управление же водным режимом означает также регулирование воздушного режима, а значит и управление жизнедеятельностью микроорганизмов, необходимых для жизни растений.

Одной из важнейших задач было составление подробной карты болот Полесья. В начале 1950 года в путешествие по Пинским болотам отправился старший научный сотрудник Института геологических наук Академии наук БССР М. Ф. Козлов. Требовалось не только добраться до самых непроходимых болот и нанести их на карту, но и установить, какими источниками питается то или иное болото: поверхностными водами, грунтовыми или же теми и другими вместе. Весною и летом на плотах, зимою пешком и на лыжах Козлов забирался в такие болотные дебри, куда не ступала еще нога исследователя. Сейчас карта болот всего Полесья и источников их питания завершена.

Одновременно решалась и другая важная задача — определение баланса подземных вод Полесья. Для этого необходимо было пробурить ряд скважин. Бурить скважины на болоте! Приходилось делать огромные плоты, затаскивать их на болота, гатить дороги и по ним доставлять оборудование для буровых. С качающихся на зыбкой почве плотов и производили бурение. Бур проходил мощный слой жидкого ила, многометровую толщу глины и песка и попадал в водоносный горизонт. Так под поверхностью воды, под болотом находили глубинную воду.

Десятки буровых вышек пересекли все Полесье с севера на юг, охватили и примыкающие к нему территории. Во многих местах бурили рядом по нескольку скважин, чтобы установить взаимосвязь отдельных водоносных горизонтов.

Наблюдения над скважинами позволили установить важную закономерность: уровень подземных вод в скважинах зависит от уровня воды в Припяти.

Это позволит в будущем, когда будет осуществлено гидротехническое строительство в Полесье, делать прогноз режима грунтовых вод на различных осушенных участках.

Схема осушения Полесской низменности выглядит примерно так. Широкой разветвленной сетью регулирующих каналов покроются обширные заболоченные пространства Полесья. Эти-то каналы и будут «отжимать» воду из торфяной «губки» и собирать ее в основной водоприемник — канал значительной протяженности, который уведет избыточную воду в Припять. Река, со всеми ее многочисленными притоками, будет полностью реконструирована.

Здесь будут сооружены десятки больших и малых водохранилищ. Благодаря системе шлюзов на каналах излишняя вода с болот, таким образом, будет не только «сбрасываться», но и удерживаться на случай засухи.

Создаваемые на реках водоемы будут использоваться для разведения ценных пород рыбы и водоплавающей птицы.

На водохранилищах предполагается построить несколько гидроэлектростанций.

Русла нескольких сот рек будут выпрямлены, и вода в них побежит быстрее. Будут реконструированы и превратятся в судоходные магистрали Днепробугский и Огинский каналы.

На дремучие Пинские болота уже двинулась мощная советская техника: экскаваторы, болотные плуги, кочкорезы, специальные грабли для сгребания кустарников, машина-крот, прорывающая подземные дренажные каналы. Наконец, не так давно на осушение болот вышла новая мощная машина — «КУМ», созданная коллективом Института механизации сельского хозяйства Академии наук БССР под руководством лауреата Сталинской премии М. Е. Мацелуро. «КУМ» оставляет за собой готовую осушительную канаву глубиной до одного метра. Новая машина заменяет тяжелый ручной труд пятисот грабарей!

Мелиоративная система позволит регулировать водный режим почв не только в пределах больших массивов, но и на участках колхозов, совхозов и даже отдельных полей севооборота. Человек сможет управлять водным и воздушным режимом почв, микробиологическими и физическими процессами в них и удовлетворять таким образом требования возделываемых растений в воде, воздухе и питательных веществах.

Миллионы гектаров неиспользованных заболоченных земель в Белоруссии превратятся в плодородные поля, сады и пастбища.

У ПОДНОЖЬЯ СУДЕТ

Я. МАКАРЕНКО

Широкие, чуть взгорбленные поля, мягкие, волнистые линии холмов, сверкающие на солнце зубцы гор на горизонте — таким представляется путешественнику пейзаж Нижней Силезии, живописного края на юго-западе Польши. По мере приближения к Судетам холмов становится больше, они поднимаются круче, и, наконец, взору открывается величественный, красивый горный ландшафт.

Асфальтированная автострада, разделенная посередине зеленой травяной дорожкой и стриженными кустарниками, начинаясь у Вроцлава, тянется непрерывной лентой у подножья гор до самой западной границы страны на Ниссе Луужицкой. Она пересекает дочерние притоки Одры — Быструю Шлензу, Быстрицу, о характере которой говорит само ее название, светловодную Качаву, тихий Бобр, минуя большие и малые города, связывая их между собой, как нитью. Почти на всем протяжении от автострады отходят многочисленные ответвления, пронизывающие Нижнюю Силезию. Это благоустроенные, обсаженные яблонями, черешнями, рябиной или акацией дороги.

На кафедре географии Вроцлавского государственного университета, где нам довелось побывать перед тем, как отправиться в поездку по Нижней Силезии, мы получили подробное представление о богатствах этого незаурядного края.

— Благодатная сторона, — говорил нам седой, много видевший ученый. — Нет, пожалуй, в Польше, после Верхней Силезии, другого более богатого заводами и фабриками края, чем Нижняя Силезия. Нет, пожалуй, в нашей стране и другого более важного сельскохозяйственного района, чем этот край...

Убедиться в этом нетрудно. Где бы вы ни находились в Нижней Силезии, непременно видите корпуса действующих заводов, фабрик и других промышленных предприятий. Взору предстают старательно обработанные поля, на которых шумят летом высокие, в рост человека, пшеница, рожь, ячмень и обширные плантации сахарной свеклы, где осенью, до самых заморозков, еще кипит работа. Нижняя Силезия славится плодородными лесовыми почвами.

Благоприятны здесь также и климатические условия: в долине Одры самая короткая зима в Польше.

По плотности населения Нижняя Силезия опережает многие

районы Польши, в том числе даже центральные.

НА КЛОДЗКОЙ ЗЕМЛЕ

С автострады мы сворачиваем круто влево и через несколько часов оказываемся в пределах одного из чудеснейших уголков Нижней Силезии, на Клодзкой земле, названной так по городу Клодзко.

Наступает вечер. Машина с трудом взбирается по шоссе, вьющемуся спиралью среди поросших разнолесьем гор. В небольших отороченных лесом долинах, над которыми почти со всех сторон нависают горы, открывается типичный промышленный пейзаж: тут и там дымят трубы, сверкают россыпью огней цехи действующих предприятий, здания электростанций, рабочие поселки. Морем света встречает нас Клодзко. Это сравнительно небольшой, но довольно известный в Нижней Силезии город с узенькими шумными улицами.

На Клодзкой земле — преимущественно не крупные предприятия: текстильные и бумажные фабрики, деревообделочные, стекольные и хрустальные заводы,

Судеты. Дорога то извивается по склонам горных хребтов, среди густых лесов, то ровной лентой тянется по долинам.

а в северной части — угольные шахты.

Этот живописный уголок Польши славится своими минеральными источниками. Их на Клодзкой земле довольно много. Из здешних источников, отличающихся высокой концентрацией щелочно-углекислых солей

и радиоактивностью, особой известностью пользуются Душники, Кудова, Поляница, Лондек и другие. Находящимися здесь курортами широко пользуются теперь польские трудящиеся.

Отдыхающие проходят курс лечения, занимаются туризмом, знакомятся с памятниками старины. Они поднимаются по вьющемуся зигзагами каменному шоссе на Снежник — одну из самых высоких вершин восточной части Судетских гор, достигающую 1422 метров, предпринимают прогулки по горной автостраде.

Наиболее крупным из городов-курортов являются Душники. В этом городе установлен крупный памятник Фредерику Шопену. Великий польский композитор побывал здесь в 1838 году и дал первый после Варшавы публичный концерт.

ГОРОД ГОРНЯКОВ

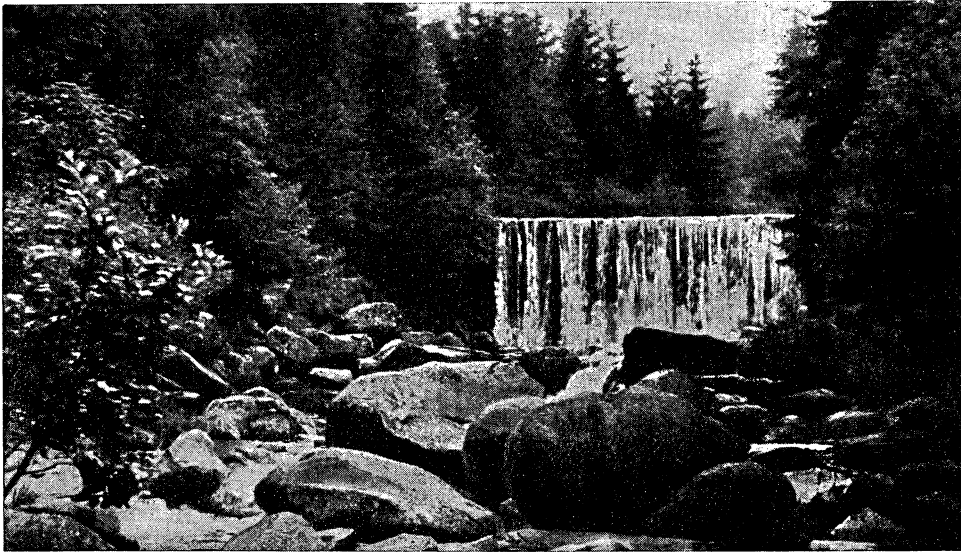
С Клодзкой земли рукой подать до Валбжиха. Ведущая сюда шоссе дорога пролегает в горной местности. Она то вьется в ущельях, то пролетает стрелой через густонаселенные долины.

Валбжихский пейзаж несколько отличается от клодзкого. Горы здесь как бы отступают на задний план. В долинах по обеим сторонам дороги поднимаются обширные корпуса и высокие трубы промышленных предприятий.

Повсюду видишь угольные шахты. Их ажурные копры поднимаются то справа, то слева, у подножья и даже на склонах гор.

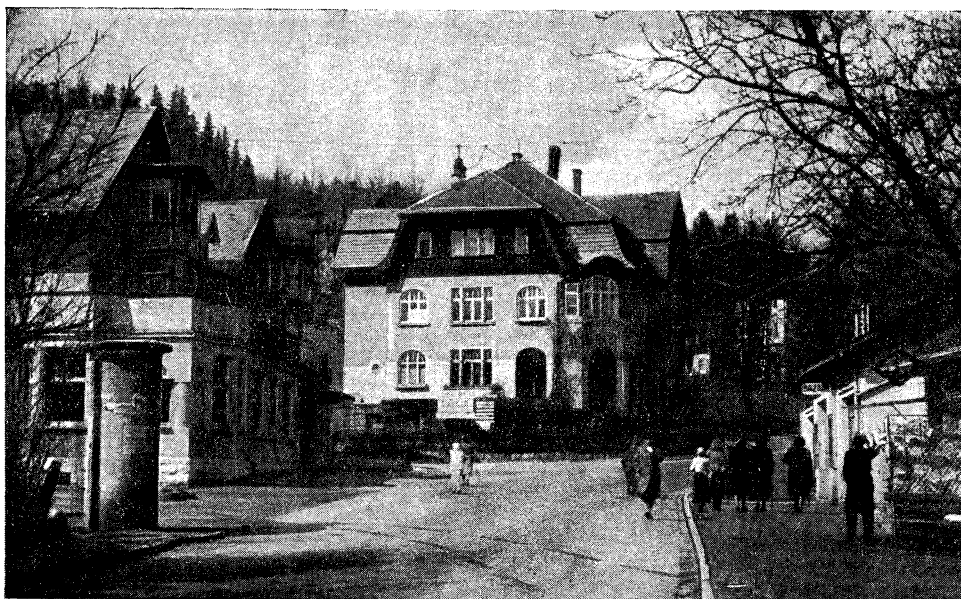
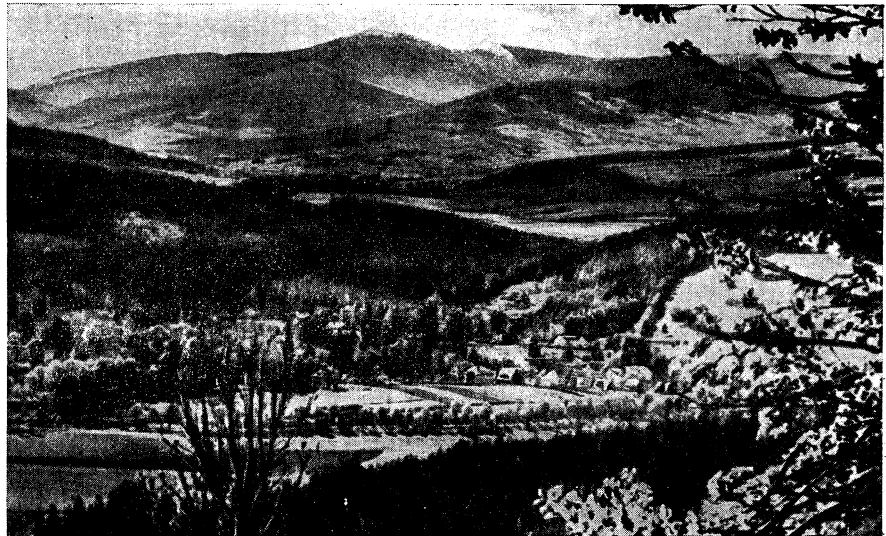
Город Валбжих и его окрестности — это крупный угольный бассейн Польши. Угольная свита Валбжиха насчитывает тридцать пластов, а общие запасы угля определяются здесь в несколько миллиардов тонн. Уголь отличается высокой калорийностью и большими техническими достоинствами. Валбжих — единственное место в Польше, где добывается коксующийся уголь. Здешние коксовые заводы ежегодно дают стране примерно 1,5 миллиона тонн продукции.

Наряду с угольными шахтами и коксохимическими предприятиями здесь сосредоточены и большие текстильные фабрики. Валбжих входит в крупный Нижне-Силезский текстильный район.

*Много в Карконошах
быстрых горных речек и
красивых водопадов.
На снимке — водопад
в окрестностях города
Карпач.*

*В живописной горной долине среди
густых лесов расположено курорт-
ное местечко Лондек.*

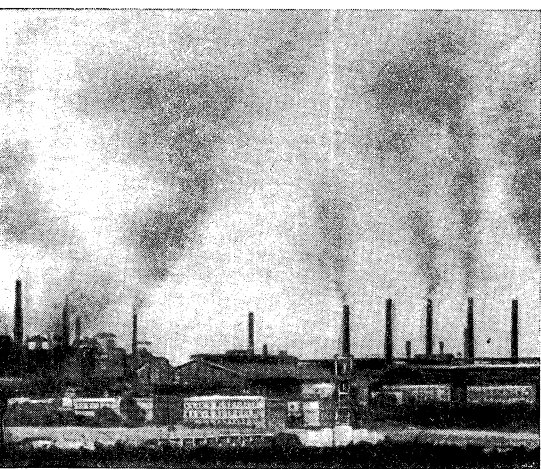
*Курортный город Карпач.
Одна из улиц.*

На склонах Судет и в долинах рек раскинулись деревни. Дома их прячутся в зелени.

На Клодзкой земле. Домики с островерхими крышами, характерные для горных районов Польши.

Город Валбжих значительно больше, многолюднее, чем Клодзко. Улицы его шире и просторнее. Дома преимущественно большие, многоэтажные.

Валбжих — характерный город горняков. Это особенно заметно, если пройти по его улицам вечером, когда шахтеры отдыхают. На улицах, в скверах и садах множество людей, одетых в традиционную горняцкую форму черного сукна: тщательно выглаженные куртки с рядами ярко начищенных медных пуговиц, узкие суконные брюки и цилиндрической формы черные шапочки, украшенные пышным султаном из белых, либо черных перьев.

В КАРКОНОШАХ

Из Валбжиха наш путь лежит на Каменну Гуру — большой узел железных и шоссежных дорог. Отсюда мы направляемся в сердце Судетских гор — Карконоши.

Хребты в Карконошах выше, круче. Самая высокая гора — Снежка (на территории Чехословакии) достигает 1603 метров. Шоссе здесь проложено по карнизам гор и изобилуют множеством крутых поворотов. Иногда дорога идет рядом с пропастью.

У подножья гор и в межгорных долинах растет лиственный лес. Здесь много тенистых лужаек, быстрых горных речек, немолчаливых, хрустальной чистоты водопадов. Чем выше, тем больше становится в лесном массиве хвойных пород: елей, пихт, лиственниц. А на самом веру горных хребтов карабкаются по скалам причудливые сосны, похожие то на раскрытый зонтик, то на веер, то на развернутый парус.

В зеленых солнечных долинах раскинулись небольшие, застроенные главным образом деревянными одноэтажными домами с характерными остроконечными крышами курортные городки. Среди них наибольшей известностью пользуются Карпач, Шклярска Поремба, Ковары, Цеплице, Серадув с целебными минеральными источниками. Сюда летом приезжают тысячи отдыхающих, чтобы подышать чистым и здоровым горным воздухом, подлечиться, а зимой — и показаться на лыжах.

В Карконошах работают многочисленные лесопильные и фанерные заводы, бумажные и мебельные фабрики. Из других отраслей промышленности здесь развито ковроткачество и особенно стекольное производство.

Известная на всю Польшу и за

Валбжих — центр Нижне-Силезского каменноугольного бассейна. Один из промышленных районов города.

ее пределами хрустальная фабрика в Шклярской Порембе славится изделиями тончайшей художественной работы.

Хрусталь фабрики Шклярской Порембы отличается своей необыкновенной прозрачностью. Это достигается не только использованием в производстве хрустала лучших сортов песка, но и высоким искусством мастеров, передаваемым из поколения в поколение. Здесь вырабатывается и цветной хрусталь: синий, голубой, фиолетовый.

Отличительной чертой хрустальных изделий Шклярской Порембы является своеобразие рисунков, наносимых на них. На вазах, розетках, блюдах можно увидеть и лесоруба, держащего топор с длинной рукояткой, и лихого возницу, и горный ландшафт, и цветы.

Гранильщики Шклярской Порембы очень любят изображать на хрустальных вазах ветку горной крупноцветной сирени.

ДОЛИНА ВИНОГРАДА

Дорога на город Еленю Гуру проходит среди гор более низких, чем Карконоши, но не менее живописных. Они почти до самых вершин покрыты лесом. На крутых склонах, подобно ласточкиным гнездам, лепятся руины средневековых замков, а на пологих скатах зеленеют расположенные террасами нивы, белеют крохотные крестьянские домики с островерхими, как и везде здесь, крышами. Такая особенность архитектуры строений вызывается тем, что здесь выпадает много осадков.

Город Еленя Гура расположен в большой, окруженной горами котловине. Это крупный промышленный центр.

В еленегурской котловине успешно возделывается виноград. Это единственное в Польше место, где виноградная лоза вынесена из усадеб в поле. Осенью в Еленей Гуре проводится ежегодно старинный традиционный праздник «винобрация», привлекающий тысячи людей со всей страны. Виноградари привозят плоды своего труда в город на общественный смотр. Заканчивается праздник большим народным гуляньем.

За Еленей Гурой, если ехать на северо-запад, начинается гряда Качавских гор. Они достигают пятисот и выше метров, но по мере продвижения к Болеславцу становятся все ниже, постепенно переходят в холмы и, наконец, незаметно сливаются с равниной.

В этой части Нижней Силезии теснее, чем где-либо, сочетаются, дополняя друг друга, промышленность и земледелие. Рядом с корпусами фабрик и заводов обычно простираются обширные поля. Здесь возделывают пшени-

цу, рожь, овес, но особенно большое место занимают тут плантации сахарной свеклы.

В городах Львувек, Злоторыя, Любань, Явор, Стшелдин сосредоточены различные промышленные предприятия, занятые главным образом переработкой добываемых здесь полезных ископаемых. В междуречье Ниссы Лужицкой и Бобра, у небольшого городка Житава разрабатываются месторождения бурого угля, пласты которого достигают в толщину нескольких десятков метров. В Турове, где мощность угольных пластов достигает пятидесяти метров, добыча ведется открытым способом. В районе Замбковиц добываются никелевые и магнетитовые руды.

В Жарове находится крупнейший в стране комбинат по производству минеральных удобрений, здесь же ведется разработка каолина.

На реке Бобр, в нескольких километрах от впадения ее в Одру, в 1951 году введена в строй крупнейшая в стране гидроэлектростанция «Дыхув», которая дает энергию многим промышленным предприятиям, рудникам и шахтам Нижней Силезии.

Окрестности города Болеславец известны месторождениями медной руды. Перерабатывается она на медеплавильном заводе в местечке Лонце.

За годы шестилетки здесь будут построены десятки новых промышленных предприятий, в том числе новые медные рудники, медеплавильный завод в районе Болеславца, заводы строительных материалов, а также ряд других крупных промышленных предприятий.

В МУЗЕЕ КУТУЗОВА

В центре тихого городка Болеславец, на небольшой засаженой каштанами площади возвышается каменный обелиск с надписью: «До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

В скромном двухэтажном домике помещается музей Кутузова. В одной из комнат второго этажа здесь 28 апреля 1813 года скончался изнуренный походами и ранами великий русский полководец фельдмаршал М. И. Кутузов, разгромивший Наполеона и преследовавший его в знаменитом освободительном походе русской армии в Европу.

В этой комнате произошла знаменательная встреча прикованного к постели Кутузова с Александром I. Здесь коронованный лицемер и ханжа подобоострастно просил у великого Кутузова про-

шения за травлю и издевательства, которым он подвергал великого полководца в течение многих лет. «Я, ваше величество, прощаю, но никогда не простит Россия», — ответил Кутузов царю.

По желанию полководца сердце его было похоронено недалеко от Болеславца на неприметном сельском кладбище, у большой дороги из Силезии в Саксонию, по которой победоносно шли вперед русские воины, а набальзамированное тело было перевезено в Петербург. Друзья великого фельдмаршала поставили на кладбище близ Болеславца памятник-обелиск. Этот памятник, дорогой сердцу русского человека, по сей день стоит у саксонской дороги.

В залах дома-музея Кутузова любовно собраны документы и экспонаты Отечественной войны 1812 года: карты и схемы, рассказывающие о славном боевом пути русских войск, голубые мундиры пехотинцев, кивера, старинные мушкеты, ружья, пики и сабли, репродукции с картин, посвященных событиям той эпохи, живописные и скульптурные портреты великого полководца.

Здесь собраны также документы, рассказывающие о великой победе героической Советской Армии над гитлеровской Германией.

Посетители внимательно осматривают стенды с материалами, рассказывающими о мужестве и бесстрашии советских солдат и офицеров, форсировавших Одру и освободивших Болеславец. На стенах висят картины, запечатлевшие эпизоды сражений, которые вели советские войска при переходе через Одру, и портреты воинов-героев, отличившихся при освобождении Нижней Силезии.

Музей Кутузова в Болеславце никогда не бывает пустым. В нем всегда множество посетителей. На страницах книги отзываются польский рабочий, и польский крестьянин, и польский ученый выражают чувства горячей благодарности великому советскому народу и его героической армии за свое освобождение. «Спасибо за свободу и дружбу, за помощь и пример, за возвращение старинных польских земель», — говорит в этих записях.

* * *

Нижняя Силезия развивается, крепнет. Даже самый пристальный взгляд уже не заметит на ее землях былых следов войны. Польский народ не пожалел труда, чтобы быстро возродить и повести к новому расцвету этот богатейший край.

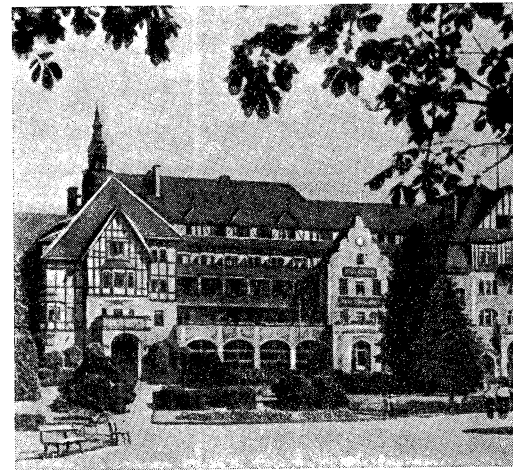
Курортный городок Кудова. Дом отдыха «Полония».

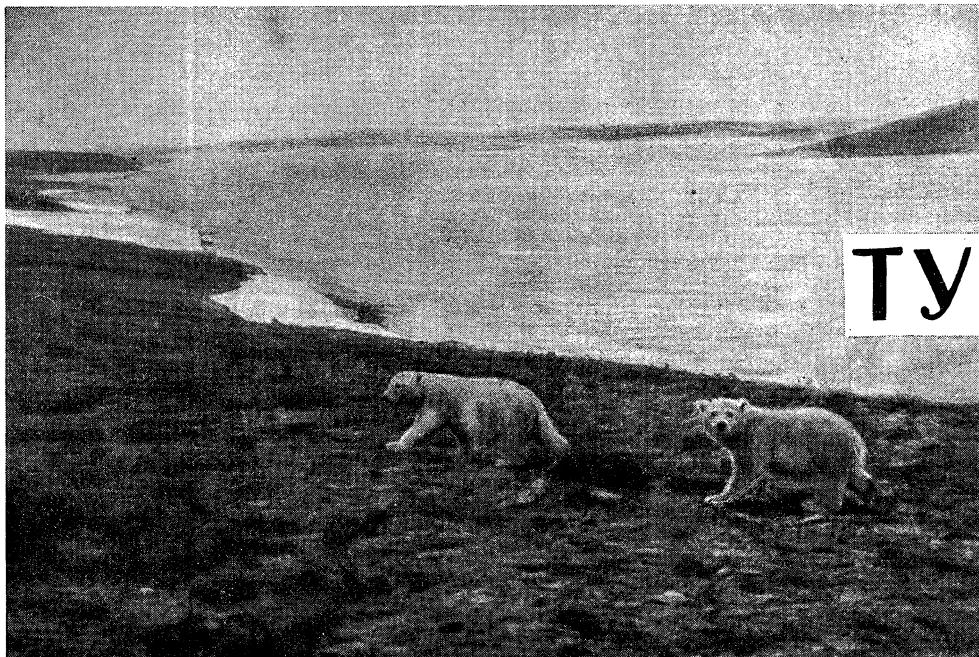

Глубокий снег покрывает зимой склоны Карконош. Ярко сверкают на солнце его пушистые хлопья, облепившие ветви елей.

Много отдыхающих приезжает в Карконоши зимой, чтобы покататься на лыжах на крутых горных склонах. На снимке — студенческая туристическая база в Карконошах.

ОТ ТУНДРЫ

(Очерк географических зон нашей Родины)

Н. МИХАЙЛОВ

Широкие равнины Советской страны, богатые рудами горы, сильные реки, густые леса, плодородные почвы — все в наших руках. Социализм превратил эти богатства в народное достояние, дал нашим людям великую силу и великую мудрость в борьбе за покорение и преобразование природы.

Но нельзя подчинить природу, не постигнув ее законов, не овладев ими, не опираясь на них. Нужно присмотреться к природе и понять ее.

Я хочу кратко рассказать о природе наших географических зон. Не о процессе преобразования природы в данном случае, а о ней самой.

* * *

Все на земле в конечном счете живет энергией солнца — и крепкий дуб и малая былинка. А низкое солнце севера шлет земле меньше тепла, чем высокое солнце юга, и то, что растет на крайнем юге, не может расти на крайнем севере — там своя жизнь, приурочившаяся к недостатку тепла. На Земле Франца Иосифа солнечные лучи дают квадратному сантиметру 15 калорий тепла в год, а в Ташкенте — 103, в семь раз больше.

На разных широтах неодинакова сила солнца, меняется почва, меняется вся живая природа — мир растений и животных. Одна за другой с постепенными переходами идут полосы по лицу нашей страны, — в каждой из них черты живой природы во взаимных влияниях под определяющим воздействием климата приобретают свой особый, неповторимый облик.

Прежде чем пройти с севера на юг все природные зоны нашей Родины, уясним себе общий их порядок.

Советский Союз лежит в умеренном климате, кроме узкой полоски на крайнем севере, где климат полярный, и небольших уголков на крайнем юге, где климат субтропический. Вот эти крайности и отсечем первым делом. Полярному климату у нас отвечают ледяные шапки на арктических

островах и тундра на материке, а на противоположном конце страны, за горами у южной границы, лежат субтропики.

Так верхний и нижний «этажи» отчленились, осталась главная часть «здания», то, что относится к умеренному климату, — основной массив страны.

Сначала разделим его на две большие части: на северную с лесом и на южную без леса. Граница пройдет примерно по линии Харьков — Саратов — Барнаул. Так тянется полоса повышенного давления, полоса антициклонов. Она-то и отделяет лес от безлесья. И понятно почему: на окраинах антициклонов в северном полушарии ветры дуют, как движутся стрелки часов: по северную сторону с юго-запада и запада, а по южную — с северо-востока и востока; первые вносят с Атлантики влагу — леса растут хорошо; вторые дуют из глубин материка и потому приносят мало влаги — лесам расти труднее.

Теперь берем обе части — северную лесистую и южную безлесную — и каждую из них членим на три доли. Северная часть делится так: хвойные леса, хвойно-широколиственные, или, как часто говорят, смешанные леса, лесостепь. Полосы, переходящие друг в друга и объединенные присутствием леса. А вот три доли южной части: степь, полупустыня, пустыня. Полосы, переходящие друг в друга и объединенные отсутствием леса на водоразделах.

Получилось восемь этажей, — будем лишь помнить, что это деление упрощенное, грубое.

Спустимся по этажам сверху вниз.

Волны полярных морей бьют в низкий берег тундры. Ветрено, пасмурно. Мелкий дождь, как из сита, сеет на лишайник и мох, на морощку, на блеклую траву.

Лето с немеркнущим светом, но с постоянной угрозой заморозка пролетает за 2—3 месяца,

Полярные моря как бы накатывают свои волны на низкие берега тундры. Дуют ветры. Часто моросит. С неба, как из сита, сеется влага на лишайники и мхи, на морощку и блеклые травы. Снег местами не успевает растаять за короткое северное лето. На снимке вверху — в тундре на Новой Земле.

Из новых глав к книге «Над картой Родины».

ДО СУБТРОПИКОВ

и хоть брызнет оно на землю яркими цветами — красными камнеломками, желтыми лютиками, голубыми незабудками, но согреть ее успеет лишь на какой-нибудь метр. Под оттаявшим слоем болотистой почвы лежит вечная мерзлота.

Суровая природа не помешала, впрочем, советским людям, хоть и с большим трудом, выращивать в зоне тундры овощи. Их потребовали выросшие там научные станции, порты и города.

В тундре кое-где по земле стелются кустарники, но деревьев нет. За линией средней июльской температуры в 10 градусов они без помощи человека не растут: листья и ветви испаряют больше влаги, чем корни могут поднять из холодной почвы. Безлесная, под серым небом, тянется тундра вдоль полярных морей на сотни, тысячи километров из конца в конец страны. Гогочут гуси и крикают утки несметными стаями на озерах, кричат кулики, неотступно звенят комариные тучи.

А минует короткое лето, и месяцев на девять падет неглубоким, но плотным слоем снег, закрутит в полярной ночи пурга, запольхают в небе огни северного сияния, придут сорокаградусные морозы.

Птицы улетят в теплые края, встретишь только белую куропатку да полярную сову. Песец из бурого станет белым. Пеструшки проложат свои ходы под снегом. Северный олень в поисках ягеля ударит по насту острым копытом и по самым рога всунет в снег свою волосатую морду. Люди с ног до головы оденутся в меха.

К югу теплее. Хоть влаги выпадает больше, но воздух суше. Тундра через лесотундру постепенно переходит в лес.

Сначала по долинам рек, а потом и всюду начинают появляться поодиночке деревья «криволеся» — низкие, корявые, изогнутые, обросшие космами лишайников. Вот, наконец, они сплотились в чащу, выпрямились, поднялись, стали даже касаться друг друга ветвями, затенили землю. И распростерлись на полстраны от Балтики до Камчатки дремучие хвойные леса.

Характерная особенность советских субтропиков — почти безморозная зима. По количеству выпадающих осадков они делятся на «сухие» и «влажные». Влажные субтропики — это главный наш район чая, цитрусовых и других ценных субтропических культур. На снимке вверху — Сочи, растительность влажных субтропиков.

На юге хвойные леса — будем называть их «тайгой» — дотягиваются до Ленинграда, Иванова, Горького, Тюмени и Томска, а за Томском — до государственной границы и долины Амура. Это самая широкая из всех наших зон, она могла бы покрыть всю Европу — целую часть света.

Чем дальше на восток, в глубь Сибири, тем тайга обширнее. В ней больше зверья — дымчатосерых белок, красных лисиц, горбоносых лосей, полосатеньких бурундуков. Но и туда, в далекую сибирскую тайгу, углубились дороги, поля и селения. Работают рудники. В тайге жужжит пила, готовит лес для строек.

В таежной полосе при теплом лете суровая зима. Почва сильно промерзает. Но в западной половине тайги, где теплее, нет вечной мерзлоты. До Урала растут ель и сосна, в Западной Сибири — главным образом ель в перемежку с пихтой и сибирским кедром. А за Енисеем мало снега, морозы же сильны как нигде и земля оттаивает только снаружи. Вечная мерзлота занимает всю восточную половину страны, кроме Приамурья и Приморья. И потому главное дерево в Восточной Сибири лиственница. Она еще больше, чем ель, похожа корнями на рюмку: пустила их не вглубь, а тонким слоем в стороны и держится на этом кружке. Зато ветру ничего не стоит ее повалить, — хоть и не силен там ветер, но вся тайга в буреломе.

Чтобы сократить испарение и меньше тянуть влаги из холодной почвы, лиственница на зиму сбрасывает хвою. Осенью, когда иглы пожелтеют, вся тайга золотая. Стукнешь по стволу топором или прикладом ружья — и дерево вмиг обнажится. На плоском кружке да без хвои лиственница и забирается на север дальше всех деревьев мира.

Получается, стало быть, что не вся тайга вечнозеленая. Лиственничные леса зимой стоят голые, прозрачные — черная сеть на белом фоне снега.

И не вся тайга сплошь хвойная. Кое-где к иглам примешаны и листья. Вырубки и гари покрываются березой да осиной, сырой луг зарос ольхой.

Но у березы, осины и ольхи листья мелкие. Широколиственных же, теневыносливых пород в тайге нет, лишь редко-редко попадетса липа. Нет клена, нет ясеня, нет вяза, а главное нет дуба. Когда эти деревья «широколиственно и шумно» вторгаются в молчаливые, колючие

Вдоль полярных морей на тысячи километров с запада на восток тянется безлесная, местами всхолмленная тундра. Почти девять месяцев в году она покрыта неглубоким, но плотным слоем снега. На снимке — тундра на восточной стороне Северного Урала

ельники, тайга превращается в хвойно-широколиственный, смешанный, лес.

В смешанные леса тайга переходит не везде. И они лежат у нас на карте не полосой по всей южной кромке хвойных лесов, а в двух местах на концах страны, поближе к океану: на Великой Русской равнине треугольником от Ленинграда на юг до Киева и на восток до Уфы, и на Дальнем Востоке треугольником от Комсомольска на юг до Владивостока и на запад до Благовещенска.

В этих треугольниках выпадает не меньше 550 миллиметров осадков в год. Оба треугольника с удалением от океана в глубь страны сужаются, выклиниваются, сходят на нет.

Милые русскому глазу и сердцу леса Подмосковья — они из хвойно-широколиственного треугольника Великой Русской равнины. Так сложилась история, что именно здесь, в этих-то лесах — задумчиво-красивых и скромных, выро-

сло и окрепло могущественное русское государство. Чудесные эти леса стоят фоном на полотнах «Золотой осени», «Марта», «Аленушки». По ним «идет-гудет зеленый шум». К ним прислушивался Чайковский: «неизъяснимый подъем духа, доходящий почти до проникновения в область абсолютной красоты, я испытывал только среди нашей смиренной природы...»

Сосна с высоким медным стволом, на котором отшелушилась и трепещет под ветром желтая пленочка. Береза с черными узлами на белой атласной коре, вся просвеченная солнцем. Ель с тихо колыхающимися лапами, с верхом в одну веточку. Дуб в яркозеленом кружеве волнисто вырезанных листьев.

Но не сосна и не береза отличают этот лес. Сосновый бор здесь растет не потому, что это его зона, — он может уйти и в тайгу и в степь. И березовая роща разрослась, воспользовавшись случаем: на сече первым делом появляется

До южной границы Советского Союза в Восточной Сибири протянулась тайга. Высоко в горы поднялись стройные ели перемежку с пихтой и сибирским кедром. На снимке — тайга в Саянах.

светлолюбивая, неприхотливая, быстрорастущая береза, но пройдут годы, и она уступит место первоначальным хозяевам леса, — после того, как они не спеша поднимутся под сквозным пологом листвы, защитившим их от яркого света и заморозков.

Ель и дуб вместе — вот что определяет эту зону. К северу от линии Ленинград—Уфа, в лесах Русской равнины, если не считать речных долин, нет дуба: там тайга. К югу от линии Киев—Уфа нет ели: там лесостепные места. А треугольник Ленинград—Уфа—Киев, где ель растет рядом с дубом, — это и есть зона смешанного леса.

Ель и дуб здесь «смешиваются». Но они не друзья. Этот треугольник — поле борьбы. Когда на Русской равнине стаял ледник и очистил место, тайга вступила в бой с широколиственным лесом.

Брусника

листьями землю, чтобы помешать расти мху, спутнику ели. А теневыносливые елочки тихомолком подрастают под пологом листвы и, простирая сплошной шатер и разводя кругом мох, хотят все заглушить и воцариться.

Смешанные леса Русской равнины — район густого населения. Здесь много полей, много заводов, много городов.

Хвойные и широколиственные деревья смешаны и в другом треугольнике — на юге Дальнего Востока, где в диковинных уссурийских лесах виноградная лоза обвивает северную ель, клюква растет рядом с лотосом, тигр встречается с соболем.

Зима в лесах — и в смешанных, и в хвойных, и на Великой Русской равнине, и особенно за Уралом — морозная. Но лето теплее, чем в тундре, — быстрее разлагаются отмершие ко-

Широкой полосой раскинулась черноземная степь с массивами колхозных и совхозных полей. Густая степная трава, ежегодно отмирая, накапливает мощный слой черного перегноя, дающего высокий урожай. На снимке — ковыль-ная степь в Аскания-Нова, УССР.

На рубеже тайги, за Верхней Волгой, сосредоточились несметные полчища еловых лесов — суровая армия в остроконечных шлемах. Ели сомкнулись плечом к плечу, сдвинув свои перистые ветви и сгустив сумрак у земли, где лишь белые цветочки кислицы, вечнозеленые листики брусники да сквозные лопасти папоротников нарушают однообразие мохового покрова.

А на юге, на рубеже лесостепи, стоят дубравы, весело блистая на солнце. Дуб испаряет много влаги, — а тут как раз наибольшее испарение во всей нашей стране: и осадков много и тепла.

Могучий дуб не один, у него целая свита. Когда листва еще не распустилась, а земля в лесу уже залита солнцем, у ног дуба ложится яркий и пестрый ковер из весенних цветов — подснежник пронзает своим зеленым острием и старый лист и зернистую корочку последнего снега. А позже, когда лес погрузится в тень, разрастутся широколиственные травы — сныть, колокольчики, ландыш. Сверху их прикроет орешник, всегда верный дубу. Сплетут свои ветки дикая груша, татарский клен, а еще выше, под стать самому дубу, иногда уж восьмым ярусом, поднимутся большие деревья ясеня, клена, липы, вяза, а дальше, на крайнем западе, за Полтавой, и граба.

И вся эта семья, предводительствуемая дубом ведет на пространстве от Киева до Ленинграда и Уфы сражение с армией елей. Спутники дуба стараются защитить, вытянуть молодые дубки, устилают своими

Л 16

решки и травинки. Они истлевают в перегной.

Но зато в лесах и осадков больше — не 200—300 миллиметров, как в тундре, а 300—600. Дожди поливают землю, затененную пологом леса, и вода вместо того, чтобы испариться, просачивается туда, где, как насос, работают корни деревьев. И по пути она уносит питательные вещества, выщелачивает, вымывает почву. Свежий перегной лежит сверху тонким слоем, а под ним — пустой «подзол», рассыпчатый и серый, похожий на золу. Потому и всю эту почву называют подзолистой.

Только в болотах, как и в тундре, распад замедлен избытком воды и недостатком кислорода. Там все лето нарастает торф. Болот же в лесной полосе немало, особенно на плоских местах: леса Западной Сибири заболочены наполовину, namного — и белорусское Полесье. Болота советский человек осушает, превращает в пашни и луга.

Осушаются и поймы рек. По решению сентябрьского Пленума ЦК КПСС сильно расширяются посевы овощей, и овощи занимают прежде всего пойменные земли, наиболее для них пригодные.

В подзолистой почве 2—4 процента перегноя, по плодородию ее не сравнишь с черноземом. Но обработай поле получше, напитай удобрениями, внеси в почву известь, введи тот севооборот, который нужно, — и лесные края урожаями могут обогнать своих черноземных соседей. В пятой пятилетке по дирек-

Полярная
звездочка

тивам XIX съезда партии средняя урожайность зерновых культур в нечерноземной полосе должна подняться до 17—19 центнеров с гектара. Этот урожай на центнер больше, чем на неплодильных полях центрально-черноземных областей. Дело в том что в лесной зоне почти не бывает засух.

Смешанному лесу Дальнего Востока на юге в пределах нашей страны не во что переходить: он упирается в границу государства. А смешанный лес Великой Русской равнины на юге переходит в другую, более сухую, зону — в лесостепь.

Туда ель не досягает: ей уже суховато и жарко. Дуб мог бы там господствовать, но у него появляется другой враг — степная трава. Для взрослого дуба травинки, конечно, так же страшны, как щелчки для слона. Но дубок, только что выклюнувшийся из жолудя, должен, чтобы вырасти, отбить буйный, опасный натиск трав.

В полосе лесостепи, от линии Киев—Уфа до линии Харьков—Саратов, дубравы борются со степью. То курчавится дубовый лесок, как обычно, с примесью ясени, клена и липы, с неизбежным орешником, с серыми лесными почвами. То оголилось открытое поле. В прошлом и человек помог: много лесов порубил. В лесостепи западнее Волги сейчас под лесом не больше седьмой части площади.

Есть поля и в лесной полосе, и большие. Но там, где ни встань, куда ни погляди, горизонт замыкается лесом. А здесь куртины деревьев лежат островками среди широкого степного океана, распаханного человеком.

Здесь «тучный дуб растет над тучной нивой». Широта, плодородие, а зайдешь в рошу — прохлада, лучи солнца процежены сквозь прозрачную листву.

Эти места становятся всем нам особенно родными с того дня, когда мы прочитаем «Записки охотника». Недаром очерк, завершающий их, так и назван — «Лес и степь». Там сказано: «Свежо, весело, люблю!»

* * *

Продвинемся еще дальше на юг. Последние лесочки исчезнут или попрятчутся в долины речек да в балки. И только недавно выращенные лесные полосы, прямые, как по линейке, будут тянуться по колхозным полям.

Циклоны заходят и сюда, но реже, чем в зону лесов. Чаще стоит ясный, солнечный антициклон, дуют сухие ветры, иной раз даже опалая хлеб. Дождь не моросит, как в лесах, а сразу прольется ливнем, зажурчит мутной водой по оврагам, и снова светит солнце, сушит землю. Не зайдут сюда циклоны — грянет засуха. Советские люди борются с засухой планомерно и упорно.

Лес растаял где-то на линии Харьков—Саратов, и до Одессы, до Краснодара и Ставрополя широкой полосой легла открытая черноземная степь с массивами колхозных и совхозных полей, с машинами на них. В Сибири степь уходит к Алтаю.

Кончились дубравы, с ними кончились и серые лесные почвы. Это видно сразу: поля черные, будто жирные; накатаные дороги так и лоснятся. Густая степная трава отмирает каждый год. Для полного распада стебельков и корней хватило бы тепла, да не хватает влаги, — и черной перегной накапливается мощным слоем: до метра и больше. Здесь процент перегноя не 2—4, как в лесах, а в среднем 10. В тепле влага склонна скорее испаряться, чем просачиваться, она не так вымывает, не так выщелачивает питательные вещества из почвы, как это было под покровом леса.

Виноград

Толщи палево-желтого рыжлого лесса,

намытые в свое время ледниковыми водами, на обширных пространствах наших степей покрылись благодатным черноземом. Азота в нем не меньше, чем в навозе. Корешки трав прокладывают поры, а перегной и углекислая известь, присутствующая лессу, скрепляет частички почвы в мелкие зерна, делает ее «структурной», комковатой, доступной для воздуха и влаги, — от этого плодородие чернозема еще увеличивается.

Плодородную степь, что разлеглась во все стороны и широчайшим окоёмом ушла под купол неба, мы называем «привольной», «раздольной». Мы любим ее размах, ее щедрость. Любовь народа к степному простору вырвалась восклицанием Гоголя: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!»

Конечно, и во времена Тараса Бульбы степная трава не скрывала всадника по самую шапку, так же как птица не могла не долетать до середины Днепра... Простим поэту восторг преувеличений: степи в самом деле прекрасны.

Чуть сошел снег, лиловые цветы прострела уже смотрят на солнце. Степь еще только собралась зеленеть, а уж горит на ней золото горицвета сквозь светлую голубизну гиацинта. А там пойдут ирисы, ветреницы, незабудки и, наконец, ковыль выбросит свои белые перья. Летняя жара разольется лиловым цветением шалфея, пока не ляжет белый ковер клевера и таволги. Но синий оттенок бросят на него колокольчики, их сменят тусклорозовые цветы эспарцета — и яркость мало-помалу поблекнет, трава побуреет, приблизится осень.

На Русской равнине степь почти сплошь распашана. В степи и лесостепи — семь десятых нашей пашни, тут главная житница Советской страны. Степь покорена человеком, она кормит наш народ, с каждым годом дает все больше и больше хлеба.

К югу лето жарче, дождей меньше. Почва уже не черная, а коричневая, как скорлупа у каштана. Разнотравье ушло, господствуют узколистные злаки — ковыль да типчак. Слышен запах полыни. Среди лета трава выгорает, и только в августе, когда цветет ковыль тырса, степь вновь подергается золотой пеленой. Совершается переход к полупустыне.

Запах южной степи никогда не забудешь.

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Эти строки из стихотворения Майкова на тему, взятую из Вольнской летописи. Брат не внемлет зову брата возвратиться в родные степи. Он глух даже к песням детства. Но все сомнения исчезают, когда ему дают пучок душистой травы из тех мест, где он вырос.

Полоса полупустыни со светлокаштановыми солонцеватыми почвами идет от Сталинграда по Казахстану севернее Аральского моря и озера Балхаш к Семипалатинску. Здесь не столько полей, сколько пастбищ. На пастбищах — большие колхозные и совхозные стада.

Нет уже сплошного травяного покрова: видны голые проплешины, как на потертом сукне. Всюду норы сусликов. Ковыль и типчак начинают отступать перед польнейю. Осенью ветер гонит упругие шары перекасти-поля, и они мчатся, подпрыгивая, пока не свалятся в канаву.

К югу от линии Астрахань—Балхаш выпадает 200 и меньше миллиметров осадков в год — малая толика воды, выжатая из забредших циклонов.

Дождей совсем мало: равнины Туранской низменности под крутыми лучами южного солнца, падающими с безоблачного неба, могли бы испарять раз в десять больше влаги, чем сами получают. Здесь до гор Средней Азии разлеглись пустыни.

Разнообразна природа нашей страны — от зоны тундр на севере до субтропиков на юге. На снимке: вверху — тундра зимой в Нижне-Колымском районе Якутии (фото Н. НЕМЦОНОВА); внизу — вечнозеленая растительность — цветущие агавы, кактусы и драцены в районе Сухуми на Кавказском побережье Черного моря (фото В. МИКОША).

Пространства нашей Родины, занятые лесом, равны территории США вместе с Аляской. Разнообразен и состав растительности: карликовые березы лесотундры сменяются вековыми 40—50-метровыми соснами, лиственницами и кедром тайги. На снимке: непроходимый черневой лес из ели, пихты и кедра в Горной Шории (Алтайский край).

Фото Г. САНЬКО

Почва не то что не черная и не коричневая — даже не бурая, а серая, будто выгорела. Мало в пустыне падает на землю отмерших растений, — тут голой земли больше, чем заросшей. Да и те остатки растений, что пали на почву, в жаре перегорели, разложились почти нацело. В почве лишь полтора процента перегноя, потому она и серая.

Но после распада питательные вещества из-за безводья выщелочены слабо, и эта светлая земля, дай ей воду, будет на диво плодородной.

Правда, это больше относится к южным, среднеазиатским, пустыням. А здесь, в пустынях Казахстана, куда сейчас мы вступили из полосы полупустынь, земля слишком уж посолена. Чтобы почувствовать соль, нужно лизнуть листик тамариска: за ночь на нем выступили горько-соленые капельки, а днем солнце их высушило в мелкие кристаллы.

Вид на Главный Кавказский хребет со склонов Эльбруса.

Всюду пятна солонцов, — в них присутствует сода, а она растениям вредна. Пучками на голой земле торчат солянки да полынь.

На взгляд поверхностного наблюдателя — гиблые, скудные места. Меж тем это не так. Искусственное гипсование в сочетании с травопольным севооборотом делает солонцеватые почвы плодородными. Тронутая первым морозом полынь теряет эфирные масла, а вместе с ними горечь, и становится лакомым и питательным кормом. Когда гонят овец на мясокомбинат и хотят поднять их убойный вес, выбирают маршрут по полынным пастбищам.

Даже пустыня, покрытая пятнами солонцов, не покажется скучной, если взглянуть на нее внимательным глазом. Вот что написал один исследователь: «Огромные, весной яркозеленые солонцы с появлением удушливых жаров постепенно становятся желтоватыми, а наконец и яркожелтый цвет, который с наступлением первых осенних дней переходит в розовый, кроваво-красный и фиолетовый. В то же время показывается молодая зелень новых отпрысков, и все четыре цвета удивительно хорошо гармонируют между собой. Представить себе весь эффект подобной оригинальной картины, особенно при восходе и закате солнца, трудно. Нужно ее видеть, чтобы убедиться во всей ее красоте».

А знаменитый туркменский поэт Сеиди сказал даже так:

«Земли все пред тобою убоги, пустыня»

Любовь к родному краю естественна, и ее уважаешь. Но все-таки пустыня есть пустыня. И сердце больше радуется, когда она возделана и щедро служит народу. Это хорошо видно в более южных, среднеазиатских пустынях.

Там плодороднейшие сероземы лежат на чуть покатых предгорных лессовых равнинах, где больше осадков. Вредные растворимые соли унесены в пористый лесс. От лесса в почву перешел углекислый кальций. В избытке тепла и света политый серозем предгорий приносит высокие урожаи хлопка, успевают дать до семи укусов люцерны, налить яблоки на трехлетнем дереве, поднять тополь за пять лет. Нужно лишь умело поить эту землю: если вода не стечет, она вытя-

нет слишком много соли на поверхность, а сама испарится и превратит поле в солончак.

Поле в Средней Азии получает не только свои 100–200 миллиметров осадков с неба, а еще 400–600 из оросительных каналов — за счет горных дождей и снегопадов. В увлажненном зеленом затененном оазисе температура летом снижается на три градуса и больше, будто мы сдвигаем это место на полтысячи километров к северу. Так велика сила воздействия человека на природу.

А вокруг сушь и голозна. Только ранней весной, когда сюда заходит теплый иранский воздух, поднимаясь в циклоне, смачивает землю дождями, пустыня сразу покрывается сплошной зеленью осоки и мятлики, а на зеленом фоне расцветают яркие ирисы, маки, тюльпаны и лютики. И где-нибудь в предгорьях у Ташкента на одном квадратном метре ботаник насчитывает тогда больше 5 тысяч растений — плотность растительности у нас, пожалуй, наивысшая.

Но промчалась свежая, разноцветная весна, почва стала горячим серым камнем. Иссохла трава, черепахи и желтые суслики зарылись в землю, завалились спать на девять месяцев, до будущей весны.

Между северными и южными сероземными пустынями лежат пустыни песчаные — Кара-Кумы, Кызыл-Кумы, Муюн-Кумы, ве-

Аюотс

Большие пространства Средней Азии заняты пустынями. Только ранней весной, когда выпадает основная доля годового количества осадков, пустыня оживает, покрываясь зеленью трав и яркими цветами. Затем наступает иссушающая жара и, кроме солянок, полыни и кустов саксаула и тамарикса, в пустыне ничего не видно. На снимке — пустыня Кара-Кумы.

ликие наносы доисторических рек, перевейные отложения морей, необозримые поля раздробленного стертого камня древних гор.

Как раз тут-то, вдали от океана и от горных хребтов, выпадают самые скудные осадки во всей нашей зоне пустынь: в глубине Кара-Кумов до 80 миллиметров в год. Земля накаляется до +80 градусов, а иногда и больше. Даже ящерица гибнет, если ее три минуты подержать на солнце-пеке.

И вместе с тем именно тут, в раскаленных песках, и запасена живая влага. Туркмен говорит: «Есть песок — есть вода».

Песчаная земля не только впитывает дождевые капли, но и сгущает водяные пары в своих прохладных недрах. Песчинки слишком крупны, чтобы задерживать влагу, она уходит вниз, накапливается там слоем грунтовой воды. И песчинки слишком крупны, чтобы оттуда она сама могла подняться вверх.

Потому песчаная пустыня почти вся заросла. Травинка от травинки, кустик от кустика поодаль, но пустыня велика, богата и пастбища. Полынь для овец хороша, а осочка «иляк» едва ли хуже: весной отцвела, а стоит целый год, долго сохраняя и жир и белок. Пустыня не пуста. Там пасется скот.

Под песком всегда влага, и растению, чтобы напиться, нужно лишь пустить ветвистый, длинный корень. В летний день жарко и сухо, как в печи, а верблюжья колючка зеленеет: ведь корень у нее протянулся чуть не на два десятка метров.

И корень жадный, он так и всасывает воду. Сосущая сила корней у растений пустыни иногда превышает сотню атмосфер.

А чтобы в этом пекле впитанная влага не сразу испарялась, листья на многих растениях превратились в колючки.

Песок зыбок, как морские волны, — подул ветер, двинулись, полетели песчинки, захлестнули растение, а оно из верхних почек выбросит отростки, пробуривит песок, и вот кустик как ни в чем не бывало выплыл на поверхность.

Растения выплывают, а животные нарочно утопают: чуть опасность, маленькая ящерица вдруг содрогнулась и исчезла. А степной удав мо-

жет даже ползти под песком — сам не виден, а чертит змейку.

Приноровились животные и к отсутствию воды. Одни просто не пьют, а другие, как антилопа джейран, бегают попить за сотни километров. Но и джейрану не легко отыскать водопой: рек нет, лишь зимой да весной блестят среди песков пресные озера. Дождевая вода тонким слоем заливает глиняные понижения — такыры. А к лету и такыры высыхают, растрескиваясь шашками на ма-нер паркета.

Не такыры и не сыпучие барханы дают облик песчаной пустыне. Она вся исчерчена буграми и грядами. Их намели господствующие северные и северо-восточные ветры.

Дыхание Сибири овекает всю Туранскую низменность и до самых гор доносит зиму. Морозы, хоть на юге и небольшие, не позволяют назвать пустыни Средней Азии субтропиками, пусть там летом и жарче, чем даже под экватором.

И только в немногие низкогорные долины не достают эти холодные ветры, смиряясь перед степною гор. За спиной Гиссарского хребта скрыты долины Сурхан-Дарьи, Кафирнигана и Вахша. Левое плечо Копет-Дага загораживает долину Атрека и Сумбара. Вот там-то субтропики.

В нашей стране субтропики не развернулись в широкую, непрерывную зону. Они раскололись на кусочки и, защищаясь от холодных ветров, встали в тот гигантский пояс гор, что тянется по южной границе.

Субтропики Средней Азии и есть звенья этой раздробленной цепи.

В укрытых предгорьях за Копет-Дагом, где ущелья поросли непролазными чащами граната, миндаля, алычи и грецкого ореха, где все перепутано диким виноградом, летом жарко, а зимой тепло. Бывает, что мороз заглянет, но не часто. Средняя температура января около 5 градусов выше нуля. Растительная жизнь в холодное время замедляет свой ход, но почти не останавливается.

Вложишь труд, и приживутся нежные растения далеких южных стран

сон-трава

Тюльпан

На Атреке колышут своими перистыми листьями аравийские пальмы, чуть не метр в обхвате. Они поселены здесь советским человеком. С одной пальмы можно получить до полуцента сахара-ристых фиников. К сожалению, финики не каждый год вызревают.

Немногим холоднее и за Гиссарским хребтом, где Сурхан-Дарья, Кафирниган и Вахш текут в Аму-Дарью. Там тростник, похожий на бамбук, вытягивается над водой, как лес, и скрывает тигров.

У всех звеньев субтропической цепи, протянувшейся по южной границе Советского Союза, есть общее: почти безморозная зима. Но влагой наделены они по-разному.

В среднеазиатских субтропиках осадков совсем мало: лишь немногим более 200 миллиметров в год. Дожди перепадают зимой да весной, а летом сухо. Это «сухие субтропики». Тут поля и сады нельзя не орошать. В сущности, это та же сероземная пустыня, но с безморозной зимой.

Так же и в другом, похожем звене: на равнинах вдоль Куры и на Апшеронском полуострове в Восточном Закавказье. По соседству с южным Каспием зима мягкая, снег бывает редко: в Баку средняя температура января почти +4 градуса. А лето жаркое и без дождей: 200 с лишним миллиметров набирается в остальное время года.

Пожой и самый северный участок советских субтропиков — берег Крыма, прикрытый горами. В Ялте средняя температура самого холодного месяца +4 градуса. И осадков, казалось бы, порядочно: 400—600 миллиметров. Но они выпадают зимой. Лето там тоже сухое.

Между Каспийским морем и Талышскими горами вокруг Ленкорани, где растет железное дерево необычайной прочности, где в горных лесах можно найти тысячелетние тисы, где на колхозных фермах живет горбатый бык зебу, животное Индии, куда залетает белый ибис, священная птица древних египтян, осадков еще больше — 1 200 миллиметров. И они уже наступают на лето, но все же влажными субтропиками эти места можно назвать с оговоркой: в первой половине лета воцаряется засуха. Молодняк субтропических растений приходится цыновками и листьями папоротника загораживать от солнца. Скажем так: это «полусухие субтропики».

И лишь к другому, последнему и самому важному звену в той цепи, которую мы перебрали, — к черноморскому побережью Кавказа название

«влажные субтропики» приложимо вполне. Это главный наш район чая, цитрусов, различных других ценных субтропических культур. В Батуми, где средняя температура самого холодного месяца выше +6 градусов, дождемер показывает 2 500 миллиметров годовых, как нигде в нашей стране. Ливни льют и осенью, и зимой, и весной, и летом. Если б вода не стекала и не испарялась, одноэтажные дома за год были бы залиты до крыш. Тут уж приходится не орошать пустыню, а осушать болота.

В тепле и сырости остатки растений разлагаются почти целиком и выносятся водой. На возвышенных местах из-за бедности перегноем почва не черная, а красноватая и желтая: она окрашена большой примесью железа, которое не вымывается, а, наоборот, накапливается. Такие почвы после обработки хороши под чай.

В широколиственном лесу — вечнозеленые заросли лавровишни, рододендрона и самшита. Деревья покрыты доверху блестящей чешуей плюща, оплетены канатами лиан. Шестиметровый лес вырастает за год, за два, — только по несгнившим стеблям кукурузы можно догадаться, что здесь совсем недавно была пашня. Папоротник за одно лето достигает человеческого роста.

Растению нужно не только тепло, ему нужна и влага. И та черед растительной жизни, что прошла перед нами от тундры до субтропиков, определена не только градусами температуры, но и миллиметрами осадков. В Колхиде и Бет-пакдале летом одинаково жарко. Но в сухой Бет-пакдале идешь по голой запекшейся глине, а во влажном колхидском лесу прорубаешь дорогу топором.

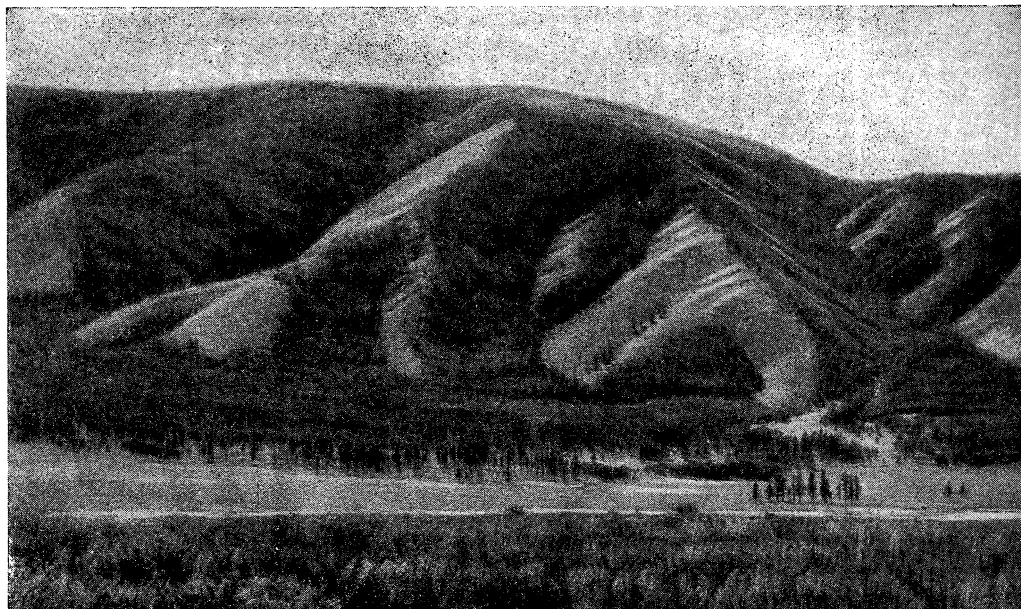
Влажно в Колхиде потому, что над нею лотком возвышаются горы. Воздух, поднимаясь по лотку, охлаждается и выделяет дождь, который поливает не только склоны гор, но и предгорную равнину. Колхидские болота сейчас осушаются, на их месте создаются плантации субтропических культур.

Когда мы приближались с севера к горным хребтам юга, тепло нарастало, а осадки уменьшались. Но стоило нам вместе с массами воздуха сходу удариться в горы и хоть чуть скользнуть по их склонам, как температура стала падать, а осадки расти.

Будто мы, поднимаясь на горы, обратились вспять и вновь, уже в опрокинутом виде, пересекаем только что пройденные зоны.

Различные природные зоны наблюдаются иногда совсем рядом. На этой фотографии, изображающей отроги хребта Танц-Ола (Тувинская автономная область), отчетливо видно, что одни склоны (северные) покрыты лесной растительностью, а на других (южных) располагается степь.

М. ВИКТОРОВ

ДАККА

Мы едем в Дакку, столицу Восточной Бенгалии. За окнами вагона расстилается Бенгальская низменность. Расположенная по нижнему течению величайших рек Азии — Ганга и Брахмапутры, она тянется на сотни километров.

Часто пересекаем по мостам многочисленные рукава нижнего Ганга, медленно несущего свои мутные воды в Бенгальский залив. Иногда, в особенно низких местах, берега ограждены искусственными насыпями, закрепленными пальмами, тиком, манговыми и другими деревьями.

Во время разливов вся огромная равнина заливаается водой. Поэтому железные и шоссейные дороги строятся на насыпях в 2—2,5 метра высотой. На сваях или на искусственных насыпях стоят и деревушки.

Продолжение. См. «Вокруг света» № 1.

Рис. В. Эльнонина по мотивам народного творчества

Здесь нет лесов. Вокруг — поля, поля и поля, на сотни километров. Ни одного клочка необработанной земли. Густой стеной в полметра высоты стоит на маленьких участках темнозеленый джут; светлозеленый ковер риса покрывает обширные пространства. И так от Читтагонга до Дакки и дальше, вплоть до небольших возвышенностей на севере провинции.

Но вот мы в Дакке, столице огромной провинции, насчитывающей 42 миллиона жителей.

Дакка несколько раз была столицей Бенгалии. Но с тех пор как в конце XVII века англичане основали Калькутту и превратили ее в свой главный опорный пункт для экономического и политического проникновения в долины Ганга и Брахмапутры, столица Бенгалии была перенесена в Калькутту. Дакка оставалась лишь административным центром небольшого сельскохозяйственного района. После раздела Бенгалии Дакка

становится центром Восточной Бенгалии, входящей теперь в состав Пакистана. За последние пять лет население города, не превышавшее до 1947 года 150 тысяч, выросло почти в три раза.

Первое, что бросается в глаза при въезде в Дакку, — кривые узкие улочки, низкие кирпичные двухэтажные дома, почерневшие от частых дождей, сплошной ряд лавок с натянутыми над витринами тентами — защитой от солнца. Самым распространенным видом городского транспорта являются пэджикэбы. Автобус ходит только в центре города.

В городе много пышной тропической растительности — кокосовые пальмы, банановые и манговые деревья, особые виды акаций, эвкалипты, олеандры и множество других. Многообразны декоративные и вьющиеся растения.

Дакка — единственный город в провинции, в котором есть высшие учебные заведения: университет, медицинский колледж, инженерное училище.

В районе Рамна, где живет буржуазия, каменные виллы и коттеджи окружены цветущей зеленью. К Рамне примыкает старый город Дакка. Это город бедноты. Дома здесь ветхие, улицы пыльные, нечистоты выливаются в канавы, предназначенные для стока дождевой воды.

В Дакке нет крупной промышленности. Есть только небольшие предприятия: маслобойные и рисоочистительные заводы, фабрики по изготовлению тростникового сахара «гури», железнодорожные мастерские, кирпичные заводы.

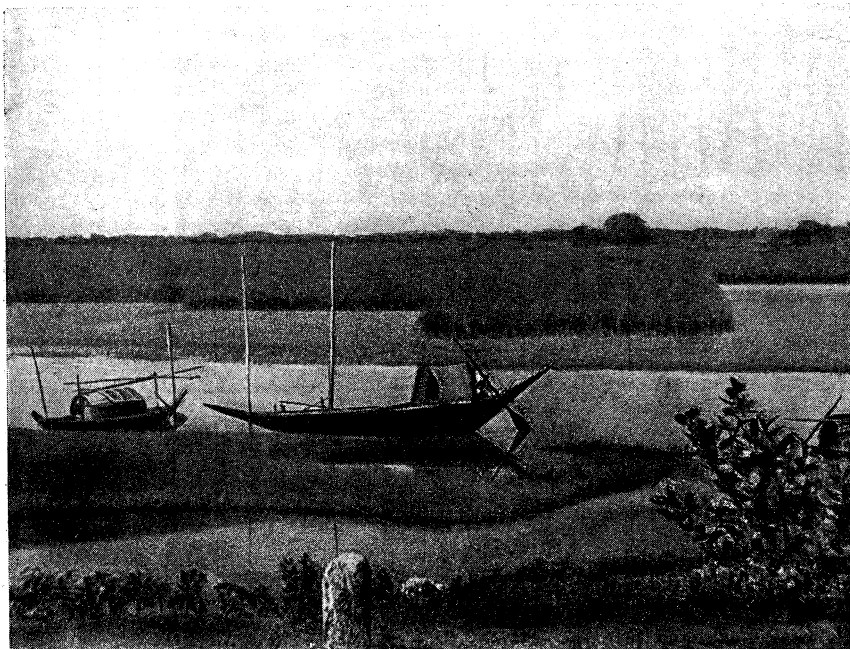
Кустарное производство — изготовление знаменитого даккского муслина, резьба по слоновой кости, серебряные филигранные работы — все, чем издавна славится Дакка, является основным занятием ее населения и по сей день. В старом городе можно увидеть гончара, делающего посуду тут же на улице; кузнеца, согнувшегося над низенькой наковальней; кустаря, готовящего разноцветную основу для «сарии» или «дхоти». Здесь же «золотых дел мастер» изготавливает браслеты, кольца и другие украшения из меди или сплава алюминия.

Улицы полны бродячими торговцами и нищими.

Сразу же за городом начинаются рисовые, джутовые и тростниковые поля. Вплотную к городу, почти сливаясь с ним, примыкают деревни.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦЕНТР НАРАЯНГАНДЖ

Экономическим центром Восточной Бенгалии и центром ее джутовой промышленности является город Нараянгандж, расположенный в 20 километрах к югу от Дакки на бе-

Джутовое поле в Восточной Бенгалии. Среди таких полей плавают по каналам небольшие крестьянские лодки.

КАТТАЛЬ

Всюду в Восточной Бенгалии — по берегам рек и обочинам дорог, на пустырях и непригодных для обработки землях — растет неприхотливое дерево, называемое по-бенгальски каттал.

У этого довольно высокого дерева редкие ветки и светлозеленые листья. Дерево дает желто-зеленые плоды, размером с большую чарджуйскую дыню, покрытые мягкой кожурой с многочисленными выступами. Плоды растут обычно на длинном отростке, отходящем прямо от ствола дерева в его нижней или средней части. На таком отростке бывает несколько плодов, реже один. Иногда они растут и на толстых нижних ветках вблизи от ствола.

Внутри плода находятся, как бы переложенные белой мочалкой, большие плоские коричневые зерна, окруженные съедобной желтой мясистой мягкой массой. Вкус ее приторно-сладкий.

Каттал является одним из основных продуктов питания трудового люда Восточной Бенгалии.

регах Ситалакши — полноводного рукава Ганга.

В Нараяндж мы едем на катере. По реке снуют лодки самых различных типов и размеров и речные пароходы очень устаревших конструкций. Бросаются в глаза особые, закрытые баржи для перевозки джута в порты Читтагонг и Чалну. Чтобы уберечь джут от дождя, на палубах барж во всю их длину сделаны надстройки из оцинкованного железа с огромными раздвижными дверями.

В затоне, который встретился нам по пути, стояло у берега около 20 небольших, сильно изношенных пароходов. Мы приняли их за кладбище судов, отживших свой век, но оказалось, что эти пароходы все еще действуют.

Подплываем к Нараянджу. По берегам тянутся длинные каменные сараи, где прессуют в кипы джут, текстильные фабрики, маслобойные заводы, склады. На их стенах и покатах крышах огромными черными буквами выведены названия компаний, почти исключительно английских.

Катер причалил к пристани Джутового совета — правительственного органа, ведающего вопросами сбыта джута. Во время встречи с работниками совета мы спросили, не устарели ли названия джутовых компаний.

— К сожалению, нет, — ответил один из работников совета. — Все эти компании существуют и сейчас. Я бы сказал, что после образования Пакистана число их даже выросло. В настоящее время до шестидесяти процентов торговли джутом находится в руках англичан. Они монополизировали и перевозку джута из районов, где он производится, к прессовальным установкам и в порты Читтагонг и Чалну. Огромные баржи, что вы видели на реке, почти все принадлежат англичанам. Английские компании захватили в свои руки и скупку джута. Скупочная цена на джут сейчас составляет всего лишь пять

рупий за маунд¹, а компании продают джут на мировом рынке по двадцать—двадцать пять рупий за маунд. Выращивание джута, играющего чрезвычайно важную роль в экономике страны, стало нерентабельным для производителей. Что это означает для государства, можно судить по тому, что джут, хотя им занято лишь четыре процента обрабатываемой земли Пакистана, дает более пятидесяти процентов всех валютных поступлений страны. Эти проценты легко можно было бы увеличить, если бы мы вывозили не сырье, а готовые изделия: канаты, мешки, брезент. Поэтому мы кровно заинтересованы в строительстве фабрик по переработке нашего «золотого руна»... Если хотите, я могу показать вам одну из таких фабрик.

Мы, естественно, охотно приняли это предложение.

«ЗОЛОТОЕ РУНО»

Катер доставил нас к пристани самого крупного в Восточной Бенгалии предприятия по переработке джу-

¹ Маунд — мера веса, равная 37,3 килограмма.

та — «Адамджи джут миллс». Еще издали видны большие корпуса строящейся фабрики на чуть приподнятом правом берегу рукава Ганга — Ситалакши.

В сопровождении небольшой группы работников направляемся к корпусам. Инженер, идущий с нами, рассказывает, что в 1955 году фабрика должна выпускать 60 миллионов мешков и 145 миллионов метров ткани в год. Кроме этой фабрики, уже построено 4 мелких джутовых предприятия.

Осматривая цехи, мы обратили внимание на самый большой из них, почему-то пустующий. Инженер объяснил нам:

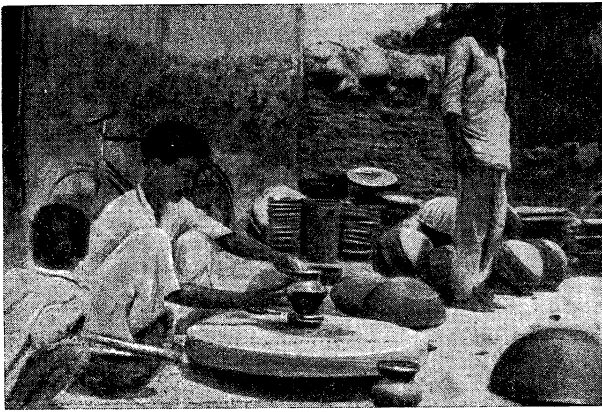
— Очень трудно создавать свою промышленность. Ни англичане, ни американцы не продают нам машин и оборудования. Они хотят, чтобы мы, основные производители джута, вечно поставляли сырье, а сами потребляли их продукцию. Промышленники английского города Данди, где перерабатывается наш джут, принимают все меры, чтобы сорвать выполнение сделанного нами английским машиностроительным компаниям заказа на поставку оборудования. Вот и стоят наши цехи пустые.

Нас пригласили посетить бенгальскую деревню и посмотреть, как выращивается джут.

...Лодку динги, в которой мы едем, легко ведет по каналу, правая одним веслом, молодой бенгалец. Муссонные дожди, от которых разливаются реки, затопляя поля на многие километры, еще не начались. Разлив ожидается в середине июня, через 20—25 дней. Крестьяне готовятся к нему: подсаживают и посреживают рис и джут, огораживают свои поля невысокими насыпями, чтобы задерживать ил, конопят лодки, которые в течение 4—5 месяцев будут для них единственным средством транспорта.

Одна из улиц в Дакке — столице Восточной Бенгалии.

Уличный гончар
в Дакке.

Вскоре мы пристаем к полям, покрытым джуютом.

Нас знакомят с зажиточным для здешних мест крестьянином: он владец одного из полей. Семья его состоит из 22 человек — сыновья, невестки, внуки.

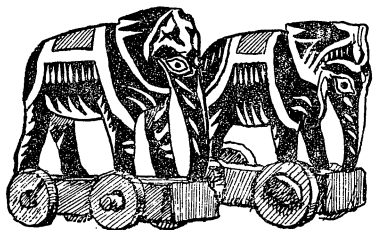
На поле джут стоит сплошной темнозеленой стеной высотой в 60—70 сантиметров. Скоро он будет залит на полметра водой, которая сохраняется на поле до августа—сентября, когда джут достигнет более трех метров высоты и полностью созреет. Крестьянину предстоит срезать его в воде под самый корень, связать стебли в пучки, полторы-две недели вымачивать, затем сдирать лубяную часть со стеблей, промывать, сушить, трепать, и только после этого он может продать его скупщику. Затем на специальных станках джут пресуется в стандартные кипы весом в 180 килограммов и в таком виде вывозится за границу, где из него выделывают высококачественную мешковину, прочные канаты, брезенты, декоративные ткани, ковры.

— А какой доход вы получаете от джута? — спросили мы у крестьянина.

— Какой доход?.. — переспросил он. — В убыток обходится. Если не поднимутся цены на джут в будущем сезоне, неминуемо разоримся. Уже в этом сезоне разорились многие. Агенты английских и пакистанских компаний получают от торговли джutom огромные барыши, а нам платят анны...¹

В сопровождении нашего собеседника направляемся в деревушку, расположенную недалеко от джу-

¹ Анна — мелкая пакистанская монета.

тового поля. В бенгальской деревне нет улиц. Обычно все хижины разбросаны в беспорядке, словно горох на столе. Хижина или небольшая группа хижин, обычно одной разросшейся семьи, располагаются на искусственной насыпи. Земля для насыпи берется тут же рядом, а поэтому хижины разделены большими ямами, наполненными стоячей водой.

— А вот и мое бенгало. Посмотрите, как мы живем, — показывает нам на свое жилище старик.

Поднимаемся на насыпь. На маленькой площадке стоят две легкие тростниковые постройки, разделенные небольшим двориком. В одной сильно покосившейся хибарке живут все 22 члена семьи старика, в другой помещается скот. На дворе сушатся табак и перец, стоит глиняная печка. Вокруг хижин растут огромные фикусы.

Жилище состоит из одной большой комнаты, в которой совершенно отсутствует мебель. Вдоль просвечивающих циновочных стен, на полу, устланном такими же циновками, лежит несколько разноцветных узлов. Это постельные принадлежности — по существу все богатство дома. В одном углу стоит большой глиняный кувшин с водой, горлышко его закрыто консервной банкой, заме-

няющей кружку. Рядом 5—6 больших глиняных мисок. Вот и все хозяйство! Так живет «зажиточный» крестьянин в Бенгалии.

А как же живет бедняк?

В соседнем дворе мы увидели конуру в 3 квадратных метра со стенками из тех же циновок. Даже узелка с постельными принадлежностями не было в этом бенгало — хижине крестьянина, не имеющего своей земли и арендующего ее у помещика.

Мы прошли через деревяню по «главной улице» — тропинке, извиляющейся между ямами. По берегам полных зловонной воды ям теснятся бенгало бедняков.

Из деревни мы снова возвращаемся в Нараянгандж и теперь уже более основательно знакомимся с городом.

Нараянгандж резко отличается от других городов Бенгалии, которые представляют собой не что иное, как разросшиеся деревни. Нараянгандж — это рабочий город, город зарождающегося пролетариата.

Двух- и трехэтажные здания в центральной части города, с маленькими окошками, в которые вместо стекол вставлены железные решетки, с наружными железными лестницами и высокими каменными заборами напоминают скорее тюремные или казарменные, чем жилые помещения. К заборам и стенам лепятся сделанные из фанеры и циновок жилища разорившихся крестьян, прибывших сюда в поисках работы.

Улицы забиты народом. Дома, одежда людей — все говорит о неимоверной бедности местного населения. Огромные фикусы, густо разросшиеся вдоль улиц, не в состоянии прикрыть своими большими листьями нищету обитающих в их тени людей.

БЕНГАЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

В Дакку мы возвратились вечером.

В помещении клуба, где мы остановились, было невыносимо жарко.

ГИАЦИНТ

Всем хорошо известен гиацинт — цветок, выращиваемый в садах, на клумбах и в комнатах. Это одно из самых распространенных луковичных растений из семейства лилейных, с очень душистыми цветами колокольчатой формы, которые собраны в густые колосовидные кисти.

Гиацинт цветет ранней весной, и чем ближе к югу, тем раньше. Его родина — Средняя Азия и Южная Европа. Существует около тридцати видов гиацинта. В Голландии и на юге Франции гиацинты разводят для получения эфирного масла, используемого в парфюмерии.

Около ста лет назад гиацинт был завезен в Бенгалию. Попав в исключительно благоприятные климатические условия, это растение быстро распространилось и превратилось в сорняк — злейшего врага сельского хозяйства. Когурибана, как называют его бенгальские крестьяне, очень влаголюбивое растение. Случается, что залитые водой плодородные участки полей, особенно в низких местах, за два-три года сплошь зарастают этим сорняком. Такие поля становятся совершенно непригодными для выращивания джута, риса и других культур. Крестьяне ведут с гиацинтом борьбу, но она очень трудна. На очищенных участках часто вновь появляются цветы и покрывают поле густой щеткой голубого цвета.

Выходим на веранду. Но и здесь душно.

Небо совершенно ясное, с огромной высоты смотрит на уснувший город луна, ярко светят крупные звезды. Ни малейшего признака, что возможен дождь. И вдруг за каких-нибудь 10—15 минут луна и звезды

скрываются, делается совсем темно и еще более душно.

Откуда-то издали доносятся раскаты грома, и уже минут через пять яркие вспышки молний раскалывают небо во всех направлениях. Силуэты манговых деревьев четко вырисовываются при каждой вспышке. Полил дождь.

Человеку, никогда не бывавшему в этих местах, трудно себе представить, что такое дождь в Восточной Бенгалии.

В нашем понимании это даже не ливень: на землю падают сплошные потоки воды. До утра не прекращается шум от дождя и грома.

Такие дожди идут в Бенгалии в течение 5—6 месяцев в году, примерно с середины мая по конец октября, почти каждую ночь, а часто и в течение круглых суток. В год здесь выпадает от 2,5 до 10 метров осадков. Чтобы легче представить себе, что значит такое количество осадков, вспомним, что в Москве, например, их выпадает в год в среднем 62 сантиметра.

В эту ночь мы не смогли уснуть. Зато утро следующего дня было ве-

ликолепным. Даже солнце казалось основательно вымытым ночным дождем...

ПОРТ ЧАЛНА

Утром нам предстоял вылет в юго-западную часть провинции, в порт Чална, расположенный на реке Пуссур.

Гидросамолет летит над Бенгальской низменностью. В окно видна густая сетка рек, каналов, водоемов, пересекающих во всех направлениях бесконечный зеленый ковер посевов. Вот под крылом появляется море воды. Берега еле заметны — это река Падма, как по-местному называется Ганг в его нижнем течении. Ширина реки достигает здесь местами десяти и более километров. Через час самолет плавно садится на реку Пуссур, протекающую западнее Ганга. Мы в Чалне.

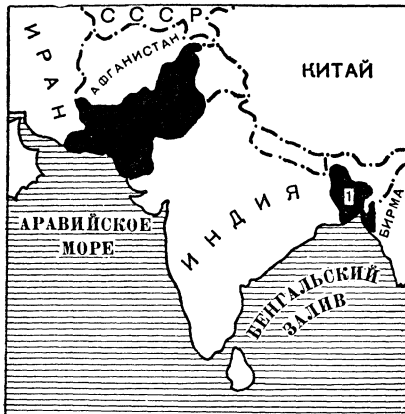
Этот порт не отмечен еще на многих картах. В 1950 году было решено, кроме порта Читтагонг, пропускная способность которого весьма ограничена, открыть еще один порт для вывоза джута.

Выбор пал на реку Пуссур, в том ее месте, где на некотором расстоянии от берега расположено маленькое селение под названием Чална. Порт, вернее сказать якорная стоянка, так как ни причалов, ни кранов, ни складов здесь нет и погрузка ведется на реке, находится в 130 километрах от Бенгальского залива. Чална не связана железной дорогой с Даккой и другими пунктами, и это сильно препятствует развитию порта. Джут приходится подвозить сюда по воде из глубинных районов окружным путем, через Бенгальский залив.

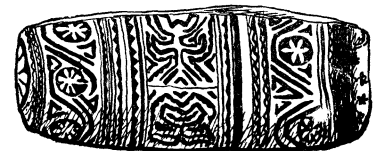
Река Пуссур в этом месте довольно широка и многоводна. Глубина ее у Чалны — 18—20 метров. Общая длина реки незначительна — не более 200 километров.

Нам рассказали, а позже мы и сами в этом убедились, что течение реки два раза в день меняется. Она течет то к Бенгальскому заливу, то в обратном направлении. Это объясняется большими приливами в заливе, которые поднимают воды реки и заставляют ее поворачивать вспять. Из-за больших приливов вода в реке, в районе Чалны, часто бывает соленой и непригодна для орошения.

— Во время сильных дождей, — рассказывает нам служащий управления порта Чална, — которые обычно совпадают со штормами в Бенгальском заливе, у нас бывают большие наводнения. Огромные массы воды с верховьев сталкиваются с морской приливной стеной, и вода, прорывая плотины, устремляется на поля. Одно из таких сильных наводнений произошло несколько лет назад. Тогда весь район Кхула,

■ Пакистан
■ Восточная Бенгалия

к которому относится Чална, и частично соседний район Барисал были залиты морской водой. До сих пор земля остается засоленной и дает мизерные урожаи.

Гостиницы в Чалне нет, и мы решили отдохнуть в пальмовой роще на берегу реки.

Мы расположились под огромной кокосовой пальмой. Рядом два рыбака ловили рыбу. Один из них, старик, стоял по колено в воде и каждые 3—4 минуты забрасывал сеть. Иногда в сеть-накидку попадалось по нескольку небольших рыбок. Рядом стоял молодой рыбак и что-то сердито говорил старику, показывая на тень от пальмы. Старик не отвечал. Наконец он вытащил сеть, вынес ее на берег и передал молодому. Схватив сеть, тот быстро побежал по берегу, и метрах в 50 выше по реке стал забрасывать ее в воду.

Нас это заинтересовало. Оказалось, что сеть принадлежит

сельскому старосте, который сдает ее в пользование за половину улова. Весной, когда скудные запасы продовольствия иссякают и жителям деревни приходится особенно туго, на пользование сетью устанавливается очередь. Время такой «аренды» определяется по передвижению тени.

— А какая рыба водится в здешних реках? — спросили мы у рыбака.

— Да много разной рыбы водится. Есть лосось, роху и катла, эту рыбу продают господам. Но чтобы ее поймать, надо иметь хорошие сети и лодки. А разве бедняк может приобрести это? Так вот мы и ловим у берега нашу бедняцкую рыбку...

Он показал нам рыб, напоминавших воблу, но раза в два меньше и с очень большим животом.

СУНДАРБАНДСКИЕ ДЖУНГЛИ

В дельте могучего Ганга на сотни километров протянулись вечно-зеленые леса — Сундарбандские джунгли. Название джунглей происходит от двух бенгальских слов: «сундри» — прекрасный и «банд» — лес.

Мы плывем по реке Пуссур из Чалны на юг, к заливу.

С палубы катера видим деревушки, зеленые лоскутчатые участки риса, сахарного тростника, людей, занятых на полях.

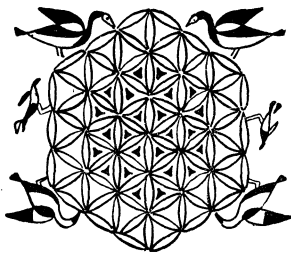
Чем дальше на юг, тем реже поселения, тем меньше признаков человеческого жилья. Вот и последние рыбацкие деревни на высоких сваях, и дальше — на 70 километров вниз — берега пустынные. Затопление берегов соленой водой в результате приливов, отсутствие питьевой воды, множество хищных животных — все это делает жизнь человека в этих местах очень трудной.

Начинаются леса. Густой темнозеленой стеной они подходят к воде. Стволы деревьев примерно на метр от корней голы: во время приливов лес заливается водой. Во всех направлениях джунгли прорезываются реками. Местами берег обрамлен бесствольной пальмой голпата. Этот вид пальмы встречается лишь по берегам рек, вода которых постоянно смешивается с соленой морской. По внешнему виду листья ее мало чем отличаются от листьев финиковой пальмы, они лишь крупнее, сочнее и темнее по окраске и выходят прямо из воды.

— Голпата — очень ценное растение, — объясняет сопровождающий нас чиновник службы лесоводства. — Листьями этой пальмы покрывают верх и даже стены хижин, из них делают корзинки, шляпы, а из толстых жилок листьев в последнее время начали производить вискозу высокого качества.

Арековые пальмы.

Вот почему мы встречали так много лодок, наполненных листьями голпаты!..

— А как используются человеком эти огромные лесные богатства?

— Трудно сказать, какую ценность представляют эти джунгли: мы не знаем своего леса и почти не используем его. Иногда жители района Кхулна приезжают сюда за строительным лесом, спичечная фабрика в Кхулне вывозит отсюда в небольшом количестве древесину. Случается, наезжают группами охотники на тигров, леопардов, медведей, кабанов и других диких зверей. Вы, наверно, слышали о бенгальском тигре? Мы сейчас находимся в одном из районов, где водится этот зверь. Жи-

самого бедного района в Восточной Бенгалии.

В благоприятные годы, когда дожди выпадают в умеренном количестве и соленая морская вода не перекрестывает через заградительные дамбы, на территории этого обширного сельскохозяйственного района собирается самый высокий в провинции урожай риса. Но в 1951 году весь этот район постигло большое бедствие, от которого жители не могут оправиться и по сей день: в результате сильного наводнения соленая вода прорвалась через заграждения и залила плодородные земли. Засоленная земля перестала плодоносить, что привело к страшному голоду в этом районе и острой нехватке продовольствия во всей провинции.

Город Кхулна имеет довольно невзрачный вид, когда смотришь на него с реки Пхераб. Деревянные домишки облепили весь берег. Некоторые из них построены на сваях прямо на воде.

Причаливаем к небольшой барже, служащей пристанью, и сходим на берег. Недалеко от пристани, под раскидистым фикусом разместились несколько крестьянских семейств.

стах, но чистая «сари». Двое ребятишек — мальчик и девочка — были совершенно голы.

— Мне бы какую угодно работу... — сказал бенгалец.

Направляемся в город. Машина пересекает огромную площадь и въезжает в узкую темную улицу. По обеим сторонам ее растут деревья. Тротуаров для пешеходов нет. Сырые кирпичные стены двухэтажных домов покрылись толстым слоем темнотеленого мха. Улица коротка, не более двухсот метров, и вскоре выводит нас в бедняцкий район города.

Тяжелое впечатление производит эта часть города. Построенные из тростника, цыновки, фанеры лачуги, примыкающие одна к другой, до того малы, что ночью ноги спящих в них людей высовываются на улицу. Как пчелиные ульи пчелами, они тесно набиты людьми. Не верится, что это постоянное жилье. Кажется, что все эти тростниковые лачуги лишь временное убежище погорельцев. Но это постоянные жилища. В них живут целые поколения.

На площади перед гостиницей, в которой мы остановились на ночь, еще за рассветом начал собираться народ. Здесь был назначен митинг недавно созданной демократической партии Восточной Бенгалии.

В углу площади у двух высоких пальм стоит автомобиль, играющий роль трибуны. На деревьях укреплены репродукторы.

Вскоре площадь сплошь заполняют люди.

Один за другим поднимаются на трибуну ораторы. Они призывают народ вступать в ряды партии, которая требует уничтожения несправедливой системы землевладения и наделения земель безземельного крестьянства, улучшения материальных условий жизни рабочего класса, конфискации иностранного капитала. Ораторы выступают против попыток американских поджигателей войны втянуть Пакистан в агрессивные блоки.

Более четырех тысяч человек присутствовало на митинге.

Через несколько дней мы покидали Восточную Бенгалию.

ТАМАРИНД

На чайных плантациях Восточной Бенгалии часто можно видеть высокие деревья с кроной, похожей на огромный раскрытый зонтик. «Зонтики» отстоят друг от друга на расстоянии двадцати-тридцати метров.

Это тамаринды — деревья-затенители, защищающие чайные кусты от палящих солнечных лучей.

Родина тамаринда — Экваториальная Африка, но разводится он также и под тропиками обоих полушарий. Особенно много тамаринда в Индии и Пакистане.

Тамаринд, относящийся к семейству бобовых, достигает в высоту 25 метров. У него раскидистая крона из перистораздельных листьев и желтые цветы, собранные в кисти. Плоды дерева — стручки до двадцати сантиметров длиной — покрыты твердой оболочкой и содержат внутри бобы. Сладковатая, красноватая мякоть бобов находит применение в медицине, а также в пищевой промышленности, где идет для изготовления фруктовых вод и конфет.

В Индии и Пакистане бедные крестьяне употребляют плоды тамаринда в сыром виде, и поэтому его там часто называют «индийским финником».

тели верховьев часто спускаются сюда для сбора меда диких пчел. Обычно два-три человека выбирают соты, а семь-восемь образуют кольцо и охраняют товарищей от нападения диких зверей... Водится здесь и много оленей. Да вот, смотрите, — и лесовод показал на берег.

Действительно, под огромным развесистым деревом, вытянув шею, стояло несколько небольших стройных оленей. Они не обращали внимания на наш катер и продолжали ощипывать листья, даже когда мы приблизились к ним метров на сто.

НА БЕРЕГАХ РЕКИ ПХЕРАБ

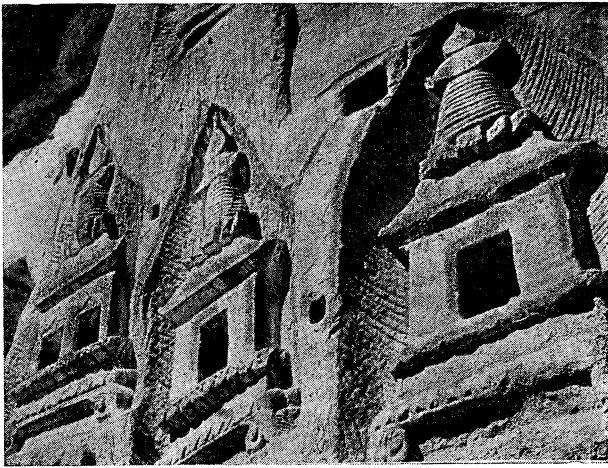
Нам удалось также познакомиться с городом Кхулна — центром самого плодородного и в то же время

С помощью переводчика мы разговорились с главой одной семьи — высоким, стройным человеком лет тридцати. Он рассказал:

— Мы приплыли сюда с юга. Помещик прогнал меня с земли, так как я не мог получить высокого урожая риса с арендуемого засоленного участка. За недоимки он забрал у меня корову — единственное наше богатство. Все наше имущество здесь, вместе с нами.

Мы видели это «имущество». На перекладине висел котелок, под деревом стояли две глиняные миски, лежала цыновка, заменяющая постель, и топорик с длинным тонким топорешцем. Вот и все, что было у этих людей. На мужчине — одна набедренная повязка, на женщине — старая залатанная во многих ме-

ПЕЩЕРЫ БИНЛИНСЫ

На территории провинции Ганьсу, на берегу Хуанхэ, в небольшой котловине, окруженной со всех сторон высокими живописными горами, раскинулся древний китайский город Юнцзин.

Неподалеку от него находится интересный исторический памятник.

Если пересечь реку и подняться в горы, то в глубине их, высоко над ущельями, взору открывается гигантская, высеченная из цельной скалы фигура будды. Вокруг нее в горе видны отверстия — входы в пещеры. Их насчитывается свыше 400. Когда-то здесь помещался так называемый храм Бинлинсы, основанный на северных берегах Хуанхэ, судя по сохранившимся фрескам, еще во времена династии Северная Вэй, то-есть в конце IV века нашей эры.

В те времена здесь находилось два храма Бинлинсы — верхний и нижний. От верхнего сейчас сохранились две большие пещеры. От нижнего остались лишь развалины одного из зданий.

Научно-исследовательская экспедиция, организованная Министерством

культуры Китая, обследовала эти пещеры. Экспедиция установила, что в древности здесь находились большие сооружения.

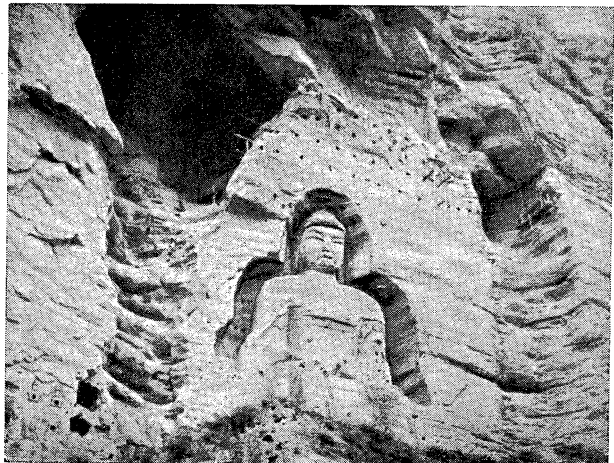
Более 200 пещер было соединено коридорами и дорогами, вымощенными досками. Через ущелья были перекинuty висячие мосты.

Исключительно большую ценность представляют обнаруженные в пещерах красочные фрески и многочисленные скульптуры. Многие из них являются выдающимися произведениями искусства, дающими представление о самобытном стиле народных мастеров той далекой эпохи.

В течение сотен лет заброшенные и забытые пещеры Бинлинсы теперь стали предметом изучения китайских искусствоведов.

Сейчас в Китае принимаются меры к сохранению и реставрации найденных произведений искусства, свидетельствующих о творческом таланте китайского народа.

На снимках: вверху — каменные башни у входа в гроты эпохи династии Тан; внизу — вход в одну из пещер и гигантская фигура будды.

ГРЯЗЕВЫЕ ВУЛКАНЫ В БОЛГАРИИ

Десятки небольших грязевых вулканов разбросаны в долинах болгарских рек Еледжик, Овчарица и Соколица, протекающих по Стара-Загорской котловине. Форма их различна: иногда это цельный или усеченный конус, поднимающийся на высоту от 40 сантиметров до 2—3 метров, но большей частью — неправильная округленная, немного приподнятая над поверхностью земли диаметром от 40 сантиметров до 10—20 метров.

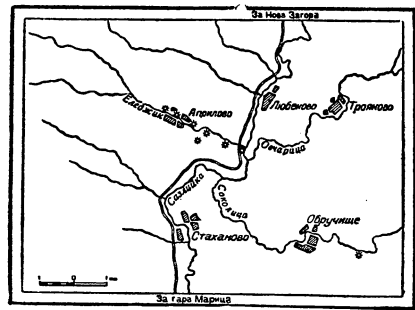
Из некоторых кратеров бьют родники. Такие родники служат, например, источником холодной воды для жителей села Априлово.

Большинство здешних грязевых вулканов не действует, но некоторые продолжают периодически извергать жидкую грязь, газы, воду и камни. Среди изверженных пород встречается большое

количество обломков каменного угля.

Интересно, что действующие периодически вулканы перемещаются. Так, вулкан в селе Априлово за два года переместился от здания сельского Совета до проходившего неподалеку шоссе. На прежнем месте остаются кучи камней и засохшей глины, перемешанные с каменным углем. Крестьяне выбирают уголь и используют его как топливо.

Присутствие грязевых вулканов указывает на возможное наличие в этих районах нефтяных месторождений. Поэтому в последнее время здесь ведутся научные исследования.

В ПЕКИНСКОМ ЗООПАРКЕ

До последнего времени в Китае не было научно организованных зоологических садов. Почти полвека назад в Пекине одним из городских богачей был впервые заведен зверинец, который был мало кому доступен и научного значения не имел.

Около ста оставшихся в нем зверей и птиц положили начало новому, научно руководимому зоологическому саду, организованному в Пекине в 1950 году. В мае 1953 года здесь уже было около 1000 животных.

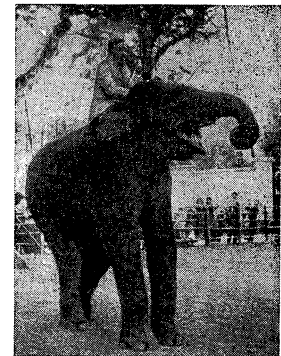
Для пополнения сада были организованы две экспедиции — одна на юг страны, другая — на северо-восток.

Южная экспедиция совершила путешествие по территориям провинций Хунань, Гуандун, Гуанси, в общей сложности сделал путь в 13 тысяч километров. В бамбуковых лесах западной Хунани экспедиция добыла леопардов и камышовых фазанов. В южной Хунани участники экспедиции охотились на дымчатых леопардов в горах Хэн. В провинции Гуанси они ловили обезьян. Много зверей и птиц доставила в Пекин и северо-восточная экспедиция.

В провинции Сычуань, в Юго-Западном Китае, для пекинского зоосада охотником-тибетцем был пойман гигантский панду — одно из редчайших животных мира.

Из Индии пекинский зоосад получил слониху Аша. Из Вьетнама прислали слона и слониху.

Многих животных сад получил из Советского Союза и европейских стран народной демократии, в том числе полярных и бурых медведей. В порядке обмена Китай

послал в Советский Союз и другие страны тигров, леопардов, пойманных в провинциях Хунань и Цзянси, аллигаторов из реки Янцзы, гигантских саламандр, камышовых фазанов, уток-мандаринок.

На снимке: слониха Аша.

В СИБИУ

ДАН АЛДЯ

В узкой котловине, которую в течение тысяч лет вырыла в Трансильванском плато речка Чибин, у подножья самых высоких хребтов Южных Карпат расположен один из крупных румынских городов — Сибиу. Современные его кварталы раскинулись на месте крепости, основанной в XII веке немецкими колонистами, осевшими среди румынского населения.

На протяжении своей восьмивековой истории Сибиу был и столицей Трансильвании и столицей трех объединенных княжеств. Город занимает выгодное положение: именно здесь река Олт, в которую впадает Чибин, прорывается сквозь скалистые громады Карпат на Нижне-Дунайскую равнину. По ее долине исстари проходил торговый путь из Центральной Европы в придунайские страны и страны Ближнего Востока.

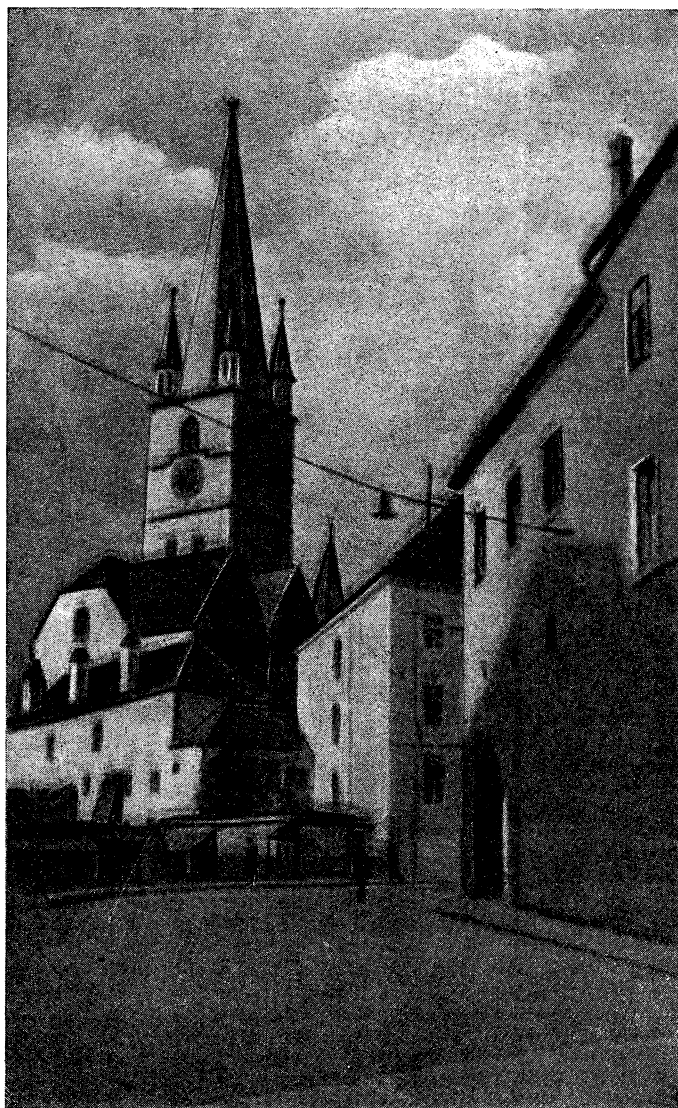
На базе сельскохозяйственного сырья в Сибиу создано ремесло и развилась легкая промышленность. Здесь работают суконные и трикотажные фабрики, маслобойные, сыроваренные и кожевенные заводы. Продукция их вывозится и в город Сталин (административный центр области) и в другие города республики. В Сибиу есть также консервный и пивоваренный заводы, кондитерские фабрики и другие предприятия.

Железные дороги и шоссе ведут из Сибиу в Сталин, Бухарест, Клуж и Арад.

Народно-демократическая власть много сделала для благоустройства города и улучшения жизни его населения, для расширения промышленности. Речка Саду, сбегаящая с высокой горы Чиндрелу, теперь перегорожена плотиной электростанции Саду V — одной из первых строек генерального плана электрификации. В Сибиу построен первый в стране завод текстильного машиностроения, удовлетворяющий ныне вместе с заводом в Кымпулунге значительную часть нужд румынской текстильной промышленности.

Ниже мы помещаем в сокращенном переводе заметки румынского журналиста Дана Алдя о его поездке в Сибиу.

Старинная Башня Совета.

* * *

Ярким летним утром самолет приближается к Сибиу. Наше внимание привлекает серебристая лента, сверкающая среди зелени.

— Это река Чибин, — объясняет один из пассажиров.

Самолет начинает снижаться, и в солнечных лучах ярко загораются красные крыши первых домов города. Под нами раскинулись обширные фруктовые сады, белые дороги, обсаженные по обочинам деревьями, и высокие шпили церквей. Самолет садится на аэродроме живописного румынского города.

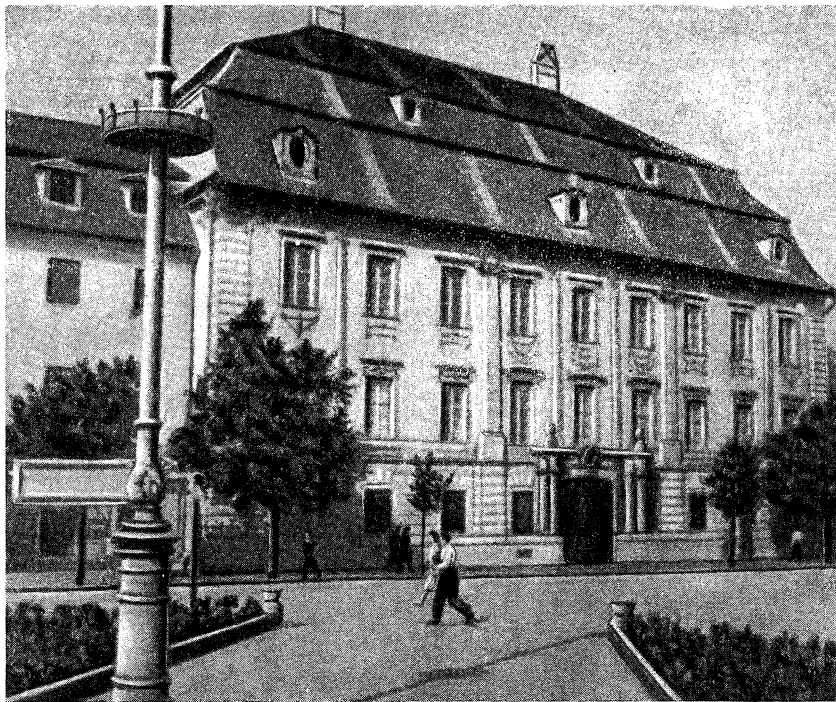
Своеобразный облик придают Сибиу старинные здания и крепостные стены, крутые улицы и уступами идущие тротуары. Древние стены и башни города, изъеденные временем, постепенно разрушаются, и Сибиу все шире раскидывается на окружающий его равнинах. Новые кварталы красивых коттеджей наступают на лес.

На улицах города царит большое оживление. Рабочие и служащие спешат на предприятия и в учреждения. Пронесется, звеня, трамвай, мчатся автомобили, экипажи и пролетки.

В конце главной артерии города, на площади Республики, словно громадный страж, возвышается Башня Совета. Крыша башни покрыта изразцами. В былые времена куранты этой башни возвещали жителям города наступление времени, когда надо было гасить огни и ложиться спать.

Сибиу — город-сад. Дома его тонут в зелени, и под цвет ей даже ставни окон покрыты зеленой краской. Яркими пятнами среди этого зеленого моря выделяются красные крыши домов.

Прежде всего мы знакомимся с достопримечательностями города. На площади 6 Марта, окруженной зданиями XIV века, мы осматриваем готический собор. Тяжелые колонны поддерживают центральный купол, расписанный зеленой и синей краской и золотом.

Немного дальше виднеется массивный, в стиле барокко, дворец Брукенталь, теперь — один из наиболее интересных музеев нашей страны. Этот дворец был построен в 1788 году. В парадном зале первого этажа стены затянуты шелком с вытканными рисунками, мебель обита тяжелой красной парчой. С потолка свисают венецианские люстры. По обе стороны этого зала расположены два других, стены которых расписаны мифологическими сценами. За ними — еще два зала в китайском стиле.

Дворец этот, с его богатейшей библиотекой и картинной галереей, 150 лет назад был завещан городу бывшим губернатором Сибиу Брукенталем. В библиотеке, насчитывавшей тогда 16 тысяч томов, в настоящее время 170 тысяч томов. Среди этих книг много редких, например первые издания сочинений Гёте, Шиллера и Вольтера.

Во втором этаже дворца помещается картинная галерея. Здесь много картин старых фламандских, голландских и немецких мастеров. Интересно собрание картин со сценами из жизни самого Сибиу.

В другом крыле дворца несколько залов заполнены коллекциями старинного оружия, бытовых предметов, охотничьих принадлежностей. Здесь же национальные костюмы румын и трансильванских немцев, архитектурные модели зданий и небольшой макет Старого города.

Одно крыло дворца отведено под музей посвященный истории аптечного дела, единственный в этом роде в нашей стране.

...Выйдя из музея на улицу, мы снова чувствуем всю полноту жизни, ключом бьющей в городе.

Государственные магазины полны покупателей. В них, кроме жителей Сибиу, много окрестных крестьян, покупающих одежду, обувь, материи и другие товары. В прекрасных магазинах, заманивших пыльные, мрачные лавочки, богатый ассортимент товаров.

На рынках сотни крестьянок в широких сборчатых юбках и белых кофтах, повязанных черными платками, или в широкополых соломенных шляпах, торгуют сельскохозяйственными продуктами. Разнообразие фруктов и овощей здесь так велико, что рынки напоминают собой громадные красочные букеты.

* * *

Вместе с пригородами в Сибиу 140 тысяч жителей. Он является

Вверху — музей Брукенталь, в середине — Дом ребенка, внизу — крестьянский дом на окраине Сибиу.

Деревня в окрестностях Сибиу.

значительным индустриальным центром. Промышленность здесь развилась главным образом за последние годы. Машиностроительный завод, текстильные и пищевые фабрики города с каждым месяцем увеличивают выпуск продукции. Полотна, шляпы, ковры, изготавливаемые вблизи города, в Сизнедиз, славятся по всей стране. Фабрика «Победа» вырабатывает отличное масло, консервы из птицы и мяса и знаменитую колбасу — продукты, расходящиеся по всей Румынии.

Илие Шертан, работник завода текстильного машиностроения «Индепенденца», рассказывает:

— Наш заработок неуклонно растет. Повышается уровень жизни, улучшаются условия работы. Большое число наших рабочих получает долгосрочные кредиты на индивидуальное строительство. У рабочих завода «Индепенденца» есть недалеко от города, в Кринте, своя климатическая станция, в ней 12 корпусов, а в окрестностях Сибиу — водолечебный санаторий. Для нас открыты также поликлиника, больница, ночной санаторий. Организованы детские ясли и детский сад. Для школьников оборудован лагерь на 200 человек.

* * *

Перед зданием Народного собрания на мраморном пьедестале стоит статуя румынского поэта

Георгиу Козбук, работы скульптора Медреа. Козбук долго жил в Сибиу. Он был редактором первой румынской газеты «Трибуна» (1884—1889), издававшейся в этом городе.

Сибиу не только промышленный, но и культурный центр. В его библиотеках собраны ценные книги румынских авторов и журналы с материалами по истории Трансильвании. В городе работает ряд научно-исследовательских институтов, литературные общества и Музей естественных наук, созданный в 1848 году.

В прошлом жители города не могли пользоваться его культурными богатствами. Эти богатства были доступны немногим. Теперь народное правительство Румынии открыло в Сибиу, кроме Центральной библиотеки в Музее Брукенталь, целый ряд передвижных библиотек.

В городе имеется 20 средних школ, Государственный театр, театр марионеток и Государственная филармония. Здесь открыты также десятки спортивных площадок и залов и четыре бассейна для плавания, из которых один — зимний.

У старинной городской стены раскинулся большой, полный цветов сад, окружающий несколько новых зданий. Это Дом ребенка, где живут сироты, воспитание которых приняло на себя Народное собрание Сибиу. Дети живут в благоустроенных

зданиях со светлыми, уютными комнатами.

В тенистом городском парке нас охватывает чудесный аромат цветов и фруктов. Алеи парка постепенно переходят в тропинки, ведущие в лес «Думбрава» — излюбленное место прогулок жителей Сибиу. Углубившись в лес, мы доходим до живописного озера, заросшего водяными лилиями, тростником и камышом. На его берегах разрослись раскидистые ивы.

По ту сторону озера устроен зоопарк. В нем много различных животных и птиц.

Наступает вечер. Повсюду в городе открываются зеленые ставни окон, прикрытых на день от палящих солнечных лучей.

Нарядные витрины магазинов, масса оживленных, жизнерадостных, хорошо одетых людей, заполненные библиотеки, театры, кино — все говорит о зажиточной, культурной жизни населения Сибиу.

Конец августа, и ночи еще теплые. Закрывающее луну облачко на миг погружает город в сумерки. Когда-то в этот час по темным улочкам Сибиу проходили сторожа в черных мантиях, с тускло блесгевшими в ночи алебардами, копьями и касками...

Широко известны не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами произведения народного украинского прикладного искусства.

Большой художественностью отличаются предметы украинской бытовой керамики — расписные «глечики», «куманцы», миски. Киевская, Полтавская, Винницкая, Хмельницкая, Станиславская области славятся своими центрами керамического производства, и каждый такой центр создает свои оригинальные формы керамики.

Высокого совершенства достигли украинские народные мастера и в области ковроделия, художественного ткачества и вышивки. Скатерти, полотенца, покрывала украинских мастериц-вышивальщиц отличаются исключительной красотой и вкусом.

К наиболее распространенным видам народного искусства на Украине относятся

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО УКРАИНЫ

Новроделие на Украине существует с XVII века. На рисунке в центре на этих страницах изображен «Килим с вазонами» из Подолии.

Справа сверху: на фоне полотенца «рушника» — рельефный печной кафель XVII века, работа черниговских народных мастеров.

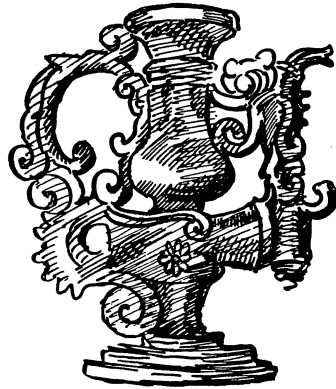
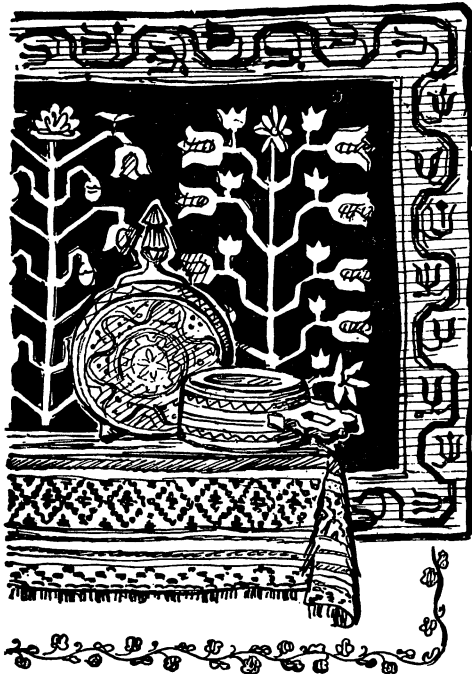
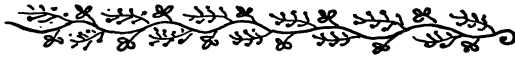
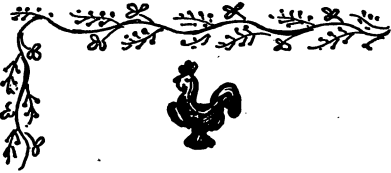
Село Опoшня на Полтавщине — знаменитый центр гончарного производства. Изделия из Опoшни показаны на центральном рисунке (на левой половине стола). Оттуда же керамический боценок и правый кувшин «глечик» на верхней полке с керамикой. Левый кувшин — работа искусного мастера Марии Примаиченко из Киевской области.

также орнаментальные стенные росписи на фасадах и внутри хат. Сюжетом этих росписей служат главным образом цветы. Особеной славой пользуются декоративные работы мастеров села Петриковка Днепропетровской области, создавших выдающиеся образцы народного орнамента.

Народное искусство Украины раньше было безымянным. Сейчас широко известны имена его лучших представителей: Ивана Гончара (умер в 1944 году) — керамиста из Винницкой области; Натальки Вовк — ковровщицы из Киевской области; Параски Влащенко — мастера народного орнамента и других.

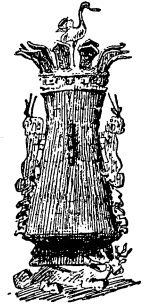
В Советской стране украинское народное творчество, как и искусство других народов СССР, окружено заботой и вниманием. Перед ним открыты безграничные перспективы развития и совершенствования.

Киевлянам принадлежат и два «куманца» на нижней полке. Облицовочная плитка между ними — работа народного мастера Лавринюка-Полывянного (Винницкая область). Своеобразна керамика Зенькова (Винницкая область), откуда происходит затейливый кувшин (справа внизу).

Особенно известны резные изделия гуцульских мастеров. Центрами этого искусства являются город Косов Станиславской области и Яворов Львовской области. Образцы творчества гуцульских резчиков мы видим на столе справа.

Рисунок слева наверху изображает гуцульскую безрукавку — «кептар» из с. Ясиня Роховского района Закарпатской области.

В ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ СТОЛИЦЕ

В. ЗАЙЧИКОВ

Рис. П. Курпичева

Пекинский аэродром расположен в западном пригороде столицы. Отсюда мы едем в город по узкой асфальтированной дороге, с трудом пробиваясь сквозь непрерывный поток велосипедистов и тележек, груженных овощами и фруктами, предназначенными для городских рынков. Невольно удивляешься выдержке и мастерству водителя, с искусством фокусника лавирующего в потоке экипажей, почти не сбавляя скорости машины. За массивными городскими воротами, устроенными в высокой зубчатой, с башнями стене, которой обнесен город, потянулись широкие прямые улицы с торговыми рядами. Мы проехали по нескольким таким улицам, заполненным народом и по-южному шумным, и остановились у многоэтажного здания гостиницы «Отель Пекин».

Вот мы и в Пекине — столице Китайской Народной Республики, одним из древнейших городов Китая.

Пекин широко раскинулся на севере Великой китайской равнины, недалеко от подножий Тайханшаньского хребта и горной области Ляоси, которые ограничивают равнину с севера и запада.

В дни нашего пребывания в Пекине археологи раскопали

в южной части города колодцы с хорошо сохранившимися керамическими изделиями периода, известного в китайской истории под названием «Борющиеся уделы» (481—221 годы до н. э.). Эти находки подтвердили ранее имевшиеся данные о том, что на месте Пекина более 2 300 лет тому назад уже существовал населенный пункт.

Как столица государства, Пекин известен с X столетия. В начале XII столетия монгольские завоеватели сожгли Пекин, но после утверждения своей власти в Китае вновь отстроили город и сделали его своей резиденцией.

Новый облик Пекин приобретает в XIV—XVII веках, будучи столицей Китайского государства при Минской династии. Тогда была произведена прямоугольная планировка города, воздвигнута крепостная стена, сооружены ка-

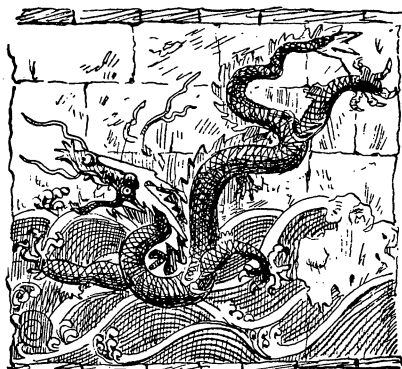
налы, дворцы. От этого времени Пекин сохранил наибольшее количество исторических и архитектурных памятников. С этой же поры он разделился на две обособленные и сильно отличающиеся части — Внутренний город, расположенный к северу, и Внешний город — к югу.

После упадка, к которому привела Пекин гоминдановская клика, город теперь вновь возрождается. Сейчас в городе ведется большое строительство. Он благоустраивается, расширяется. Строя новый Пекин, китайский народ бережно сохраняет древние памятники материальной культуры. Во время пребывания в Пекине нам довелось ознакомиться с многими его культурными ценностями, в которых воплотились труд и талант многих поколений китайского народа.

С некоторыми из этих бесценных сокровищ древней столицы мы и постараемся познакомить читателя в данном очерке.

ГОРОД ДВОРЦОВ И ПАРКОВ

Во Внутреннем городе в прошлом жила феодальная знать. Простому народу здесь было запрещено не только селиться, но даже ночевать. И сейчас еще сохранилась высокая каменная стена, которой с XV столетия была обнесена эта часть Пекина для защиты от вторжений неприятеля и от частых восстаний народа против своих правителей. В этой части города прямые и

На снимке вверху — часть ансамбля дворцовых строений в пекинском загородном парке Ихьюань.

К северо-западу от Пекина у озера Куньмин раскинулся загородный парк Ихэюань, окружающий бывший императорский «Летний дворец». По склону горы Долголетия к самому озеру спускаются дворцовые здания. Сейчас парк Ихэюань стал местом отдыха трудящихся Пекина.

Фото В. МИРОША

Вышедший «Запретный город» в Пекине превращен сейчас в национальный музей. Здесь каждое здание, терраса, мост — памятники старинного китайского строительного искусства. Н а с н и м к е: Уголок территории императорского «Зимнего дворца» с каналом, обнесённым каменными перилами.

Фото В. МИКОША

довольно широкие улицы, идущие с юга на север и с запада на восток. Главные из них застроены красивыми, окруженными зелеными насаждениями зданиями. На боковых — постройки с небольшими дворами скрыты от глаз прохожего глухими серыми стенами.

Особенной пышностью и роскошью отличается центральная часть Внутреннего города, в прошлом — «Императорский город» и расположенный внутри него «Запретный город», в котором жили императоры и куда имел доступ лишь ограниченный круг их приближенных.

Каждая из этих частей Внутреннего города обнесена своей крепостной стеной, а «Запретный город», кроме того, окружен и глубоким рвом с водой.

Стена «Запретного города» построена в виде прямоугольника, на южной стороне которого находится главный вход — знаменитые «Ворота небесного спокойствия» (Тяньаньмынь). У этих ворот, обращенных к широкой площади, 1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика, и с тех пор в дни революционных празднеств здесь устраиваются военные парады, народные демонстрации и гуляния.

«Запретный город» превращен теперь в национальный музей и стал общедоступным. Здесь сосредоточено много интереснейших памятников китайского зодчества, которые привлекают внимание всех посещающих Пекин.

В центре «Запретного города» находится главное дворцовое здание «Павильон высшей гармонии» (Тайхэдянь), построенное в конце XVII века. Чтобы попасть к нему, надо пройти от ворот Тяньаньмынь через несколько меньших павильонов, расположенных на высоких белокаменных террасах с открытыми лестницами и каменными ажурными оградками.

Все эти павильоны хорошо видны со всех сторон, выделяясь многоцветными орнаментальными росписями фасадов и изящно изогнутыми и приподнятыми верху углами золотисто-желтых ярких крыш.

Но если от этой, вытянутой с юга на север анфилады зданий с высокими залами, где много света и воздуха, отклониться на восток или на запад, можно оказаться в сложнейшем лабиринте дворцовых строений. Постройкам и дворикам, кажется, нет счета, и, не будь тут указателей, можно было бы легко заблудиться в бесчисленных запутанных переходах, ведущих из одного двора в другой.

Дома здесь обычного китайского типа, только они гораздо больших размеров и лучше украшены. Деревянный остов служит опорой для массивной крыши, которая является существенной частью китайского здания. Стен в нашем понимании нет — их заменяют своего рода ширмы или перегородки, обычно решетчатые, оклеенные прозрачной бумагой. Пропуская свет, они одновременно заменяют окна. Такие же, но более легкие перегородки внутри здания делят его на несколько помещений.

Постройки красочно расписаны. Остов зданий образуют ярко-красные столбы. Поперечные балки и перегородки украшены пестрыми рисунками. Преобладают зеленые, желтые, голубые тона. Крыши дворцовых строений покрыты глазированной черепицей.

В «Императорском городе» мы с интересом знакомимся с парком, известным под названием «Северное море» — по имени озера (Бэйхай). По вечерам здесь всегда оченьлюдно. Этот парк, так же как и раскинувшийся рядом парк «Южное море» (Наньхай), на территории которого сейчас размещены учреждения Центрального народного правительства, поражает мастерским сочетанием архитектурных форм с природой. Обширные озера, вытянувшиеся цепочкой на несколько километров с севера на юг, местами поросшие лотосами, окружены насаждениями из вековых туй и сосен. Через парк в разных направлениях проложены дорожки, ведущие к разбросанным среди зелени красочным павильонам и киоскам, напоминающим прозрачные фонари. Свообразную прелесть придают

парковой архитектуре также арочные мостики, искусственные холмы и почерневшие, сильно выветренные известняковые глыбы, сложенные в виде скал.

В ХРАМЕ НЕБА

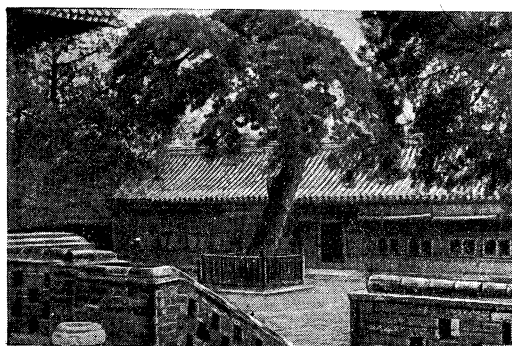
Иное впечатление оставляет Внешний город, который был основан в середине XVI века на тогдашней окраине Внутреннего города. Он также обнесен прочной крепостной стеной с башнями и несколькими большими воротами. Прежде во Внешнем городе проживали беднейшие слои населения — рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, рикши и кули. Жили тут и крестьяне, поставлявшие для городского рынка зерновые продукты и овощи. Их поля и огороды располагались тогда на окраинах и отчасти на территории самого Внешнего города.

Эта часть Пекина значительно менее благоустроена: кривые узкие деревянные строениями, тесно прижатыми друг к другу, мало зелени, нет прудов и каналов.

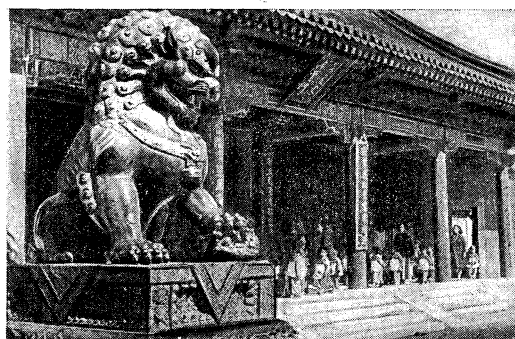
Теперь эта часть города изрыта рвами и котлованами, в которых работает множество людей. Деревянными временными заборами огорожены площадки новостроек. В городе ведется большое строительство новых школ, домов культуры, больниц, жилых домов, асфальтируются мостовые, ремонтируются и прокладываются заново канализация и водопровод. Шум городской стройки сливается с несомкнувшимся гулом оживленных улиц.

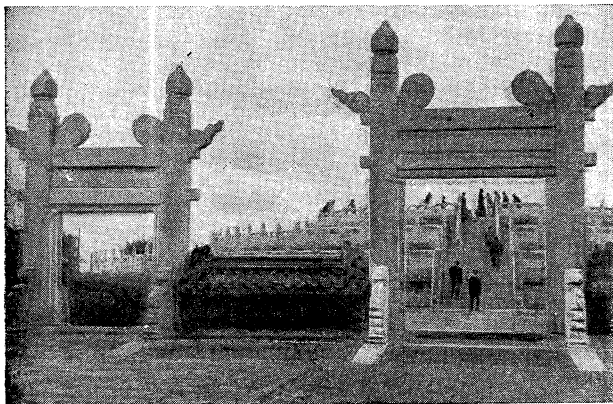
Поздно вечером мы отправляемся посмотреть на торговые улочки Внешнего города. Тут, кажется, жизнь никогда не замирает, а с наступлением вечера становится еще более шумной. В витринах магазинов, заливая ярким светом улицы, горят неоновые лампы, и отблеск их сливается с красным заревом миллионов огней, которое ночью окутывает город.

Улицки узки, и ажурные балконы верхних этажей, со свисающими с них, исписанными яркими иероглифами вывесками и массой цветных бумажных фо-

Слева — один из двориков в Зимнем императорском дворце; справа — вход в Летний дворец.

«Алтарь неба», входящий в ансамбль построек «Храма неба».

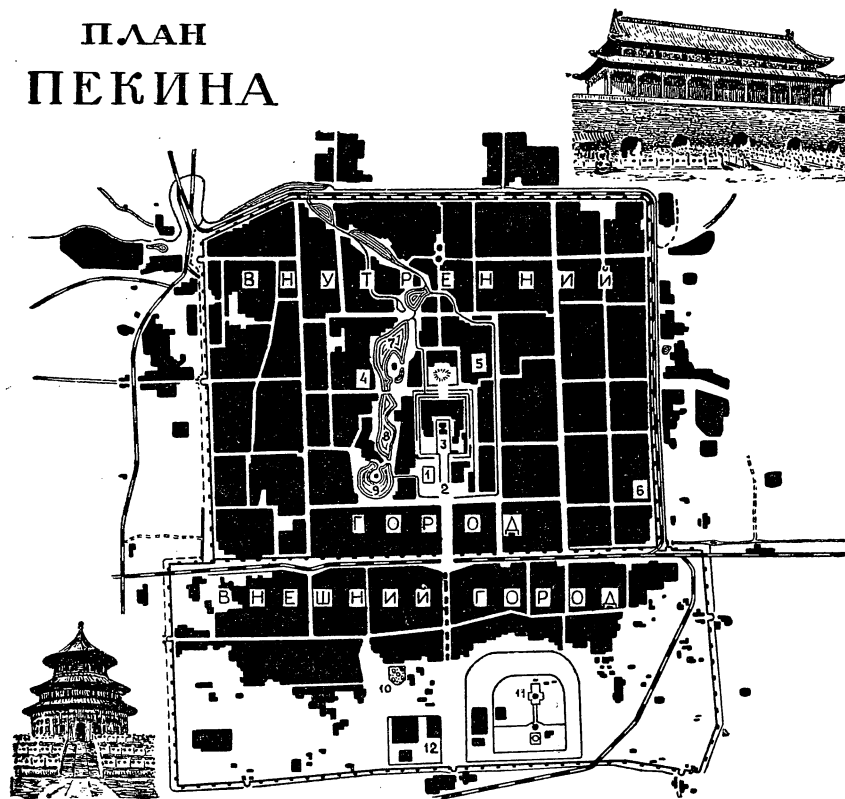
нарей, придают им какой-то фантастический, сказочный вид. Уличный шум с выделяющимися в нем выкриками торговцев в разнос сливается с льющейся из репродукторов музыкой и настойчивыми сигналами возниц, пробивающих себе путь в массе движущихся людей.

В другой раз в южной части Внешнего города мы знакомимся с интересным памятником строительного искусства древнего Китая — ансамблем «Храм неба». Это несколько зданий, расположенных на большой площади

среди парка. Мы входим в ворота и видим широкий двор, посреди которого высится на мраморной террасе круглое с конусообразной крышей деревянное здание — знаменитый «Храм молитвы за годовую жатву».

Здание сооружено в начале XV века. В его архитектуре все строго, изящно, величественно: и это кажущееся необычайно легким деревянное строение на уступчатой мраморной террасе с резными оградками и широкими лестницами, и уравновешенность частей, и благородство форм...

ПЛАН ПЕКИНА

- 1 — Центральный парк; 2 — Ворота Тяньаньмынь; 3 — «Запретный город»; 4 — Пекинская библиотека; 5 — Пекинский университет; 6 — Обсерватория; 7 — озеро Бэйхай; 8 — озеро Джунхай; 9 — озеро Наньхай; 10 — Южный парк; 11 — «Храм неба»; 12 — «Храм земледелия».

Сильное впечатление производит и красочное сочетание тонов: синей глазированной крыши с яркочерными стенами и белоснежными террасами.

Рядом расположены «Храм земледелия», «Храм вознесения» и «Алтарь неба», на котором раньше в день зимнего солнцестояния приносили жертвы.

Два последних сооружения, воздвигнутых в XVI веке, замечательны своими акустическими эффектами, основанными на тончайших расчетах строителей. Вы становитесь лицом к стене, которой по кругу обнесен «Храм вознесения», и ясно слышите речь, почти шепотом произносимую на противоположной стороне двора, хотя расстояние, отделяющее вас от поворающегося, казалось бы, исключает всякую возможность его слышать.

«Алтарь неба» расположен под открытым небом и устроен в виде трех концентрических террас, облицованных белым мрамором и окруженных резной оградкой. Здесь есть свой акустический эффект: звук, издаваемый в центре верхней террасы, заметно усиливается к ее периферии, резонируя о плиты пола.

Мы бродим по вымощенным квадратными плитами обширным дворам и площадям вокруг храмов, по старинному парку из вековых туй. На одном из деревьев висит дощечка с указанием времени его посадки — 500 лет тому назад.

На каждом шагу — памятники трудолюбия и большого искусства великого китайского народа, тысячелетиями создававшего свою культуру.

У ПЕКИНСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Традиции большой народной художественной культуры Пекин сохранил и в своем современном полукустарном производстве. Этот город издавна славится художественными изделиями. На небольших фабричках, в кустарных мастерских, которых в Пекине насчитывается более тысячи, и, наконец, просто на дому производится художественная резьба по дереву, лаку, слоновой кости, нефриту, расширяется замечательными узорами шелк, выделяются детские игрушки и многие другие предметы.

Значительная часть этой продукции всегда выпускалась для экспорта и пользовалась известностью и в азиатских странах, и в Европе, и в Америке. Блокада, которой Соединенные Штаты подвергли Китай после победы народной революции, сократила экспорт пекинских художественных изделий, но производство их не прекратилось. Заботами на-

родной власти им обеспечен широкий сбыт и внутри страны, и в Советском Союзе, и в странах народной демократии.

Чтобы посетить предприятия пекинских ремесленников, направляемся в восточную часть города. На одной из торговых улиц приходится выйти из машины и пробираться дальше по узенькому переулку, так называемому «хугуну», каких в Пекине множество. Ширина его не более одного-полтора метров. По обеим сторонам — выкрашенные в серый цвет глухие кирпичные стены, из-за которых проглядывают деревца и крыши домов. Слышится стук молотков по наковальням, шум ткацких станков. На стенах для просушки развешаны мотки крашеной пряжи. Эта пряжа тут же на улице разматывается и сучится. Мы в районе, где сосредоточено большое количество кустарных производств.

Входим на фабрику, вырабатывающую так называемые «кляузны» — перегородчатую эмаль.

В светлом, просторном помещении на длинных столах расставлены вазы, курительные приборы, тарелки, чаши. Сначала кажется, что перед тобой фарфор с блестящей узорной поверхностью. На нежноглубом фоне рука художника вывела тончайший узор распустившейся лилии. На белом фоне, испещренном тончайшей золотой решеткой, вырисовываются окутанные дымкой, сливающиеся с облаками цепи далеких гор. Но это не фарфор, а покрытая эмалью медь.

Фабрика, в которой мы находимся, одна из крупных в городе. В ней пять цехов. В помещении с земляным полом идет формовка листовой меди. Несложные изделия прессуются в формах целиком, вазы же выбиваются молотком по частям, которые затем спаиваются.

Около десятка сидящих за столом мастеров искусно изгибают кусочки узеньких, как проволока, медных полосок и наплавляют их на изделия — медные ларцы, вазы, чаши, бокалы, — очерчивая контур будущего рисунка. Так создаются своего рода «перегородки», между которыми затем заливается разного цвета эмаль. Законченное изделие несколько раз обжигается в горне, шлифуется и там, где жилками рисунка обнажается металл, покрывается позолотой.

В другой мастерской знакомимся с резьбой по лаку. Это искусство зародилось в стране более двадцати столетий назад и сейчас сохранилось только в Пекине.

В мастерской, по внешнему виду почти не отличающейся от обычного в Китае жилого помещения, с легкими деревянными

перегородками, оклеенными прозрачной бумагой, и такими же легкими раздвижными дверями, выходящими в чистенький дворик с цветами и невысокими деревьями, сушатся изделия, покрытые красным лаком: шкатулки для драгоценностей, вазы и вазочки, подносы, чаши, тарелки. Некоторые из них сделаны из меди, другие выточены из дерева. Работник берет один или сразу два предмета, окунает их в лак специального состава и ставит на стеллажи для просушки.

Эту операцию он должен будет повторить десятки, а иногда и сотни раз, пока изделие не покроется таким толстым слоем лака, чтобы на нем можно было вырезать требуемый рисунок.

Это такая же филигранная работа, как и изготовление «кляузны». Несколько мастеров тонкими острыми ножами вырезают на лаке, как на мягком дереве, сложнейшие узоры и рисунки: характерные китайские орнаменты, пейзажи с одинокими соснами, пети далеких гор, на фоне которых, как бы вписанные в

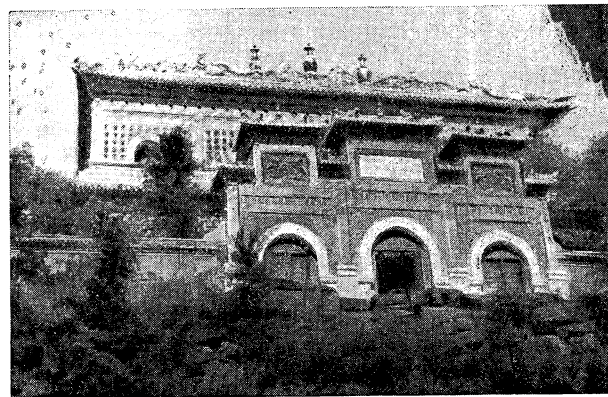

несенное кирпичной стеной с прорезанными в ней яркокрасными воротами. Это крупнейшая в стране Пекинская публичная библиотека.

Поднимаемся по лестнице и сразу попадаем в читальные залы. Время каникулярное, но залы полны читателями, преимущественно молодежью. У нескольких человек мы видим в руках книги на русском языке.

Нас любезно приглашают познакомиться с книгохранилища-

Одна из бывших кумирен на горе Долмолетия.

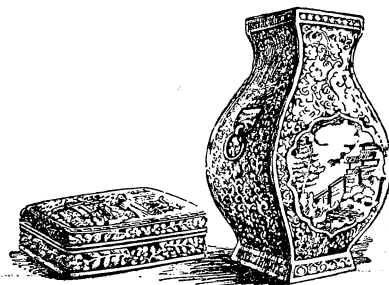
природу, стоят изукрашенные китайские домики... Но старые традиционные рисунки уже не удовлетворяют мастеров. Они ищут новые темы, отражающие жизнь современного Китая, демократические преобразования, стройки. И такая тематика все более и более находит место в произведениях китайских народных мастеров, вырабатывающих замечательные художественные изделия из меди, дерева, кости и лака.

В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Пекин — крупнейший культурный центр Китая. Здесь находятся Китайская академия наук, более десяти высших учебных заведений, научные общества и институты, библиотеки, музеи, театры.

В «Императорском городе», недалеко от озера Бэйхай, стоит монументальное здание характерной китайской архитектуры, об-

ми, и мы поднимаемся на верхние этажи. Проходим обширные помещения, содержащиеся в образцовой чистоте и порядке. В них множество стеллажей, заставленных книгами. В особом поместительном хранилище собрана литература на русском языке — около ста тысяч томов. Здесь и советские и дореволюционные издания: художественные произведения, энцикло-

педии, учебники, социально-политическая литература.

В нижнем этаже хранятся уникальные издания и рукописи.

Вот рукопись 448 года, считающаяся самой древней из сохранившихся в Китае. Полуторатысячелетняя давность не стерла написанные на бумаге тушью письма, мало чем отличающиеся от современных китайских иероглифов. Рукопись нашли в прекрасной сохранности в конце XIX века в одной из пещер в провинции Ганьсу, на северо-западе страны.

Нам показывают одну из первых китайских печатных книг — буддийское писание «Голонцизин». Отпечатанная в 956 году с деревянного набора на узкой полосе бумаги, эта книга-свиток, свернутая в трубку, была обнаружена в 1928 году в стене обвалившейся башни — пагоды Люйфынта в городе Ханчжоу. На свитке указан тираж издания: 84 тысячи экземпляров.

Мы видим здесь и другое произведение, относящееся к 1200 году — труд китайского ученого Оуян Сю-у. Оно издано уже в виде обычной книги, только очень большого формата. Тонкая, почти как папиросная, бумага книги изготовлена из конопли.

В этом же хранилище мы знакомимся с самым грандиозным китайским рукописным изданием — знаменитым «Собранием всех книг по четырем разделам» (Сыкуцюаньшу), составившимся с 1772 по 1784 год. Оно состоит из 36 300 томов и занимает в книгохранилище 128 полок. Это издание, вышедшее всего в семи

экземплярах, было предпринято по специальному повелению императора и представляло своего рода свод допущенной к чтению и использованию литературы. В него были от руки переписаны все прошедшие цензуру китайские книги научного, художественного и религиозного содержания.

СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КИТАЯ

Большой интерес представлял для нас и Пекинский исторический музей с его богатейшими коллекциями и замечательными экспозициями, охватывающими несколько тысячелетий истории Китая.

Входим в дверь, и перед глазами встает, в натуральную величину, скульптурная реконструкция одного из самых ранних человеческих существ — синантропа (китайского человека). В 1929 году китайские ученые, раскапывая глубокую карстовую воронку у деревни Чжоукоудянь, находящейся в сорока километрах юго-западнее Пекина, нашли черепную крышку, нижнюю челюсть и зубы раннего человека, жившего примерно пятьсот тысяч лет назад. В Китае сейчас эта ценная находка не сохранилась. Она была похищена японцами и продана американцам.

Новые раскопки, продолженные археологами в Чжоукоудяне после освобождения Китая, обнаружили остатки еще нескольких десятков черепов синантропа более позднего времени. Повидимому, расщелина в известняках Чжоукоудяня была убежищем этого первобытного человека.

В других залах музея, рядом с предметами из кости и дерева, отшлифованными каменными орудиями, выставлены гончарные

изделия, относящиеся к периоду более чем за два тысячелетия до нашей эры. Среди этих ранних керамических изделий особенно интересны горшки с тремя полыми ножками, увеличивавшими площадь нагрева жидкости. Такие сосуды обнаружены только в Китае. У некоторых из них в средней части устроена решетка для приготовления пищи на пару, широко практикующегося в Китае и поныне.

В одном из осмотровых нами залов собраны памятники материальной культуры наиболее раннего периода истории Китайского государства.

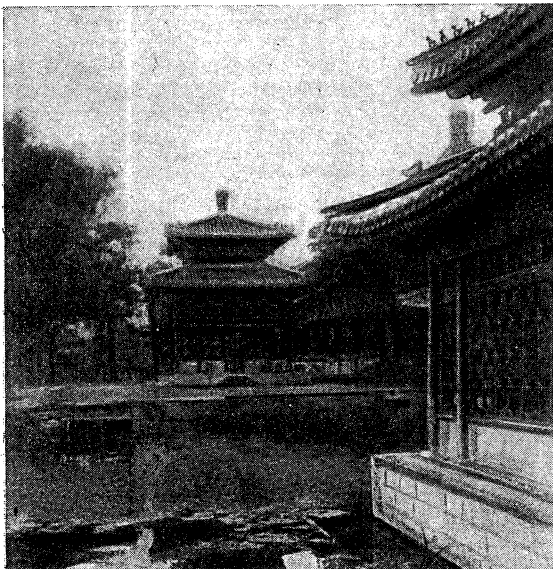
Здесь хорошо представлены материалы, относящиеся к эпохе Шан, охватывающей период с 1766 по 1122 годы до нашей эры. На стендах большое количество предметов этого времени. По стенам развешаны также снимки с вещей исторической ценности, похищенных и увезенных иностранными захватчиками.

Привлекает внимание бронзовая утварь, найденная при археологических изысканиях у города Аньяна в нижнем течении реки Хуанхэ, где находилась столица Шан. Крутные раскопки, которые много лет ведутся близ Аньяна, установили, что уже в эпоху бронзового века, во втором тысячелетии до нашей эры, Китай обладал богатой и самостоятельной художественной культурой. Вот колоссальных размеров четырехугольный бронзовый сосуд для варки пищи — самый крупный из всех известных до сего времени в Китае. Длина его около 1,5 метра. Сосуд, как и вся бронзовая утварь этого периода, художественно орнаментирован.

Интересны и письма, сделанные иероглифами на лопаточных костях животных. Иероглифы похожи на современные. Надписи, еще четкие, сообщают о войнах государства Шан с соседними племенами, о применявшемся тогда летосчислении, существовавших сельскохозяйственных культурах (рис, чумиза, пшеница), шелководстве, ткачестве.

В Китае обнаружено уже более 150 тысяч таких лопаточных костей. Надписи на них изучаются. Над их исследованием работает известный китайский ученый и политический деятель, президент Китайской академии наук Го Мо-жо.

В эпоху Шан особенно примечательны последние периоды, известные в китайской историографии под названием «Весна — осень» (Чунь Цю) с 770 по 481 годы и «Борющиеся уделы» (Чжань Го) с 481 по 221 годы до нашей эры, ознаменовавшиеся большим развитием производительных сил и культуры Китая. Удачно подо-

Золотисто-желтые изогнутые крыши старинных дворцовых строений отражаются в пруду.

бранные музейные материалы знакомят с производившимся в эти периоды строительством каналов, началом постройки Великой Китайской стены, совершенствовавшейся агротехникой. Отдельные стенды посвящены жившим в это время выдающимся деятелям китайской культуры. На юго-западе Шаньдунского полуострова, в царстве Лу, создавал свое учение крупнейший в Китае моралист-проповедник, глава обширной школы философов и литераторов Кун Фу-цзы (в европеизированной форме Конфуций). Учение, развитое многочисленными учениками и последователями этого древнекитайского мыслителя, оказало заметное влияние на многие стороны жизни китайского общества и на формирование китайской феодальной культуры. В это же время жили создатель первых боевых судов великий китайский зодчий Гун Шу-бань, строитель первых в Китае дамб Ли Бин и ученый и поэт Цюй Юань.

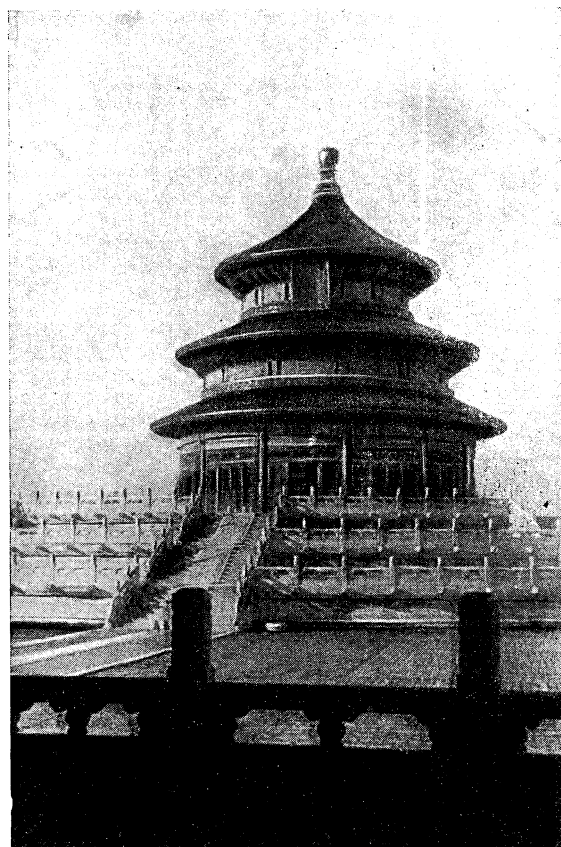
ДРЕВНИЕ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ

Во время нашего пребывания в Пекине нам удалось познакомиться с живописнейшими окрестностями города и осмотреть замечательные гидросооружения, созданные в древности, но не потерявшие практического значения и до настоящего времени.

Пекин — огромный город с двухмиллионным населением — расположен вдали от воды. Это один из немногих столичных городов, лежащих не на берегу реки, моря или озера. Река Хуанхэ протекает более чем в трехстах километрах от Пекина. Ближайшая же к городу река Юндинхэ (в двадцати километрах) маловодна и отличается непостоянством режима. В сухое время года расход воды в реке снижается до 1 кубометра в секунду и только в короткие летние паводки достигает 6—7 тысяч, а иногда и 8 тысяч кубометров в секунду. Когда-то Пекин стоял на берегу Юндинхэ, но впоследствии река переместилась на юго-запад от города.

Еще в XIII веке была предпринята попытка подвести воды Юндинхэ к Пекину. Был специально вырыт канал, выносящий из гор большое количество песка и гравия, засорили его. Тогда же была создана действующая и до сих пор система питания города водой, осуществленная по остроумному проекту известного в ту пору китайского ученого Гошудина. В десяти километрах северо-западнее Пекина, недалеко от подножья гор, было устроено большое озеро Куньмин, в кото-

«Храм неба», архитектурный памятник начала XV века.

рое поступает вода из горных источников по специально проложенным каналам, а отсюда направляется в город, питая устроенные здесь искусственные водоемы. Впоследствии в живописной местности у озера Куньмин был построен императорский дворец с обширным парком и многочисленными строениями. Он известен под названием Ихэюань, или Летний дворец, и служит сейчас излюбленным местом гуляний трудящихся Пекина.

В XIII веке в транспортных целях был сооружен также канал Тунхуйхэ — северное продолжение Великого Китайского канала. По нему грузы из Тяньцзиня шли в Пекин.

Но созданная в древности разветвленная система каналов и искусственных озер в дальнейшем, при правлении маньчжурских императоров и реакционной клики Чан Кай-ши, пришла в крайний упадок. Обмелел и утратил судоходное значение канал Тунхуйхэ. Засорились и покрылись илом городские каналы и озера, превратившись в источники зловония и болезней.

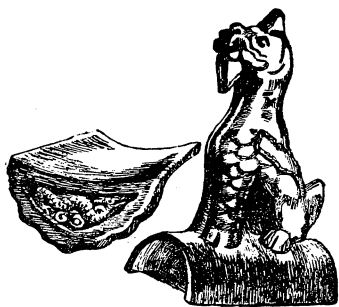
После освобождения Пекина вся система гидросооружений города была реконструирована. Мы видели уже расчищенные и углубленные озера и каналы, ставшие проточными: воды в них поступает из озера Куньмин гораздо больше. Однако сильно раз-

росшийся город еще испытывает недостаток в воде.

Нас познакомили с проектом водоснабжения Пекина из Юндинхэ. В среднем течении этой реки, перед ее выходом из гор на равнину, закончено строительство крупнейшего в Китае Гуаньтинского водохранилища площадью около 220 квадратных километров. Главное назначение этого водохранилища — зарегулировать сток реки, с тем чтобы предотвратить наводнения на Пекинской равнине. Во время паводков в этом искусственном озере будут собираться излишки воды, которые пойдут на орошение крестьянских полей и на снабжение Пекина. Предполагается соорудить большой канал, по которому вода из Гуаньтинского водохранилища будет направляться в озеро Куньмин и только после осадения в нем речных наносов поступать в городскую гидросеть. Гуаньтинское водохранилище позволит улучшить судоходство между Пекином и Тяньцзинем.

Китайских гидрологов волнует не только проблема снабжения Пекина водой, но и избавление города от

избыточных дождевых вод во время летних ливней. Один из таких ливней нам пришлось наблюдать 21 июля 1952 года. Начавшийся с вечера дождь не прекращался всю ночь, и к утру на широком проспекте перед зданием нашей гостиницы образовалось целое озеро, которое люди переходили, погружаясь в воду выше пояса. Транспорт остановился. За эти сутки в Пекине выпало 132 миллиметра осадков, причем почти половина их приходилась на один предутренний час, когда дождь был особенно сильным.

С пятнадцатого столетия в Пекине строилась сеть подземных каналов для отвода дождевых вод, которая в дальнейшем, когда город вырос, стала использоваться также для спуска нечистот. Впоследствии канализация была запущена, не чистилась, и Пекин ежегодно во время летних дождей подвергался затоплению.

Особенно сильно страдал от затопления восточный район Внешнего города, в котором проживало беднейшее население. Здесь собирались сточные воды почти

со всего Внешнего города, образуя разливы, которые не просыхали по месяцу и дольше. Этот район был очагом эпидемических заболеваний.

Сейчас, после очистки канализации и постройки большого нового канала для отвода городских нечистот, этот район стал неузнаваемым.

Как-то нам посоветовали познакомиться с древней канализацией Пекина, которую сейчас во многих местах вскрыли для очистки. Мы заинтересовались и осмотрели ее. Широкие проходы, выложенные большими каменными плитами и кирпичами, кажутся вполне современными подземными тоннелями, хотя и строились триста-четырееста лет тому назад. Они лишь сильно засорены.

— Когда после освобождения города мы приступили к расчистке канализации, — рассказал нам заведующий отделом санитарного благоустройства, бывший преподаватель гидрологии Пекинского университета, — мы даже не имели плана канализационной сети, который уже давно был утерян. Во время японской оккупации Пекина японцы пытались, но не смогли составить точную карту подземной сети каналов. Нам же удалось ее составить на основании архивных данных и опроса городских жителей. Пользуясь этой картой, мы не только очень быстро восстановили городскую канализацию, но и успешно реконструируем ее и уже в значительной мере избавили город от опасности затопления во время дождей.

Мы с интересом спускаемся в только что расчищенный по-

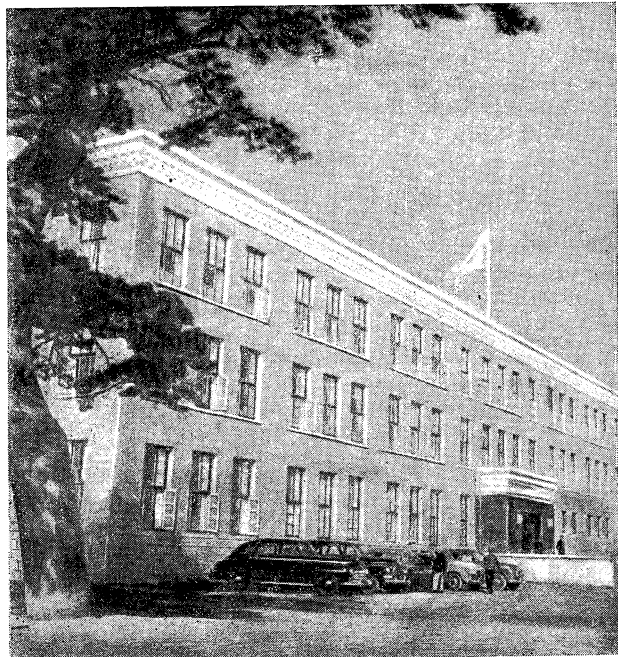
местительный подземный канал, осматриваем смотровые колодцы, люки для спуска дождевой воды. Такие люки в большом количестве появились сейчас на улицах Пекина. Побывали мы и на «знаменитой» канаве Лунской (Ус дракона), в прошлом представлявшей открытый ров, заполненный нечистотами и илом. Канавы уже не стало. Она заключена в подземный коллектор, и на ее месте прошла широкая благоустроенная уличная магистраль.

* * *

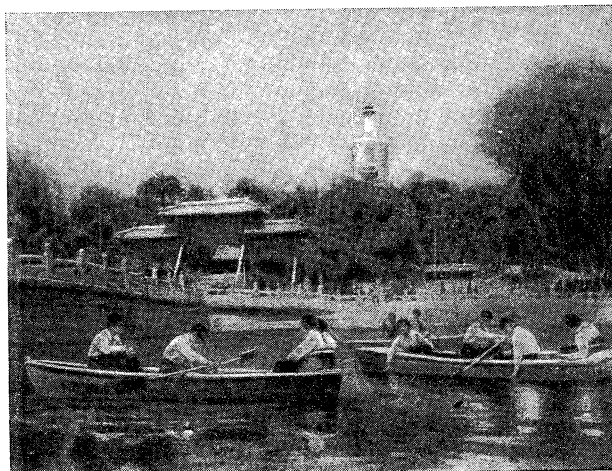
Пекин — этот город великолепных архитектурных памятников и музеев, город дворцов и живописных парков — превращается сейчас в подлинный центр науки и культуры, служащий народу. Одновременно столица становится и крупным промышленным центром.

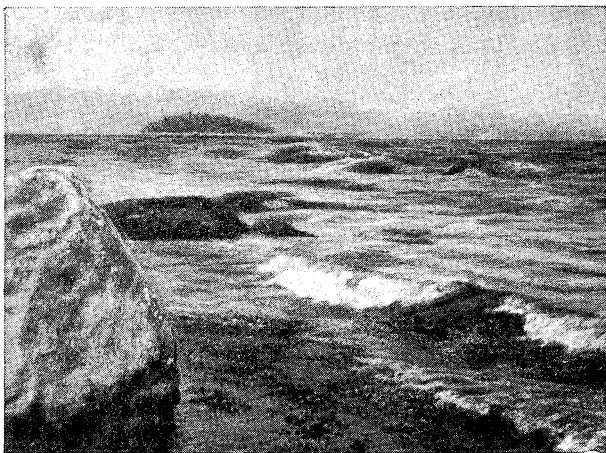
Где бы мы ни были — в центре города или на его окраинах, на широких улицах или в узких переулках — всюду видели мы леса новостроек. Строятся новые и расширяются старые промышленные предприятия, возводятся новые административные здания, жилые дома, учебные заведения, культурные и научные учреждения. Благоустраиваются и расширяются улицы. Пекин становится еще более прекрасным и величественным.

Мы прощались со столицей нового Китая, успев многое узнать и полюбить. Навсегда останутся в памяти древние зубчатые стены, исторические памятники, многочисленные новые стройки и кипучая жизнь огромного города.

С л е в а — новый учебный корпус Китайского Народного Университета; с п р а в а — весело проводят свой досуг дети в парке Бэйхай.

ПОЛЕЗНЫЙ МОЛЛЮСК

Два раза в сутки морской отлив обнажает прибрежные скалы и камни. Совсем недавно здесь плескалась волна и в прозрачной воде плавали стайки рыб. На дне, словно сказочный лес, колыхались водоросли. Но вот море отступило, и растения поникли бурой бесформенной грудой на литорали, то есть на береговой полосе, обнаженной отливом.

В это время внимательный глаз биолога найдет здесь множество живых существ. Тут и морские рачки жолудобаланусы с крепко захлопнутыми створчатыми домиками и водоросли фукусы, в бурой ткани которых имеются плавающие пузырьки, наполненные воздухом. В лужицах воды после отлива попадаются и подвижные рачки-бокоплавы, и креветки, и много других обитателей морского дна.

Большой интерес у биолога вызывают группы черных ракушек, покрывающих подводные камни и многие прибрежные скалы.

Это небольшой моллюск — мидия. Его черная двусторчатая раковина сужена к передней части. Клейкими нитями — биссусами — мидии гроздьями прикрепляются к камням, к подводным сваям. Этими ракушками обрастают и суда и порой так сильно, что скорость их замедляется. Время от времени суда приходится отводить в сухие доки или вызывать водолазов для очистки днища.

Мидии употребляются в пищу. Полтора века назад рыбаки-поморы усиленно промыслили этих черных ракушек в Мезенском заливе Белого моря, снабжая ими любителей изысканной пищи в обеих столицах России.

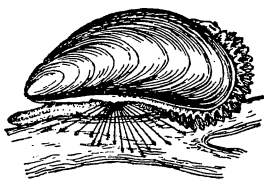
Десятки тысяч тонн этих моллюсков добывают сейчас у берегов Китая и Японии, в прибрежных водах Западной Европы, на Средиземном и

Черном морях и у берегов Америки.

Мясо мидий, напоминающее по вкусу крабов, содержит большое количество белка и витаминов А, В и С, а также ряд других веществ, необходимых организму человека, таких, например, как иод.

В Советском Союзе черноморских устриц и мидий используют для получения различных витаминов.

Недавно советские биолого-гидрологи, представители молодой науки, изучаю-

щей воздействию живых существ на режим морских вод, открыли новые интересные свойства этих двусторчатых моллюсков.

К. А. Воскресенский, доцент Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова, изучал роль мидий как активной фильтрации морской воды.

Внутри раковины в так называемую мантийную полость свисают, подобно занавесу, нежные жабры. Микроскопические реснички непрерывно перегоняют сквозь них воду. Все втянутое вместе с водой внутрь раковины: глину, ил, водоросли, бактерии — задерживают эти естественные фильтры. Как бы ни была мутна втянутая в раковину вода, из нее она вытекает светлой, кристально-прозрачной струйкой.

Твердые же частицы, поглощенные моллюском, он слепляет слизью, а затем выбрасывает в виде комочков.

При изучении мидий был проделан следующий опыт.

В аквариум, наполненный взмученной волнением морской водой, опустили несколько моллюсков. Прошло всего 1—2 часа, и мидии совершенно очистили воду, придав ей ту особенную прозрачность, которая поражает каждого, побывавшего у моря.

Моллюски иногда почти сплошным покровом одевают дно моря у берегов. Это так называемые «пояса мидий». Один моллюск пропускает через себя за сутки десятки литров воды. Живые барьеры из мидий действуют как мощный биологический фильтр.

Фильтруя массы морской воды, моллюски меняют ее состав. Затягивая в мантийную полость мельчайшие, меньше микрона, твердые частицы, мидия слепляет их.

Выброшенные комочки постепенно оседают на дно, образуя «ракушечную грязь»: мощные отложения, толщина слоя которых достигает иногда 8 метров.

Ракушечную грязь упо-

требляют для удобрения полей.

Поселения мидий, таким образом, не только влияют на состав воды в море, но и изменяют рельеф морского дна.

На снимке: на побережье Белого моря. Два раза в сутки морской отлив обнажает литораль — прибрежную полосу. Обнаженное дно моря усеяно скоплениями черных ракушек моллюска мидии и другими мелкими морскими животными.

На рисунке: мидия (1/2 натуральной величины) с выпущенными биссусами — клейкими нитями, которыми она прикрепляется к подводным камням и скалам.

В. МИНКЕВИЧ

ЖЕЛЕЗНАЯ БЕРЕЗА

На полуострове Муравьева-Амурского, на побережье Уссурийского залива недавно обнаружена много весьма редкая у нас, на Дальнем Востоке, древесная порода — железная береза.

Систематическое описание дерева дано в труде академика В. Л. Комарова «Флора Маньчжурии» и профессора А. А. Строгого «Деревья и кустарники Дальнего Востока». Но до сих пор считалось, что она на севере не переходит реку Суйфун.

Железная береза на побережье Уссурийского залива растет на каменистых почвах, на крутых скалах одиночными деревьями. Несмотря на тщательные исследования, молодой поросли пока не обнаружено. Это объясняется, очевидно, тем, что деревья выгорели во время местного пожара, так называемого «пала». Но возобновление поросли березы идет успешно на участках с моховым покровом.

Найденные деревья изучаются научными сотрудниками Дальневосточного филиала Академии наук СССР.

Обычно высота железной березы достигает 22—23 метров при диаметре ствола в 70 и более сантиметров. Доживают такие деревья до 300—350 лет.

Кора железной березы темная и отличается от других видов берез, произрастающих в Приморье, тем, что не шелушится. Древесина ее очень плотная и твердая.

Прочность древесины, как показали испытания, в 2—3 раза больше, чем у дуба.

Структура древесины этой березы однородная, сильно косослойная. Она почти не поддается раскалыванию.

В лесу железная береза покрывается листьями в первой половине мая и одновременно цветет. Как светолюбивое растение, она селится на склонах, выдвигаясь из среды окружающих деревьев.

Железная береза может служить прекрасным заменителем бакаута (железного дерева), применяемого не только в деревообрабатывающей промышленности, но и в машиностроении для изготовления подшипников и различных деталей.

На снимке: сотрудники Дальневосточного филиала Академии наук СССР за обмером железной березы.

Ученый лесовод С. УШАКОВ Владивосток

Дысаеише океаица

А. АВАКОВ, С. ШМЕЛЕВ

ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

Величественно зрелище наступающего прилива. Виктор Гюго в своем известном романе «Труженики моря» так описывает это проявление сил природы:

«Воздух и вода словно дремали. Прилив рос, но не поднимаясь валом, а плавно вздуваясь. Уровень воды повышался равномерно. Еле слышный шум волн, доносившийся из открытого моря, был похож на тихое дыхание ребенка». «Опасна осада наступающего моря. Сначала прилив подбирается незаметно, потом все стремительней. Вот он настиг скалу, и его охватывает ярость, он вскипает пеной».

Сколько мощи в этих вечных движениях океана!

Во время прилива его воды устремляются на берег мерно и неумолимо.

Там, где только что выступали из воды скалы, окруженные белыми барашками бурунов, возникает совершенно ровная поверхность, едва волнуемая легкими порывами ветра; исчезают широкие пляжи по берегам бухт.

Но вот прилив прошел, и все то, что было затоплено водами наступившего океана, начинает постепенно освобождаться от них: вновь обнажаются скалы и камни, отмели, отдельные участки берега, мелеют бухты, — все принимает свой первоначальный вид.

И так до следующего прилива.

Дважды в течение суток приходят и уходят, наступают и отступают воды океана — с тихим мерным рокотом на открытых участках побережья, с грозным гулом в узких горловинах заливов и бухт.

И именно в часы прилива, как и в часы жесточайшего шторма, океан являет в полной мере свою несокрушимую мощь. Его колоссальная энергия направлена главным образом на разрушение: он подтачивает скалистые и подмывает песчаные берега. Откуда берется эта энергия?

Еще в глубокой древности некоторые ученые пытались разгадать природу приливов и отливов. Наряду с совершенно фантастическими суждениями были и правильные догадки. Так, римский географ Страбон, живший в I веке до нашей эры, ссылаясь на римского ученого Посидония, писал,

что «движение океана происходит а правильной последовательности, подобно небесным телам», и что «тут видно суточное, месячное и годовое движение луны». А Плиний Старший, известный римский ученый, отмечал в своих трудах, что приливы вызываются Луной и Солнцем.

Однако лишь сравнительно недавно была создана стройная теория приливов и отливов.

Теперь точно известно, что явление прилива связано в первую очередь с воздействием Луны на водную оболочку Земли. Солнце также оказывает влияние на приливы, однако его доля в два с лишним раза меньше. От взаимного положения Луны, Солнца и Земли зависит высота приливов, и поэтому она меняется изо дня в день. Высота приливов зависит и от того, где происходит прилив.

Так, у побережья материков она в среднем составляет 1,5—2 метра. Во внутренних морях приливы значительно слабее, чем в океане, и измеряются всего лишь сантиметрами.

Но особенно велика приливная волна в некоторых бухтах и в устьях рек. Так, разность в уровнях прилива и отлива в устье реки Темзы у Лондона достигает 5 метров, в бухте Сен-Мало во Франции — 12,4 метра, в Бристольском заливе в Англии — 12 метров, в бухте Фанди в Северной Америке — 16 с лишним метров.

В устьях рек приливная волна встает против течения подобно стене и нередко поднимается далеко вверх по реке. Так, на Ганге приливная волна совершает путь в 250 километров, а на Амазонке заходит вверх по течению почти на 900 километров.

Невольно возникает вопрос: нельзя ли колоссальную энергию приливной волны, способную повернуть вспять течение такой большой и многоводной реки, как Амазонка, поставить на службу человеку?

МОЖЕТ ЛИ ОКЕАН РАБОТАТЬ?»

Мысль об использовании приливов зародилась очень давно. Еще в начале нашей эры в небольших бухтах Британии, Галлии и Иберии (современных Великобритании, Франции и Испании), соединенных с океаном узкими проливами, стояли мельницы, приводившиеся в движение приливной волной.

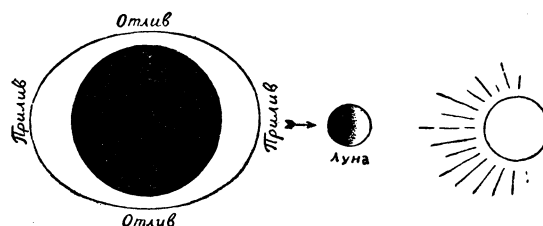
В последнее время мысль ученых и инженеров неоднократно обращается к проблеме использования энергии приливов. Только за 83 года, с 1856 по 1939, было выдано 280 патентов на всевозможные проекты использования энергии приливной волны.

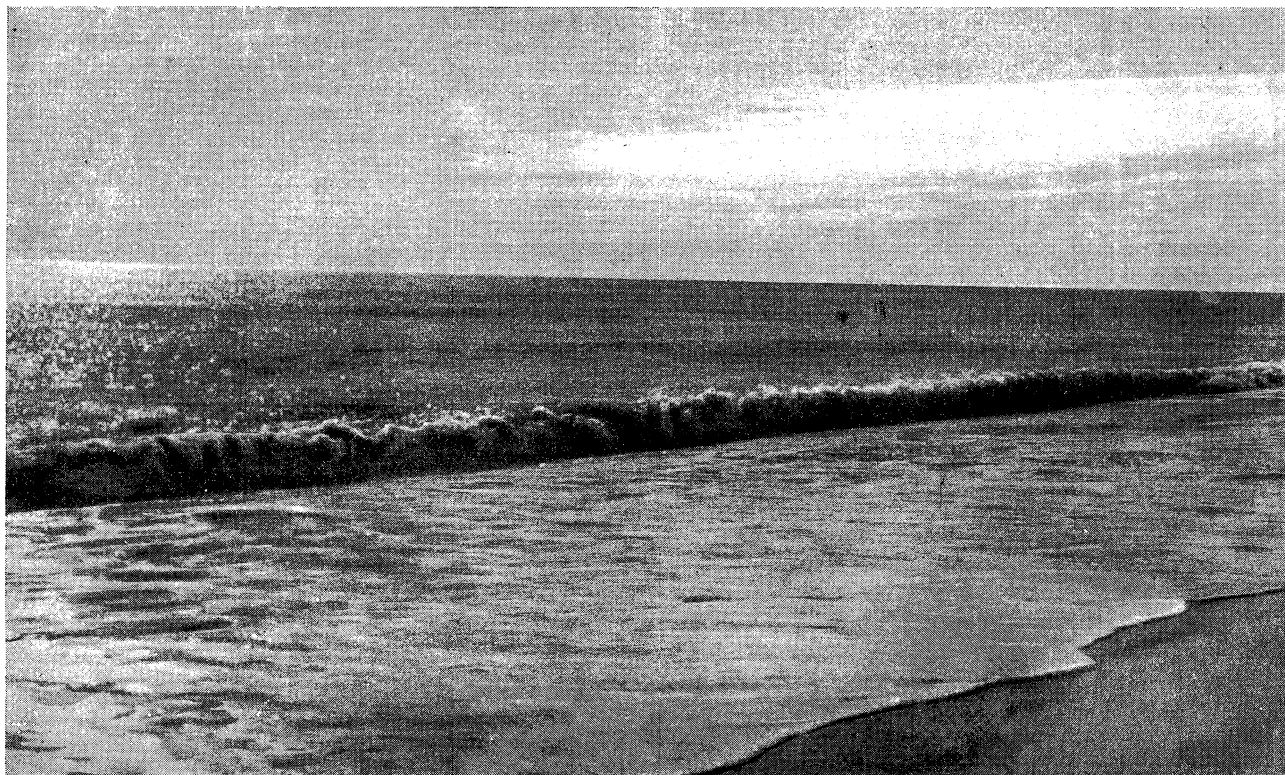
Наиболее простым решением этого вопроса казалось — перегородить некоторые бухты, заливы и устья рек плотинами.

Представим себе залив, где высота прилива достигает нескольких метров. Здесь, в самом узком месте залива, возведена плотина и здание электростанции. Вот начинается отлив. Отверстия, через которые вода поступает к турбинам электростанции, наглухо закрыты щитами. Уровень в открытом море постепенно понижается, тогда как в бассейне, отгороженном плотиною, он остается неизменным. Когда разница в уровнях моря и бассейна достигнет 1—2 метров, щиты открываются и вода, низвергающаяся из бассейна, начинает вращать турбины гидроэлектростанции.

Когда отлив прекращается, уровень воды в океане и в бассейне становится одинаковым, щиты закрываются. Начинается прилив. Спустя некоторое время уровень воды в море повышается на 1—2 метра, щиты вновь открываются, турбины снова начинают работать, но уже на напоре со стороны моря.

Однако при всей видимой простоте подобного рода установка не свободна от довольно существенных недостатков. Во-первых, она вынуждена четырежды в течение суток полностью прекращать работу. Во-вторых, во время самой работы мощность станции непрерывно меняется. Начиная действовать на небольшой мощности, станция постепенно увеличивает ее, достигнув предела, постепенно ее теряет, пока не перестает работать совершенно. Нако-

На побережье Тихого океана во время прилива (снимок сверху) и отлива (снимок внизу).

нец высота прилива в одном и том же месте не одинакова и на протяжении двух недель изменяется чуть ли не вдвое. Потребитель же нуждается в равномерной и непрерывной подаче необходимой ему энергии.

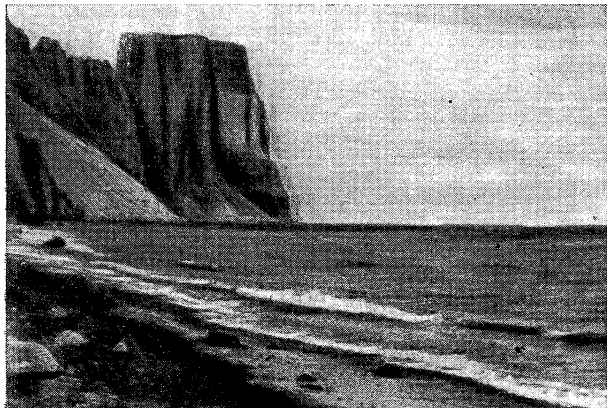
И все же, несмотря на эти недостатки, проекты новых и новых приливных станций почти ежегодно появляются то в одной, то в другой стране. Океанские приливы привлекают внимание ученых и инженеров как источник дешевой и притом постоянно возобновляемой энергии.

По некоторым исчислениям, по-

ски возможно и экономически выгодно получение 260 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год, то-есть примерно такого же количества энергии, какое вырабатывают в настоящее время все гидростанции мира.

Сооружать приливные станции можно лишь на определенных участках побережий, где для этого имеются благоприятные условия. Прежде всего требуется наличие приливов, достигающих высоты не менее 3—4 метров.

А всюду ли можно найти приливы с достаточной амплитудой?

Приливные волны у побережья Баффиновой Земли.

тенциальные запасы энергии приливной волны составляют примерно 8 триллионов киловатт, что во много миллионов раз превосходит мировые запасы потенциальной энергии рек. Но эта энергия океана в значительной степени не может быть использована, подобно тому как, скажем, не могут быть извлечены громадные запасы золота, растворенные в морской воде.

В настоящее время очень трудно сказать, насколько может быть использована энергия приливов. Но уже сегодня на основании существующих проектов приливных станций можно утверждать, что техниче-

Оказывается, что в большинстве случаев высота приливов не превышает $1\frac{1}{2}$ —2 метров. Значительной высоты приливная волна достигает только в некоторых районах земного шара.

Но этих мест не так уж мало. Если за северным Полярным кругом амплитуда приливов почти нигде не превышает 2 метров, то несколько южнее — в Гудзоновом заливе в Атлантике — она достигает 7—9 метров, а еще южнее, в заливе Фанди, на границе США и Канады, — 16 метров. Это наибольшая из отмечающихся на земном шаре амплитуд прилива.

Она велика и у берегов Патагонии, в заливах св. Матвея и св. Георгия (9—12 метров) и в порту Гальегос (14 метров). У европейских берегов, главным образом во Франции и Англии, амплитуда прилива не бывает ниже 3—4 метров.

В Тихом океане большие приливы наблюдаются у берегов Кореи, побережья Китайской Народной Республики, в Калифорнийском заливе, в устье реки Колорадо, в Панамском заливе, у берегов Канады и Аляски, у островов вдоль южного побережья Чили, а также в некоторых других местах.

Амплитуды приливов в 7—10 метров отмечены в целом ряде заливов северо-западной части австралийского материка.

Уже из этого краткого обзора можно убедиться, что по условиям амплитуды прилива сооружение приливных гидроэлектростанций возможно в относительно большом числе мест земного шара.

ЗАКОНСЕРВИРОВАННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Наибольшее число проектов приливных станций за последние десятилетия разработано французскими инженерами.

Многочисленные бухты, расчленяющие Нормандское побережье Франции, явились объектами изучения французских геологов и инженеров. На катерах и лодках они избороздили бухты и заливы вдоль и поперек, измеряя глубины дна, производя съемку берегов, изучая высоты приливов и геологическое строение дна.

Они вскоре убедились, что в этих бухтах, как больших, так и малых, можно построить десятки приливных гидроэлектростанций. Появились и проекты таких станций.

Чем же объяснить, что именно во Франции этой проблеме в настоящее время уделяется столь большое внимание?

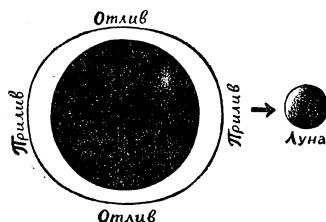
Будучи одной из наиболее развитых в промышленном отношении стран Западной Европы, Франция в совершенно недостаточной степени обеспечена минеральным топливом. Добыча каменного угля не удовлетворяет потребностей страны, и Франция вынуждена ввозить его в размере 15—20 миллионов тонн в год. Что же касается нефти, то добыча ее внутри страны совершенно ничтожна.

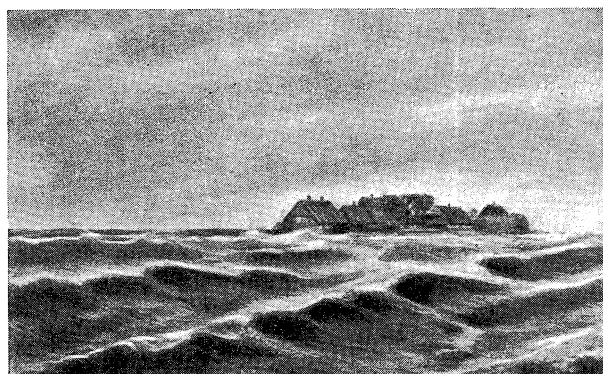
Особенно бедны энергетическим сырьем районы Франции, прилегающие к Атлантическому океану. Они не имеют ни залежей каменного угля, ни «белого угля». А между тем здесь, особенно у полуостровов Бретань и Котантен, приливы достигают очень большой высоты. Многие бухты и заливы здесь удобны для постройки приливных гидроэлектростанций.

Вот это-то обстоятельство и подтолкнуло творческую мысль французских ученых. Вот почему появились многочисленные проекты, предусматривающие использование силы морских приливов.

Однако ни одна из запроектированных за последние годы станций так и не была построена, а начавшееся в 1931 году строительство небольшой приливной станции Абер-Вракх в Брестском заливе было в следующем же году полностью законсервировано.

Объясняется это прежде всего «кустарным» подходом к решению большой проблемы. Все проекты предусматривали использование энергии станций лишь в близлежащем городе, а сами приливные станции рассматривались как изолированно действующие установки. Это ограничивало мощность проектирующихся станций и делало неоправданными расходы на их строительство. Приливные станции выгодны только в том случае, если они крупны или когда несколько станций объединено в одну систему.

Рыбачьи домики, расположенные на берегу Северного моря, часто затопляются приливной волной. Одна из таких деревень в часы отлива (снимок слева) и прилива (снимок справа).

В 1953 году в зарубежной печати появилось сообщение о подготовке к строительству приливной станции в устье реки Ранс во Франции. Трудно предвидеть, чем закончится эта попытка. Не постигнет ли и это строительство участь законсервированной станции Абер-Врахх?

Вместе с тем это сообщение свидетельствует о том, что идея сооружения приливных гидроэлектростанций попрежнему продолжает находить себе благоприятную почву во Франции, нуждающейся в дешевой энергии.

И действительно, во Франции есть все условия для рентабельного использования энергии приливов. Правильный путь в этом отношении указывался самими французскими учеными.

В настоящее время, когда Франция покрыта густой сетью высоковольт-

ных линий, вопрос о строительстве целой системы приливных станций, казалось бы, можно разрешить очень просто.

Специалисты-гидрологи указывают, что водохранилища речных гидроэлектростанций страны очень невелики и не способны накапливать воду в крупных масштабах, чтобы перераспределять ее в течение целого года.

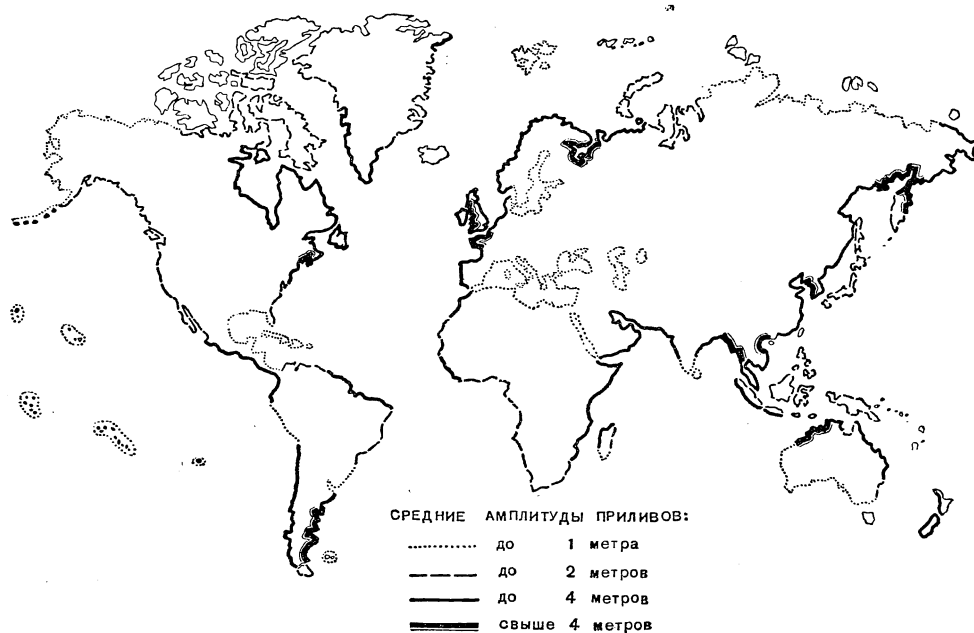
Поэтому дополнение речных гидроэлектростанций приливными было бы наилучшим решением проблемы равномерного энергоснабжения страны. А со временем, когда все побережье Атлантического океана будет застроено приливными станциями, они сами смогут дополнять одна другую, так как приливы происходят на побережье не одновременно. Они начинаются на юге Бретани, а затем, только через 5—6 ча-

сов, доходят до полуострова Котантен.

Но для такого решения нужно, чтобы в стране существовала единая энергосистема. Такая система невыгодна, однако, для владельцев тепловых электростанций, получающих огромные прибыли от своих предприятий. Они всеми силами стремятся помешать строительству гидроэлектростанций. А против приливных станций, как против возможного и опасного конкурента, выступают единым фронтом компании и тепловых и речных электростанций.

В БРИСТОЛЬСКОМ ЗАЛИВЕ

В лежащей неподалеку, за Ламаншем, Англии тоже разработано немало проектов приливных стан-

Схематическое изображение высот приливной волны в разных районах земного шара.

ций. Страна угля — Англия в то же время страна, очень бедная гидро-ресурсами.

Потенциальная мощность всех ее рек исчисляется в 600 тысяч киловатт — несколько меньше мощности нашего Днепротэса.

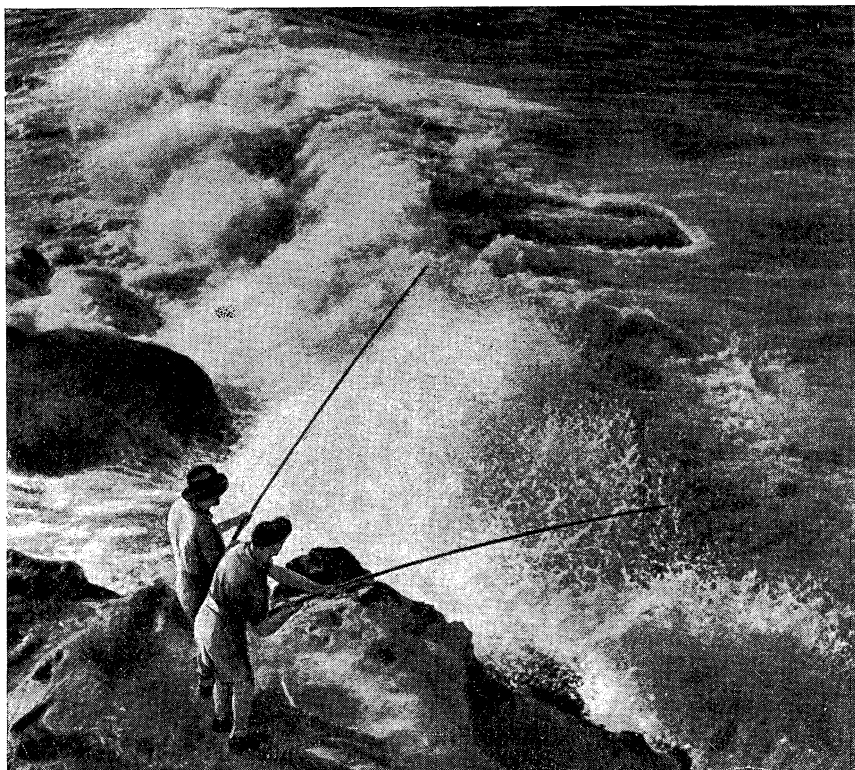
Крупнейшее капиталистическое государство Европы занимает по выработке гидроэлектроэнергии чуть ли не последнее место среди европейских стран.

Английские ученые давно были заняты поисками дешевых энергоресурсов. Еще в начале XX века был предложен проект сооружения приливной станции в Бристольском заливе.

Бристольский залив, отделяющий Уэльс от полуострова Корнуэлла, глубоко врезан в сушу. К северу от него расположен один из основных районов тяжелой промышленности Англии, возникшей здесь на базе месторождений каменного угля. Металлургия, автомобильная промышленность, авиастроение являются основой его экономики. Естественно, что промышленность района поглощает большое количество электроэнергии.

В залив впадает одна из значительных рек Англии — Северн. В ее устье прилив образует водную стену высотой до 1,5—2 метров, что сильно препятствует здесь судоходству.

Лов рыбы на Тихоокеанском побережье Австралии во время морского прилива.

Грузы, перевозимые по железной дороге, связывающей Лондон с промышленным районом Южного Уэльса, проходят лишние сто километров из-за того, что эта дорога вынуждена огibtь с севера глубоко врезающийся в сушу Бристольский залив.

Проекты сооружения приливной станции в Бристольском заливе, по-

мо постройка этой приливной станции затрагивает интересы угольных магнатов, а потому станция не строится, да и неизвестно, будет ли когда-нибудь построена.

ПЛОТИНЫ В МОРЕ

Чтобы показать, насколько велики возможности использования энергии

Прилив у берегов Калифорнии.

мимо получения дешевой энергии, предусматривают обеспечение судоходства по Северну и создание мостового перехода для железнодорожного транспорта через этот широкий залив.

Проекты приливной станции Северн неоднократно перерабатывались за последние два десятка лет.

приливов, можно привести один пример.

В 1940 году в зарубежной печати появилась заметка о проекте инженера Мель, предлагавшего соорудить сверхмощную приливную станцию в заливе Сен-Мало. Мощность этой станции могла бы составить 58 миллионов киловатт, что превосходит установленную мощность всех гидростанций мира.

Для постройки приливной станции такой мощности Мель предложил отсечь плотинами, общей протяженностью в 110 километров, часть залива Сен-Мало, площадью в 3 400 квадратных километров. В связи с тем, что глубины залива сравнительно невелики, средняя высота дамб должна составить не больше 55 метров.

Несмотря на колоссальный объем земляных и бетонных работ, сооружение станции Сен-Мало для современной техники — дело вполне выполнимое. Но, само собой разумеется, что в условиях капитализма говорить всерьез об осуществлении такого проекта невозможно.

Проект инженера Мель свидетельствует о том, что энергию приливов можно использовать не только в естественных бухтах, обращенных к океану узкими горловинами, но и с помощью плотин, выдвинутых далеко в море; что можно строить станции такого масштаба, которые нельзя создать ни на одной из рек мира.

Из приведенных примеров видно, какие необозримые перспективы открываются перед человечеством в деле будущего использования океана, этого неиссякаемого источника энергии.

НА ЗЕМЛЯХ ПЛЕМЕНИ ТУРКАНОВ

В Кении, западнее озера Рудольфа, недалеко от места, где сходятся границы Англо-Египетского Судана, Эфиопии и Кении, расположены сухие, бесплодные земли, покрытые редкой травянистой растительностью и зарослями кустарника. Осадков здесь выпадает мало. Протекающая по этому засушливому району река Туркана, впадающая в озеро Рудольфа, пересыхает. От других мелких речушек ныне остались только высохшие русла. Постепенно понижается и уровень самого озера.

Проблема воды является в этом районе проблемой жизни. Вода в озере непригодна для питья, так как содержит много соли, а других источников здесь нет.

На территории этого засушливого района живет в настоящее время племя скотоводов-турка-

нов, по языку и культуре родственное крупному африканскому племени масаи.

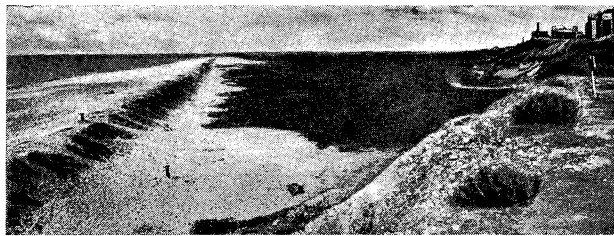
Как и многие другие африканские племена, живущие на территории Кении, оно было изгнано английскими колонизаторами с плодородных земель, на которых англичане разбили плантации хлопка, сизаля, сахарного тростника.

Нелегка жизнь кочевников-скотоводов в этом бесплодном районе. В поисках воды и пастбищ для своих животных — коров, коз и верблюдов — племя постоянно кочует по пустынным пространствам района, не оставаясь на одном месте более 2—3 месяцев. Чтобы добыть воду для себя и скота, жители роют глубокие колодцы.

На новом месте кочевники строят из веток, травы и листьев жалкие шалаши с низкой крышей и устланным сухой травой полом. Вокруг шалашей устраивается загон для скота.

Множество таких временных жилищ, оставленных жителями, разбросано по территории района, где кочует племя.

На снимке: жилище турканов.

„ДВИЖУЩИЙСЯ БЕРЕГ“

Между устьями рек Сены и Соммы берег северного побережья Франции очень крут. Высота отвесных известняковых скал достигает здесь 120 метров.

Море неумоимо ведет свою работу на этом участке, размывая мягкий, легко растворяющийся в воде известняк, в который вкраплено множество камней и очень мелких и крупных. При растворении известняка камни выпадают и образуют прибрежные валы.

В течение веков такие каменные валы, доходящие высотой до 5—7 метров, образовались на всем обширном участке побережья. Подсчитано, что тут море ежегодно размывает 2 миллиона кубометров известняка.

Высокие валы, шириной до 100 метров, неуклонно перемещаются с

запада на восток. Морские приливы и частые ветры передвигают гладкие, обточенные камни в этом направлении, и весь берег, хотя и незаметно для глаза, наступает на море.

«Движущийся берег» угрожает такой крупной реке, как Сомма, на берегах которой разбросано много мелких рыбацких селений. Валы уже отодвинули устье реки к востоку.

Значительные в средние века портовые городки в устье Соммы — Сен-Валери и Ле-Кротуа — превратились теперь в расположенные на суше местечки. С течением времени близкие к берегу поселения отодвигаются все дальше в глубь материка.

На снимке: каменные валы у устья реки Соммы.

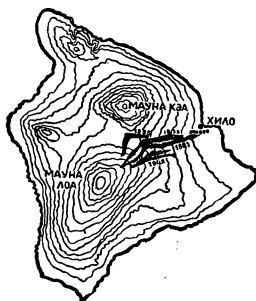
У ПОДНОЖЬЯ ВУЛКАНА

На острове Гавайи, самом большом в группе Гавайских островов на Тихом океане, находится несколько вулканов. Один из них — Мауна-Лоа (4 169 м) — уже давно представляет большую угрозу городу Хило.

Хило лежит на берегу Тихого океана, в большой долине, расположенной между вулканами Мауна-Лоа и Мауна-Кэа (4 214 м). Это большой, с 25-тысячным населением, город, второй по своему экономическому значению порт на Гавайях после Гонолулу.

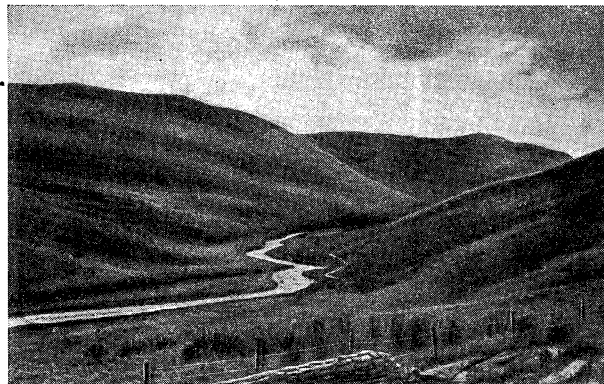
Во время извержений Мауна-Лоа, происходивших неоднократно на протяжении последних полутора веков, лава часто направлялась в сторону Хило и лишь немного не доходила до города. В 1935 и 1942 годах для того, чтобы отвести поток лавы от Хило, пришлось прибегнуть к воздушной бомбардировке.

По мнению ряда гавайских вулканологов, Хило грозит разрушение, если заранее не будут приняты меры для защиты го-

рода от потоков лавы. В качестве одной из таких мер предлагается постройка защитной стены на пути движения лавы.

Однако для осуществления этого проекта нет средств. Американские же дельцы, владельцы плантаций и экспортеры сахара, все, кто получает огромные прибыли от эксплуатации богатств Гавайи, раскошелиться не хотят, успокаивая жителей тем, что в последние извержения вулкана в 1950 и 1952 годах лава текла не в сторону Хило, а в обратном направлении. Но, как указывают ученые, надеяться на то, что и в какое-либо из следующих извержений лава снова потечет в обратном направлении, не приходится: за последнее столетие лава пять раз угрожала городу. Любое новое извержение может оказаться для Хило катастрофическим.

НА СКЛОНАХ ШОТЛАНДСКОГО НАГОРЬЯ

Сурова и бедна природа Шотландского нагорья — темные, сумрачные холмы, печальные вересковые пустоши, на которых пасутся стада овец. Лишь местами, на склонах гор, увидишь редкие сосновые леса или мелькнет свежая зелень по долинам рек. Зато часто встречаются торфяники, топи, болота. На севере поднимаются безлесные красноватобурные вершины гор.

В последнее время в Шотландии все быстрее увеличивается площадь под песчаными пустошами, возникшими на месте вырубленного леса. Уничтожение защитного лесного покрова по склонам Шотландского нагорья привело к развитию эрозии и смыву дождями почвы.

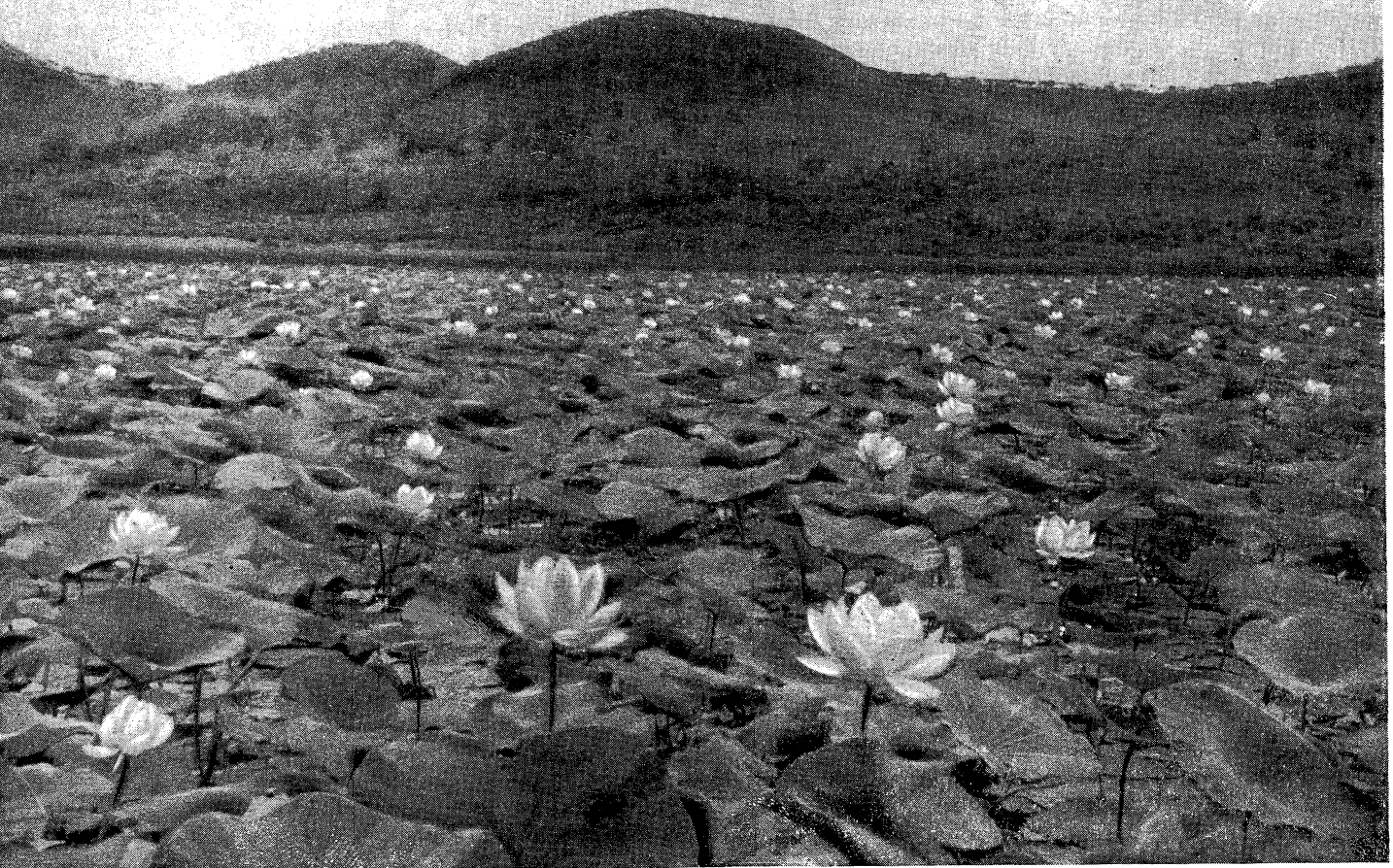
Англия — одна из самых бедных лесом стран Западной Европы. Пустотства, покрытые лесом, занимают около 5 процентов территории страны. Половина этой площади приходится на разреженные и парковые леса и кустарниковые заросли.

Истребление лесов в Англии приняло особенно большие размеры в годы второй мировой войны. Нужда в лесе достигла такого предела, что вырубались деревья в парках.

В недалеком будущем Англии угрожает опасность вовсе лишиться своего лесного покрова.

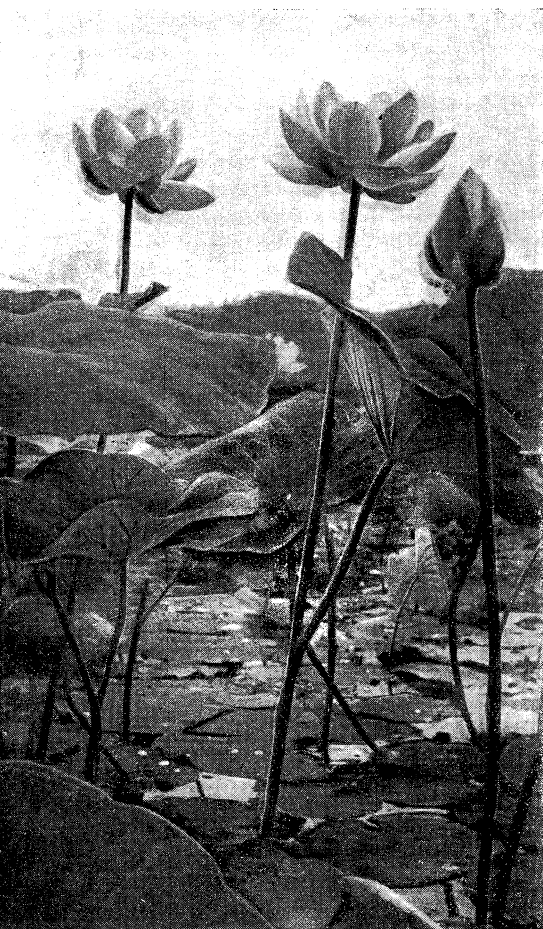
На снимке: темные сумрачные холмы с безлесными склонами — типичный пейзаж в Шотландии.

Остров Путятин. Заросли лотоса на Гусином озере.

Цветы лотоса.

НА ОЗЕРЕ ГУСИНОМ

В. КУЧЕРЯВЕНКО

Фото М. Тянченко

Катер из Владивостока берет курс в море, к острову Путятин. Раннее утро. Небо охвачено багровым заревом. Медленно вздымаются волны. Шипя и рассыпаясь белой пеной, они бегут к обрывистым каменистым берегам Приморья.

Проходит около трех часов, и перед нами встает из воды небольшая каменистый остров. Катер останавливается у причала рыбоконсервного завода.

Трубы завода выбрасывают ввысь клубы белого дыма. Миллионы банок с консервированной рыбой поступают отсюда на Большую землю и расходятся по всей стране. Здесь же на острове находится известный далеко за пределами Приморского края зверосовхоз, где разводят чернос-

бурых лисиц, песцов и пятнистых оленей.

Вот стадо стройных, с белыми кружками по светлокоричневой шерсти животных. Они поднимают головы и с любопытством смотрят на нас. Затем, делая огромные прыжки, дымчато-огненным облачком стремительно уносятся в глубь долины. «Олень-цветок» — называют здесь пятнистого оленя.

День солнечный, но гора Старцева, самая высокая на острове, затянута облаками.

Среди зеленых и рыжих берегов сверкает в лучах солнца озеро Гусиное, похожее на овальное китайское зеркало с нарисованными на нем цветами. А по озеру, словно зелено-розовые мазки, и на самом деле разбросаны

цветы — сплошные заросли лотоса-неаюмбии. Лишь кое-где среди них синюют чистые яркие пятна воды.

Листья и цветы лотоса сидят на высоких крепких стеблях, обладающих способностью чрезвычайно быстро увеличиваться в росте. Повысится уровень воды от сильных ливней, и стебли лотоса сейчас же усиленно начинают развивать рост. Поэтому венчик цветка всегда высится над поверхностью водного зеркала.

Кто хоть раз видел эти заросли лотоса, не забудет их никогда. Уж очень красив и нежен этот роскошный цветок, пахнущий так ароматно.

Едем в лодке по озеру, раздвигая большие круглые кожистые светлозеленые листья лотоса. В диаметре они достигают 70 и более сантиметров и, на полуметр поднимаясь над водой, почти закрывают ее. А над листьями высются на толстых пупырчатых стеблях огромные цветы, до 20—25 сантиметров в диаметре, иногда и значительно большие. Тысячи цветов раскрыли свои лепестки. От розовых чаш с их круглой, похожей на соты, сердцевинкой не оторвешь глаз — так они красивы.

Воздух напоен тонким запахом, то ли спелой дыни, то ли розы.

Озеро Гусиное расположено недалеко от берега моря, в углублении, похожем на чашу. Оно невелико: в нем всего около трех квадратных километров. Но сколько же оно вместило этих прекрасных цветов!.. Тут и раскрывшиеся цветы, и бутоны, и прямо стоят, похожие на воронку садовой лейки, семенники, с которых уже опали на воду большие лепестки. И кажется, что это не озеро, а застывшая картина древнего китайского или корейского художника, которые так любили изображать цветы лотоса. В памяти встают и орнаменты египетской, ассирийской и индийской архитектуры и памятников Бохайского царства.

Бохайское царство существовало на территории нынешнего Приморского края с VIII по XII век нашей эры. Во Владивостоке можно видеть у Приморского музея имени В. К. Арсеньева могильный памятник, высеченный из андезита и базальта, относящийся к X веку. Он был найден среди руин бывшей столицы Бохая, находившейся в районе теперешнего города Ворошилова-Уссурийского. На этом памятнике высечены изображения лепестков лотоса. Они подтверждают, что Приморье с древнейших времен было родиной этого замечательного растения.

Приморский розовый лотос относится к семейству кувшинковых. В прежние геологические

эпохи растение это было широко распространено. Теперь розовые лотосы сохранились лишь в немногих местах Южной Азии и в СССР. В Китае, Японии, Индии их зачастую разводят искусственно в специально построенных прудах. Но в Японии и Индии лотоса стало мало. Этот редкий цветок истребляется богатыми туристами. В Египте известны два других вида лотоса — голубой и белый.

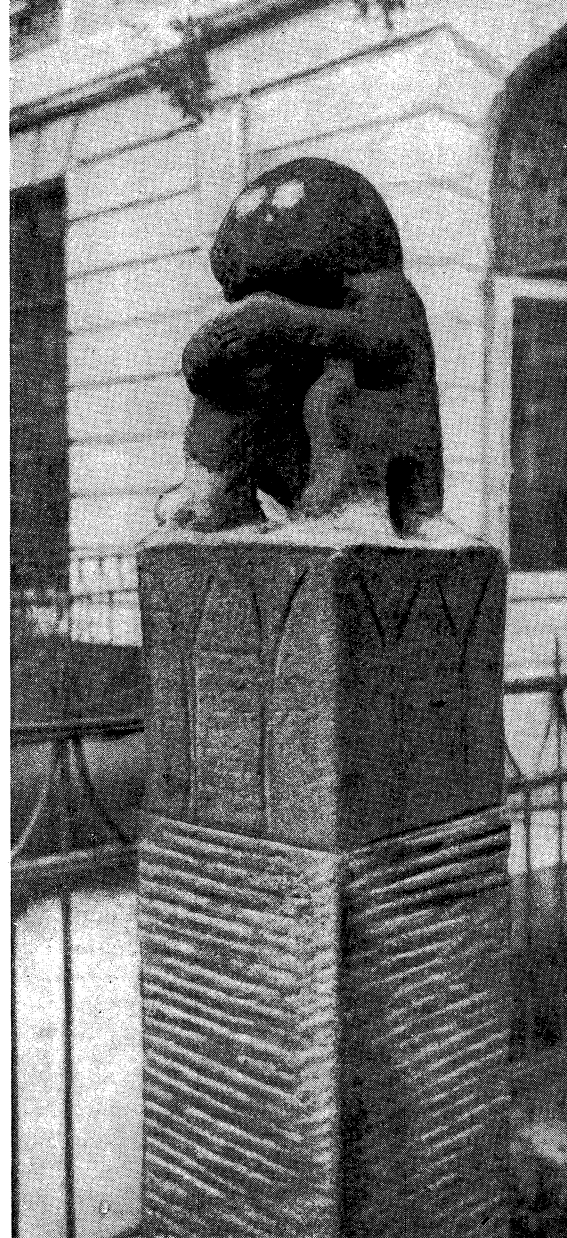
В нашей стране лотосы растут в естественном виде в среднеазиатских республиках, на Кавказе, в дельте Волги и в очень большом количестве в Приморском крае, на Дальнем Востоке. В Приморье лотос растет на озере Ханка и в мелких озерах Приханкайской низменности, по заводям рек Уссури, Лефу, Тюмень-Ула, Цемухе и на острове Путятин.

В Приморье лотос цветет в середине лета. У него густорозовая, с синевавшим отливом или пурпурная окраска. Как утверждают некоторые специалисты, он крупнее всех остальных лотосов нашей страны.

Из Приморья лотос поступает в ботанические сады страны, в гербарии музеев и школ. Помимо своих декоративных качеств, лотос имеет и лекарственное значение: он издавна применялся в китайской и тибетской медицине как средство, способствующее кровообращению. Его стебли и корни в странах Востока употребляются в пищу.

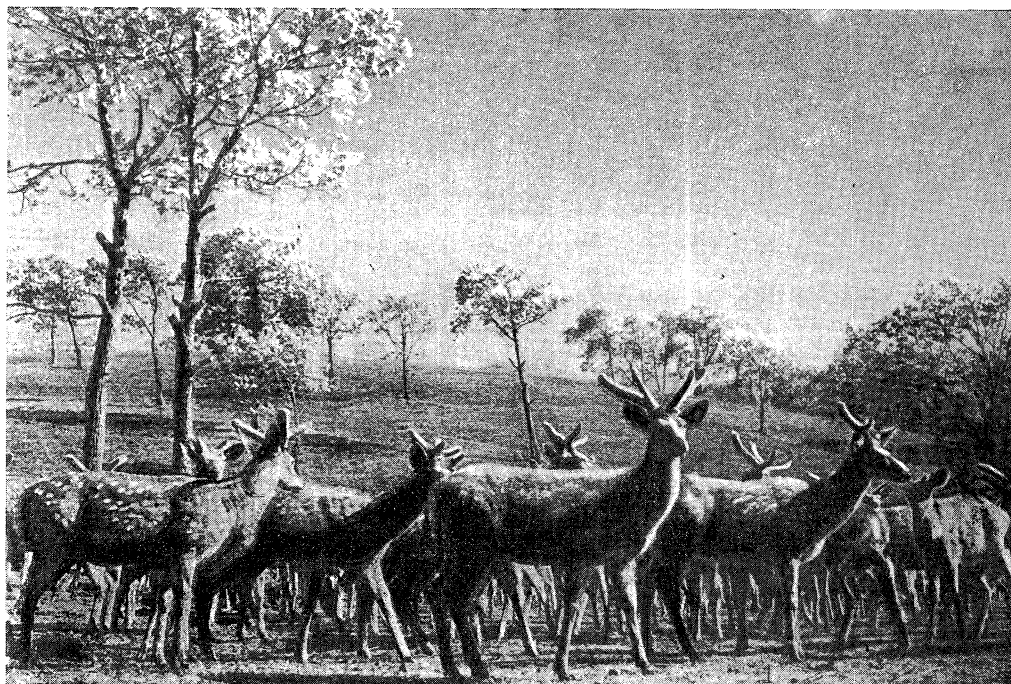
Приморцы любят и ценят свои лотосы и берегут их. Массы трудящихся и школьников приезжают летом полюбоваться зарослями этих чудесных цветов.

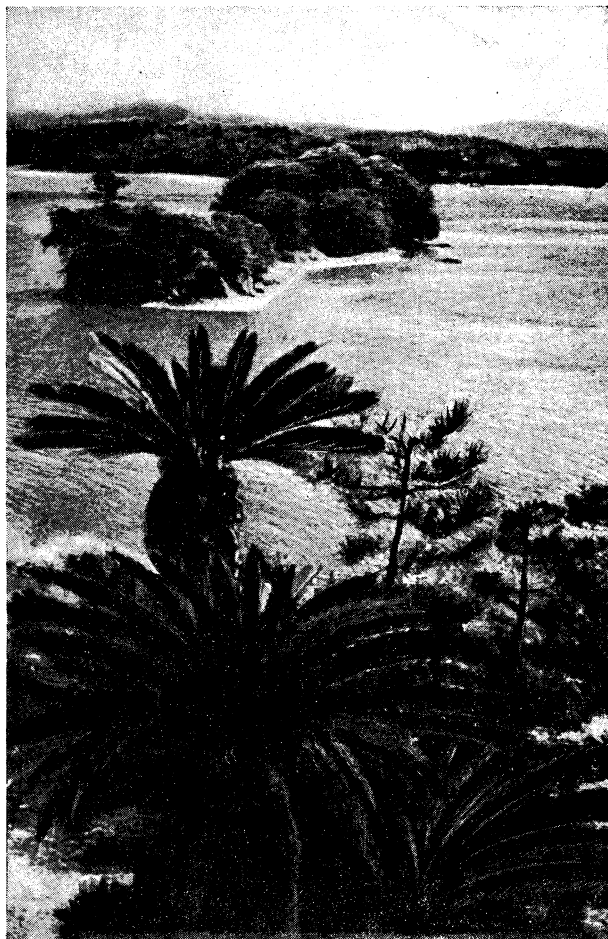
Советские ученые изучают лотос и отправляют его семена в различные районы нашей страны для акклиматизации в местных условиях.

Владивосток. Памятник эпохи Бохайского царства с изображением лепестков лотоса.

Остров Путятин. Пятнистые олени.

В бухте ГОКАСКО

ЖЕМЧУЖНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ЯПОНИИ

Пышная растительность окружает залив, где разводятся жемчужницы.

В теплые весенние дни множество лодок сует в водах бухт Аго и Гокаско. В подках сидят люди, одетые в белые халаты. Поочередно, прикрыв лицо большим стеклянным щитком, чтобы можно было видеть под водой, они опускаются на дно и, пробыв там порой до двух минут, снова появляются на поверхности. После короткого отдыха в лодке они ныряют снова.

Это японская молодежь, главным образом девушки, в поисках заработка собирает маленьких жемчужниц, живущих колониями на подводных скалах и камнях в морях, омывающих Японские острова. До позднего вечера продолжается этот тяжелый труд, выматывающий силы.

Еще с давних времен у берегов Индии и Цейлона, Ирана и Аравии, в Персидском заливе и Красном море охотятся за моллюсками, в раковинах которых встречаются жемчужины, идущие для изготовления ценных украшений. Затем морской жемчуг стали добывать у берегов Венесуэлы, Австралии и других стран, омываемых теплыми морями.

С годами добыча жемчуга возростала, что привело к жестокому истреблению моллюсков. Чтобы добыть одну жемчужину, приходится иногда вскрывать сотни раковин. Вот почему наряду с использованием еще сохранившихся естественных ресурсов жемчуга его получают и искусственным путем, воссоздавая процесс образования жемчуга в природе.

Сама эта идея зародилась очень давно. Впервые опыты искусственного выращивания жемчуга производились с пресноводными раковинами еще в Китае в XIII веке, где и по сей день существует этот промысел.

В пресноводную жемчужницу ловцы вкладывали инородное тело — обычно дробинку, а иногда крохотную свинцовую фигурку. Такие раковины опускали в воду на 2—5-метровую глубину. Через несколько лет их вынимали. В некоторых раковинах оказывался жемчуг, обволакивающий вложенный когда-то шарик. Но жемчужины были мелки и часто прирастали к створкам раковины, поэтому и ценились невысоко.

Спустя много лет жемчуг стали выращивать и на Японских островах. Однако и здесь долгое время не удавалось получить полноценный жемчуг. Лишь в 1913 году была, наконец, получена первая жемчужина, не отличавшаяся от естественной.

Что же такое жемчуг, как он образуется?

В многочисленных легендах Востока не раз упоминается о происхождении жемчуга. В одной из них рассказывается, что капля росы, попав через приоткрытые створки в раковину, образовала прекрасную жемчужину.

В действительности жемчуг образуется некоторыми моллюсками, выделяющими перламутр в тех случаях, когда паразит или какое-нибудь другое инородное тело — песчинка, кусочек губки, дерева и т. д. — попадает в раковину моллюска между створкой и наружной тканью, называемой мантией. Мантия обволакивает в мешочек инородное тело, и оно начинает постепенно покрываться слоями перламутра. Так образуется твердая горошина, состоящая преимущественно из углекислого кальция. Это и есть жемчуг.

Размеры жемчужин бывают самые разнообразные: от мельчайших крупинок до голубинового яйца. Особенно ценится жемчуг крупный и правильной сферической формы, но сравнительно крупные экземпляры встречаются крайне редко. В Лондоне хранится самая большая жемчужина мира, весом в 450 карат.

Цвет жемчуга бывает самый различный: белый, желтоватый, голубоватый, розоватый... Редко встречается черный.

Жемчуг недолговечен и приблизительно через 150 лет разрушается и превращается в пыль.

Для того чтобы в раковине образовалась жемчужина, она должна

пробыть под водой в течение нескольких лет.

В бухте Гокасско, в питомнике, принадлежащем компании Микимото — крупнейшему в Японии предприятию по искусственному выращиванию жемчуга, каждой весной ловцы собирают молодые морские жемчужницы. Выловленные раковины помещают в специальные металлические корзины, которые укрепляются под деревянными рамами, слегка выдающимися на поверхности воды. В этих пловучих «садках» моллюски растут в течение трех лет. Затем их вынимают и в лаборатории производят особую операцию. У животного вырезают кусочек ткани, выделяющей перламутр, заворачивают в него крошечный перламутровый шарик и пересаживают все это другому моллюску. Одно из двух животных, — то, у которого был взят кусочек мантии, — при этом гибнет.

Спустя год оперированных моллюсков подвергают исследованию, чтобы узнать, привилось ли инородное тело. Животных, у которых операция не удалась, выбрасывают в море.

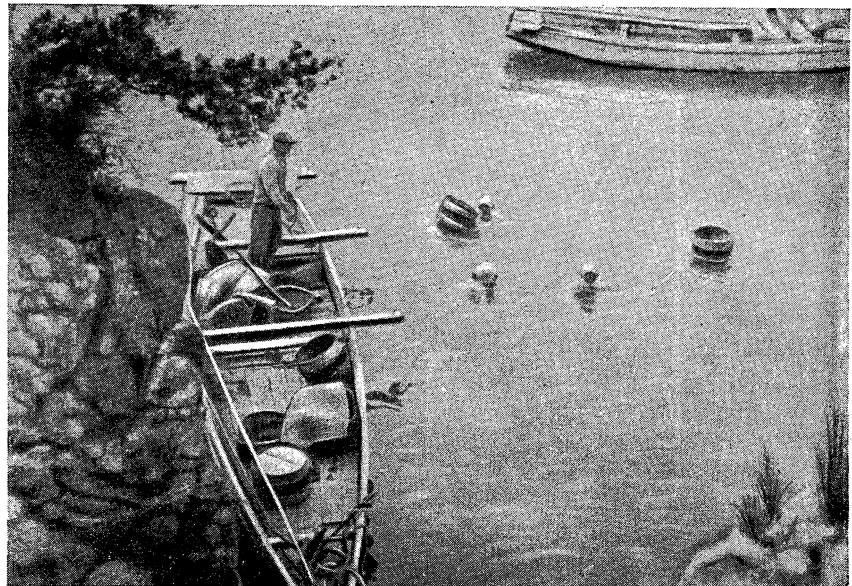
После двухлетнего пребывания в воде корзины вытаскиваются. Раковины очищаются от водорослей, прилипших к ним, и вновь опускаются в воды залива.

По истечении еще пяти лет раковины, наконец, вынимают. В специальных помещениях из них осторожно извлекают жемчужины. Только около 4 процентов всех моллюсков дают жемчуг, и лишь 0,3 процента этого жемчуга по цвету и качеству не отличаются от естественного.

Из жемчуга компания изготавливает дорогостоящие украшения, пользующиеся особым спросом у европейских и американских миллионеров.

Дешевый труд ловцов и очень высокая стоимость жемчуга обеспечивают компании большие доходы. Компания, получая ежегодно миллионы иен прибыли от продажи жемчуга в Европе и Америке, нисколько не заботится об улучшении тяжелого положения рабочих, добывающих морских моллюсков. Эксплуатируемые компанией японские девушки, как и ловцы глубокой древности, без всяких приспособлений ныряют в воду за маленькими раковинками, чтобы этим тяжелым трудом заработать себе на чашку риса.

С. КУХАРЕНКО

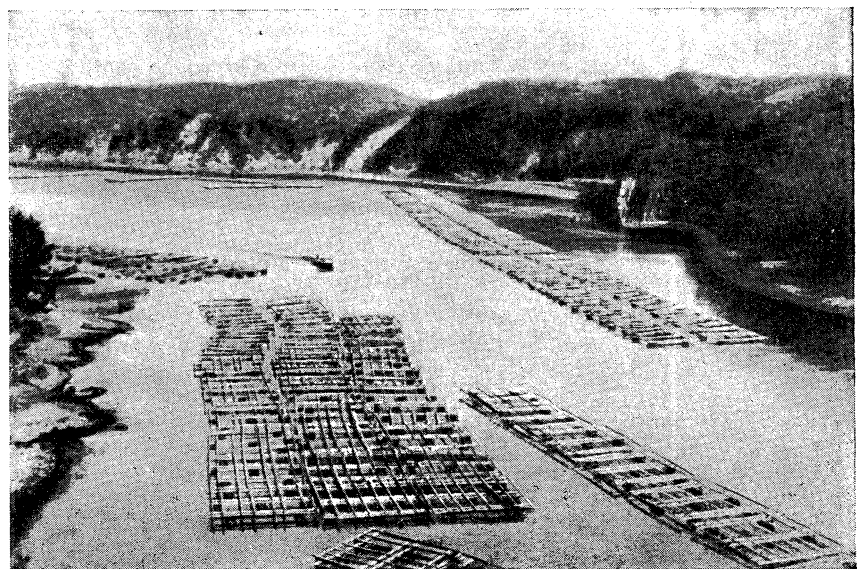

Ловцы по несколько раз в час опускаются на дно залива.

Рабочие погружают в воду металлические корзинки с раковинами.

Плоты, поддерживающие корзины с раковинами, издали напоминают огромные соты.

АКТИНИЯ

На дне морей и океанов, на небольшой глубине, недалеко от берега, нередко можно увидеть красные, розоватые, синие, иногда зеленые, довольно красивые на вид «цветы». Это, однако, не растения, а животные, известные под именем актиний. Встречаются они и на больших глубинах.

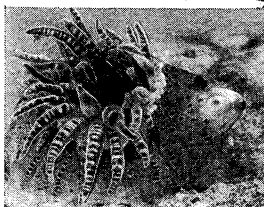
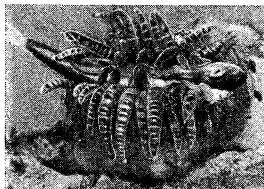
Животные эти, диаметром от нескольких миллиметров до одного метра, относятся к классу коралловых полипов. Они могут десятки лет жить на одной и той же подводной скале, точно к ней прикрепленные, хотя способны медленно ползать.

Актинии в большинстве питаются животной пищей — преимущественно небольшими рыбами, рачками, моллюсками. Немногие из них питаются и планктоном — мельчайшими обитателями морей и океанов.

Добычу свою актинии схватывают щупальцами, усаженными мелкими стрекательными нитями. В этом схватывании пищи участвует и глотка, которая может частично выворачиваться через рот наружу и обволакивать добычу. Добыча быстро всасывается.

На приводимых нами снимках запечатлены последовательно три момента «охоты» на рыбу одного из видов актиний,

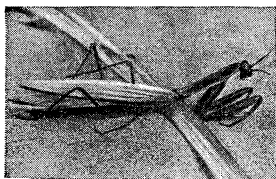
водящихся в Средиземном море. Видно, как щупальцы похожего на цветок хищника посте-

пенно захватывают рыбку, как он поглощает добычу и, наконец, выбрасывает ее остатки — голову и кости.

БОГОМОЛ

Довольно обширное семейство полустрекоз, полужукичников, известное под именем «богомол», принадлежит к числу наиболее жестоких хищников мира насекомых. Богомолы распространены почти во всех

странах с умеренным и теплым климатом. В Северной и Экваториальной Африке, на островах Индонезии, в Южной Америке водятся наиболее крупные разновидности этих насекомых — 7—8 сантиметров в длину.

Богомолы имеют защитную окраску и мало за-

метны поэтому среди окружающих предметов. Например, африканского богомола зеленого цвета трудно различить на фоне листьев.

Благодаря подвижной шее насекомое может поворачивать голову во все стороны. В спокойном состоянии передние лапки богомола, которые вместе с сильными челюстями служат главным его оружием, прижаты к груди. В этой позе он напоминает млящегося человека.

При появлении добычи богомол быстро выбрасывает вперед передние лапки, снабженные с внутренней стороны двумя рядами острых зубцов. На конце лапок, кроме этого, имеется еще острый крючок.

Питается богомол различными насекомыми, а более крупные виды его нападают и на мелких лягушек, ящериц и даже птичек.

Гнезда богомола имеют форму выпуклого древесного листа. Эти светложелтые, шелковистые коконы, оболочку которых богомол делает из выделяемой им липкой жидкости, взбиваемой лапками в пену, он укрепляет на ветвях деревьев. Маленькие хищники выходят из гнезд в июне месяце.

На снимке: богомол, поджидающий добычу.

ТРАВЯНОЕ ДЕРЕВО

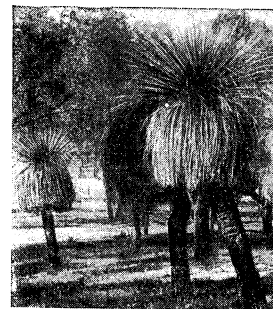
В сухих саваннах Австралии часто попадаются деревья (относящиеся к семейству лилейных), кроны которых похожи на пучки травы. Они придают местности своеобразный характер.

Некоторые деревья достигают 9—12 метров, но обычно это дерево имеет небольшую высоту.

Прямой ствол заканчивается густым пучком узких и грубых листьев, напоминающих по внешнему виду листья злаков. Во время цветения «травяного дерева» из кроны его поднимаются бесчисленные цветы, собранные в виде длинного початкообразного соцветия.

Из стволов некоторых представителей «травяного дерева» добывают смолу, которая находит применение в промыш-

ленности, в частности при изготовлении лаков. Ежегодно из Австралии вывозится несколько тысяч тонн этой смолы.

КЛИНОХВОСТЫЙ ОРЕЛ

Только в лесах и саваннах Австралии и на острове Тасмания можно встретить интересного представителя из семейства соколиных — клинохвостого орла. Размах крыльев австралийского орла достигает порой 3 метров. Окраска перьев — от красновато-коричневой до черной.

Эта хищная птица питается молодыми кенгуру, крупными птицами, таками, как дрофа. Нападает она и на домашних животных, в частности на овец.

Однако клинохвостый орел приносит и некоторую пользу: он уничто-

жает кроликов. Известно, что завезенные в Австралию в середине прошлого столетия кролики размножились здесь в огромных количествах и стали подлинным бичом сельского хозяйства. Кролики не только истребляют посевы и повреждают сады, но пожирают и прочую растительность. Почва оголяется, и это приводит к развитию процессов эрозии. На борьбу с кроликами в Австралии ежегодно затрачиваются огромные средства, но каких-либо существенных результатов так и не достигнуто.

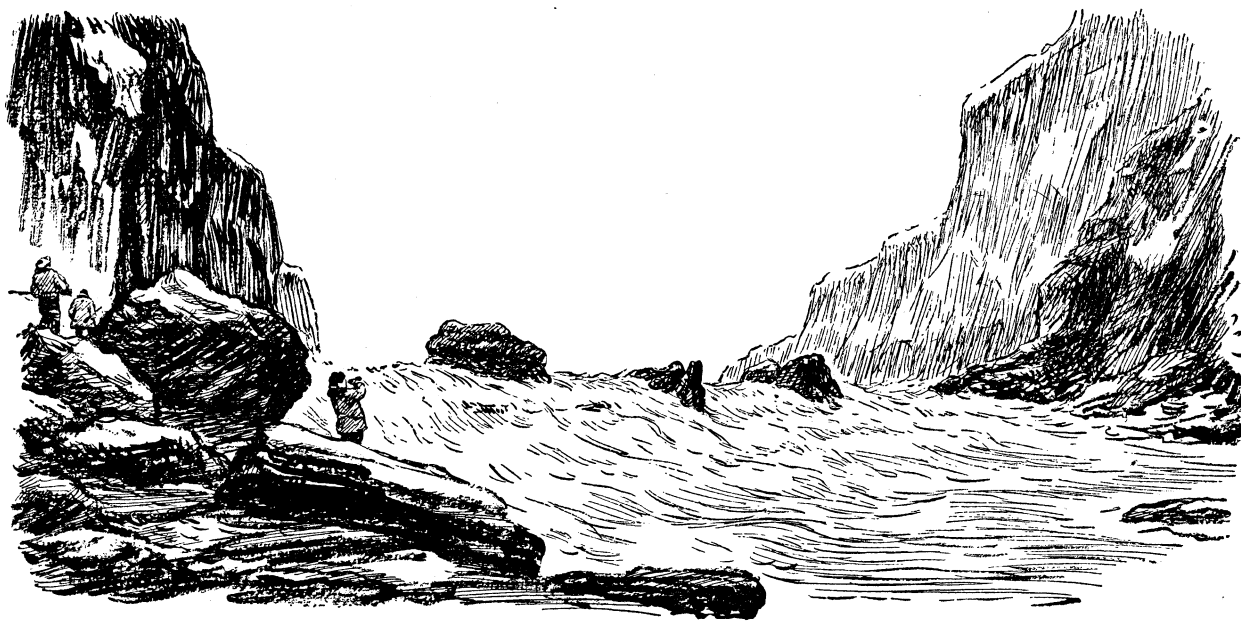
СОЦВЕТИЕ-ГИГАНТ

Во влажных тропических лесах Цейлона растет высокая стройная пальма, называемая зонтичной или веерной. Ее гладкий белый ствол увенчан пышной кроной из громадных листьев. Пальма цветет один раз в жизни. В это время у нее развивается на верхушке огромное ветвистое соцветие, состоящее из бесчисленного количества мелких бледножелтых цветов. Это самое крупное соцветие, встречающееся в природе. Оно достигает 12—14 метров в высоту.

После цветения образуются плоды величинной с черешню, содержащие очень твердые косточки. Сама же пальма после созревания плодов засыхает. Местное население острова из косточек пальмы изготавливает бусы и пуговицы.

Из мягкой сердцевины пальмы готовят крахмал, саго, пальмовое вино. Молодые листья жители острова употребляют в пищу, называя их пальмовой капустой, а из старых изготавливают цыновки и шляпы, а также покрывают ими хижины.

ПО РЕКЕ ТАЙН

Л. ПЛАТОВ

Рис. П. Кузьмичева

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Утром я проснулся от холодных капель, которые падали мне на лицо. Погода переменялась к худшему. Небо было в тучах, накапливал дождь.

Река Тайн стала сразу хмурой, неприветливой. Прибрежный гальник дрожал дрожал — как от озноба.

После неудачи на Отмели Потерянного Письма настроение у нас было неважное. Один лишь Бульчу попрежнему был бодр и весел, как воробей. То и дело он узнавал ориентиры на берегу.

— Посмотри, — говорил он, указывая веслом. — Вон берег обвалился. Красная глина, как открытая пасть. А сейчас скала будет — «Сидящая Сова». Очень похожа на сову...

Это была память не горожанина, знающего, что при малейшем затруднении можно спросить дорогу у милиционера, нет, — цепкая память охотника, который даже не пользуется компасом, потому что привык доверять своим обостренным зрению и слуху.

Вдобавок, живое воображение, свойственное людям, близким к природе, помогало Бульчу выискивать приметы там, где не

всякий смог бы их найти. На мой взгляд, например, у скалы, мимо которой мы плыли, не было ничего общего с сидящей совой. Бульчу же много лет назад увидел это сходство и по нему узнал скалу.

— Теперь скоро, — сказал он, держась одной рукой за выступы камня, а другой поднимая весло. — Слышишь шум?

Я прислушался. Успокоительно ворковали струи воды под дном лодки. С плеском набегала на берег и откатывалась волна. Больше я не услышал ничего.

— Слышно очень хорошо, — сказал Бульчу, удивленно посмотрев на меня. Он надул щеки. — Вот так: гу-у, гу-у!..

Но только через час или полтора я, Лиза и Савчук услышали нечто, напоминавшее раскаты грома.

Чем выше поднимались мы по Реке Тайн, тем грохот становился сильнее и тем чаще Бульчу оборачивался ко мне, улыбаясь во все лицо.

Лодка обогнула каменистый островок, вышла на широкий плес, и мы увидели пороги впереди.

Мокрые, тускло отсвечивавшие камни торчали над водой, будто река ощерила злобную пасть.

К сожалению, у нас не было крыльев и мы не могли перелететь по воздуху через пороги. О том, чтобы проскочить их, не

чего было и думать. Промежутки между камнями были очень узкими. Пена устрашающе кипела там. Высоко взлетали брызги.

Бульчу осторожно подгрел к берегу.

Нужно было обойти препятствие по суше, волоком протаскивая лодку до чистой воды.

Мы вытащили ее на прибрежный песок. Лиза стала вынимать вещи, чтобы облегчить лодку, а мы с Бульчу отправились вдоль берега — разведать местность.

Один Савчук остался стоять у порогов. Его, очевидно, развлекали брызги пены, тончайшая водяная пыль, висевшая над камнями.

— Что его так заинтересовало? — недоумевающе спросил я Бульчу. Охотник пожал плечами.

Мы остановились, наблюдая издали за Савчуком. Он выпрямился, махнул рукой Лизе (голоса за ревом воды слышно не было). Лиза подбежала к нему, подала какую-то вещь. Ага, бинокль! Теперь они попеременно смотрели на пороги в бинокль, оживленно жестикулируя.

— Зовут! — взволнованно сказал Бульчу. — Вон — машут! Что-то нашли!

Он сорвался с места и побежал назад, скользя и оступаясь на мокрой траве. Я поспешил за ним, уже догадываясь о том, ка-

кой именно предмет увидели Савчук и Лиза.

— Где, где? — кричал Бульчу на бегу.

Лиза указывала на пороги.

Подбежав к ней и взглянув в ту сторону, я увидел верхушку ствола, застрявшего между двумя остроконечными камнями. Вода перехлестывала через них. Вокруг, бешено клубясь, вертелись завихрения пены. Но ствол виден был очень хорошо Мокрый, лоснящийся, лишенный веток! Двойник ствола, найденного на отмели!

— А сигнал бедствия? Есть на нем сигнал бедствия?

Вместо ответа Савчук сунул мне в руки бинокль.

Да, это был меченый ствол! Когда он высунулся из воды, я различил на нем три красных кружка, три черные точки и сноза три красных кружка.

— Ожидал увидеть его здесь... Надеялся, что он здесь, — бормотал Савчук, нетерпеливо отнимая у меня бинокль. — Среди деревьев, которые прорывались к океану, были ведь и неудачники. Один споткнулся об отмель, другой — вот он! — застрял между камнями!..

— Может, тоже пустышка? — прервала его Лиза. — Есть ли в нем письмо? Цело оно?

Мы с беспокойством переглянулись.

— Вот что, — сказал я. — Мы с Бульчу попробуем подойти на лодке.

— Нельзя... Перевернется!

— Не снизу, Бульчу. нет! Сверху!.. Вместе с течением.

— Нельзя! Разобьет о камни!

— Тогда вплавь...

Бульчу только сердито покосялся на меня.

Меченый ствол торчал из воды примерно на середине реки. Нас отделяло от него не более пятнадцати метров. Но все пространство от берега до берега представляло собой сплошной водоворот. Самый опытный пловец не сумел бы преодолеть эту опасную стремнину.

— А если обвязаться веревкой? Свободный конец держать на берегу? — нерешительно спросил я и замолчал. Новое решение пришло в голову.

— Не вплавь, а по камням! — сказал я. Савчук, Бульчу и Лиза удивленно смотрели на меня. — Конечно же, по камням!.. Есть у тебя длинный ремень, Бульчу?

Но старый охотник, поняв с полуслова, уже торопливо разматывал аркан, которым был опоясан под своим сокуем.

Подобные арканы, сплетенные обычно из четырех ремней, набрасывают на оленей, которых хотят отделить от стада.

Я попытался добросить аркан до одного из камней, между которыми зажало плавник. Аркан сорвался в воду. Я повторил попытку — опять неудачно. У Савчука тоже не получилось ничего. Он уступил место Бульчу.

— Юношей был, ловил оленей очень хорошо. Теперь все забыл, — говорил охотник с притворной скромностью, как говорят в таких случаях виртуозы своего дела. Он покружил в воздухе арканом, разминая мускулы.

— Нет, забыл. Не попаду, — повторил он.

В первый раз Бульчу действительно не попал. Петля соскользнула с мокрого камня, конец аркана плюхнулся в воду. Но, подтянув его обратно и дождавись, пока рассеется облако во-

дяной пыли, наш проводник снова примерился. Длинная черная змея пронеслась в воздухе, и Лиза захлопала в ладоши.

Петля туго затянулась на камне. Бульчу слегка отпустил аркан, и тот провис над порогами, покачиваясь, будто приглашая испытать надежность переправы.

— Очень хорошо, Бульчу, — похвалил я. — А свободный конец обвяжи вокруг этой прибрежной скалы. Да покрепче! Я буду держаться рукой за аркан.

Я поспешно разулся и в одних носках шагнул на ближайший к берегу скользкий камень. Савчук придержал меня за локоть.

— Нет, я, — сказал он.

— Почему? Это моя мысль!

— Я начальник экспедиции, — пояснил Савчук вежливо, но твердо. — Позволю себе применить власть!

Я посмотрел на Бульчу и Лизу, ища поддержки. Они молчали.

Уже стоя одной ногой на камне, Савчук обернулся и сказал извиняющимся тоном:

— Надо, видите ли, уметь обращаться со всеми этими секретными ящиками, тайниками в стволах и прочее. Никому не могу этого доверить. Даже вам!..

Бульчу обвязал его вторым ремнем вокруг талии. Савчук с осторожностью переступил на следующий камень. Он подвигался вперед очень медленно, одной рукой держась за аркан, другую отбросив в сторону, чтобы сохранить равновесие.

Со стороны, возможно, выглядело нелепо: толстый человек средних лет, в одних носках, осторожно идет по камням, балансируя, как канатоходец. Но мне,

Лизе и Бульчу это не казалось нелепым.

Прыгая с пятого камня на шестой, Савчук вдруг покачнулся, чуть было не упал, но выправился и пошел дальше.

— Страшно! Не могу смотреть, — сказала Лиза, закрывая глаза ладонью.

Аркан был туго натянут и вибрировал, как струна. Зато легкий ремень, которым опоясали Савчука, провисал свободно, встопорившись за ним по воде. Конец ремня крепко держали я и Бульчу. Это была страховка на случай несчастья.

Савчук уже приближался к меченому плавнику. Здесь некоторые камни были залиты водой, да и промежутки между ними были более широкими. Этнографу пришлось удвоить осторожность. Он пригнулся и обеими руками схватился за аркан. Грозно кипящая вода захлестывала его выше пояса.

Теперь наступил самый опасный момент. Савчук остановился. От меченого плавника отделилось его метра полтора. Надо было прыгать не раздумывая. Но Савчук замешкался.

Мне показалось, что он смотрит вниз, в белый клубящийся водоворот. Ну, теперь кончено! Закружится голова и...

— Прыгай! — заорал я. — Прыгай же, черт...

Мой возглас подействовал, как удар бича. Савчук прыгнул. Вероятно, он не рассчитал расстояния, потому что сорвался со скользкого камня и исчез под водой.

Лиза пронзительно вскрикнула. Но этнограф тотчас же вынырнул из завихрений пены и уце-

пился за камень. Мы с лихорадочной быстротой выбирали слабинку, подтягивая ремень к берегу.

Савчук ухитрился, однако, вскарабкаться на камень без нашей помощи. Он поднимался по нему медленно, цепляясь пальцами за каждый выступ, то и дело обрываясь и соскальзывая в воду. Наконец этнограф прочно утвердился на камне рядом с плавником.

Несколько минут он отдыхал. Потом, успокоительно помахав нам, нагнулся над стволом.

Он возился с ним очень долго. За брызгами пены не видно было, что делает Савчук, но мы знали, что он пытается приоткрыть тайник и извлечь оттуда письмо, если оно еще сохранилось.

Работать приходилось с величайшей осторожностью, чтобы не повредить драгоценный пергамент. Савчук каждую минуту мог опять сорваться в воду: он сидел, спорчившись на скользком камне, беспрестанно обдаваемом холодными брызгами.

Наверное, пальцы этнографа околоченили, — иногда он прерывал работу и, стараясь согреть руки, закладывал их подмышки.

Наблюдая за неуклюжей фигурой, которая то поплясывала, то исчезала за каскадом брызг и пены, я мысленно стыдил себя за то, что был несправедлив к Савчуку в Москве. Ведь я считал его сиднем, архивной крысой, кабинетным ученым. Вот он, «кабинетный ученый», работает, как грузчик, как водолаз, в кровь обдирая руки о камни, ежеминутно рискуя жизнью!

Да, нелегко доставался ему каждый новый, добытый для науки факт!

Так прошло, наверное, не менее десяти минут (некогда было взглянуть на часы). Но вот Савчук поднялся на камне во весь рост и, приложив руки рупором ко рту, что-то прокричал нам. Трудно было разобрать слова за шумом воды.

— Пустышка?.. Нет письма?.. Размокло письмо?.. — наперебой переспрашивали мы.

После неоднократных повторений нам удалось понять Савчука. Оказалось, что он не решается

открыть дверцу в стволе. Она наполовину затоплена. Если открыть ее, вода может проникнуть внутрь тайника и повредить письмо. Савчук предлагал вытащить плавник на берег.

По счастью, ствол, застрявший между камнями, сидел не очень крепко. Вскоре Савчуку удалось высвободить его из каменного капкана, и мы, со всеми предосторожностями, подтащили к берегу драгоценный трофей.

КТО ТАКИЕ «ДЕТИ СОЛНЦА»?

Никто не смотрел на меченый плавник. Мы стояли подле Савчука, который лежал на песке. Ловя воздух широко разинутым ртом.

Он перехватил мой встревоженный взгляд и попытался улыбнуться.

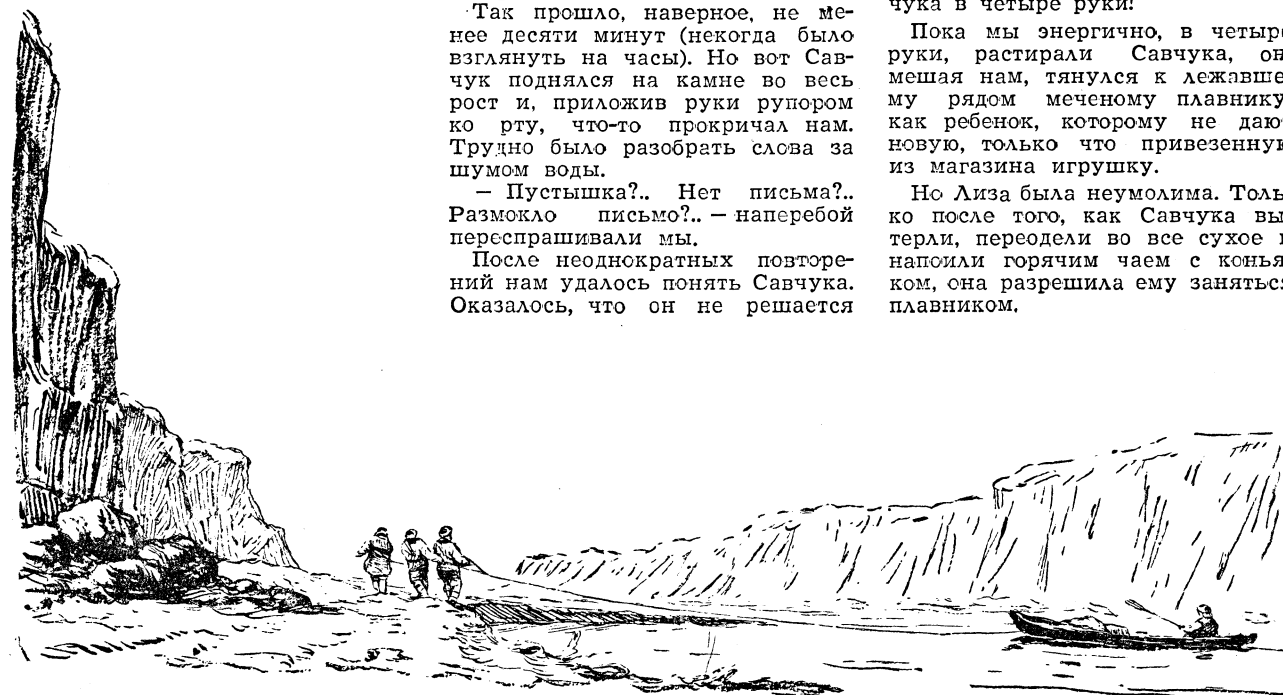
— Отяжелел, — сказал этнограф, переводя дух после каждого слова. — Брюхо отрастало... засиделся... в архивах...

— Будто оправдывается! — сердито закричала Лиза, дрожащими пальцами расстегивая его меховую куртку. Постепенно она приходила в себя после гережитого волнения. Об этом можно было догадаться по тому, как Лиза принялась командовать:

— Володя раздевайтесь! Я ухажу, буду готовить чай! Бульчу, вот спирт! Хорошенько разотрите Владимира Осиповича! Насухо, насухо! Чтобы кожа покраснела! И переодеться во все сухое! А ты чего стоишь? — накинута она на меня. — Собирай тальник разжигай костер!.. Или нет, пожди! Я сама разожгу костер. Помогите Бульчу. Растирайте Савчука в четыре руки!

Пока мы энергично, в четыре руки, растирали Савчука, он, мешая нам, тянулся к лежащему рядом меченому плавнику, как ребенок, которому не дают новую, только что привезенную из магазина игрушку.

Но Лиза была неумолима. Только после того, как Савчука вытерли, переодели во все сухое и напоили горячим чаем с коньяком, она разрешила ему заняться плавником.

С коротким стуком, похожим на выстрел, отскочила дверца, закрывавшая тайник в стволе.

Я подумал, что перед нами открывается окно в каменный век, маленькое квадратное оконце в том загадочном мире, который находится где-то в верховьях Реки Тайн.

Округлыми, уверенными движениями Савчук вынимал мох из отверстия в стволе. По временам он останавливался, осторожно ощупывал содержимое ствола и продолжал свою работу. Лиза, стоявшая рядом на коленях, коротко и быстро дышала. Ей, видно, хотелось поторопить его, но она не осмеливалась этого сделать.

И вот из ствола были извлечены, наконец, четырехугольники оленьей кожи, заботливо переложенные мхом. Они были почти сухими.

— Странно, — сказал я разочарованно. — Я помню почерк Петра Ариановича. Он писал угловато, размашисто. А здесь, гляди-те-ка, буквы лепятся одна к другой. Какая-то старомодная вязь!

— Ну, это понятно: он экономил пергамент, стараясь уместить на нем побольше текста.

Впрочем, некогда было раздумывать над этим.

— Есть дата, товарищи, — объявил Савчук прерывающимся голосом. — Письмо датировано тысяча девятьсот семнадцатым годом.

Он начал медленно читать, запинаясь, пропуская непонятные места, часто обращаясь к нам с Лизой за советом.

К сожалению, несмотря на тщательную закупорку, вода все же проникла внутрь «конверта», испортив некоторые куски текста. Кроме того, Петр Арианович очень скупо писал о себе, спеша прежде всего передать собранные им научные сведения. (Наука была для него на первом плане.) Поэтому многое из того, что касалось непосредственно Петра Ариановича, нам приходилось додумывать, дополнять своим воображением.

Не стоит обременять читателя всеми подробностями этой чертовски кропотливой работы. (Трудность ее поймут, пожалуй, только ученые, посвятившие себя изучению старинных рукописей.)

Достаточно сказать, что Савчуку удалось восстановить общий ход событий.

В горы Вьрранга на Таймыре Ветлугин попал после своего побега из ссылки — осенью 1916 года. Здесь он неожиданно очутился в удивительной, поросшей лесом, котловине среди людей, которые называли себя «детьми солнца» и жили в пещерах. За долгую зиму Петр Арианович изучил их язык. Выяснилось, что

обитатели гор никогда не спускаются в тундру, — это строгой-ше запрещено.

Все же географ начал готовиться к побегу, приурочив его к осеннему празднику Солнца...

Держа в руках кусок пергамента, Савчук с недоумением посмотрел на нас.

— Все, — сказал он. Не веря себе, еще раз заглянул в текст. — Да, все! Письмо обрывается на этом...

— Не может быть!

— Как?.. И подписи нет?

— Ничего нет. Смотрите сами!

Но оказалось, что он ошибся. Был внутри плавника еще маленький четырехугольник, не замеченный нами ранее.

На нем торопливо нацарапано было несколько отрывистых фраз: «Побег не удался. Они сумели перехватить меня. Сам виноват. Раздразнил шаманку. Завтра — поединок с Ныртой. Спешу отослать это письмо. Буду жив, напишу еще...»

И в конце — коротенькая приписка:

«Постараюсь выжить! Выживу!.. П. Ветлугин».

— Выживу! — в раздумье повторил я, беря из рук Савчука пергамент и вчитываясь в полустершиеся слова. — Выжил ли он?.. Когда отослано письмо, Владимир Осипович?

— На первом «листе» есть дата — «1917 год». Судя по событиям, отослано осенью тысяча девятьсот семнадцатого года.

— Почти четверть века прошло! — Лиза горестно всплеснула руками. — Какой срок, подумай Леша! Какой огромный срок!

— Уверю вас, — поспешно сказал Савчук, видимо желая ее утешить, — для историка это совершенно ничтожный промежуток времени, почти мгновенье...

— Многое могло произойти с Петром Ариановичем в это мгновенье, — пробормотал я, щурясь на догорающие угли костра.

Савчук принялся подкладывать пучки тальника в костер.

— Слышали ли вы когда-нибудь о маятах? — спросил он, деликатно меняя тему.

— Нет. Кто это — маяты?

— Еще в тундре, расспрашивая стариков, я обнаружил пять вариантов сказания о приходе нганасанов с северо-востока. Предков своих рассказчики называли маятами.

— Вы считаете, что маяты и «дети солнца» — одно и то же?

— Пока лишь гипотеза! Рабочая гипотеза, — оговорился этнограф. — Я ведь не специализировался на изучении нганасанов. Их изучали Долгих и Попов. Но кое-какие факты бросаются в глаза.

— А это имеет значение?

— О! Громадное значение! Как вы не понимаете? Мы (он поправился: «Ветлугин, потом мы») нашли на Таймыре поселение самых древних жителей Сибири, народ еще более древний, чем юкагиры.

Савчук зажмурился и покрутил головой, словно бы ослепленный таким открытием.

Бульчу, который с некоторого времени начал проявлять признаки беспокойства, встал и, взяв ружье, отошел к лодке.

— Находка леса за Полярным кругом, — заметил я, рассеянно посмотрев ему вслед, — имеет для науки, по моему, еще большее значение, чем ваши маяты. Ведь это...

Но взволнованный голос Бульчу прервал меня. Стоя у лодки, старик звал нас. Что-то случилось с лодкой!

Со всех ног мы кинулись к нему.

Наша лодка стояла, немного накренившись, развернувшись бортом к волне. Еще немного — и ее бы унесло течением. Но ведь я мог поклясться, что сам перед чтением письма вытаскил ее до половины на берег. Не целиком, нет! Очень спешил, хотел поскорее приступить к чтению. Сейчас лодка сползла в воду не менее чем на две трети своего корпуса.

Никаких следов — ни человека, ни медведя — подле нее не было. Правда, берег был каменистый, очень твердый.

Я бросился к аккумуляторам. Они были сухи. Не пострадала и рация, завернутая в клеенку.

Мы с Савчуком вынесли их на берег и бережно установили возле костра.

Тем временем Бульчу и Лиза, подтянув лодку, осматривали ее. Оказалось, что в носовой части днища есть несколько пробоин. Их сделали каким-то острым оружием, — быть может, кинжалом или копьем!

Мы поднялись с колен и, стоя у перевернутой лодки, из которой выливалась вода, молча переглянулись. Все было ясно без слов: это сделали лазутчики «детей солнца»!

Но как им удалось остаться незамеченными? Ведь лодка находилась чуть ниже порогов, в каких-нибудь двадцати-тридцати шагах от лагеря. Она все время была на виду, — нам и в голову не могло прийти, что возле нее надо выставить часового!

Вероятно, «дети солнца» подобрались к лодке зарослями тальника. Бульчу считал, что сначала они хотели просто стащить лодку с берега, то-есть собирались повторить то, что уже сделали с первой лодкой несколько дней назад. Однако у них возник потом более коварный план: продырявить лодку, чтобы она затонула посреди реки, когда мы возобновим путешествие.

Бульчу был пристыжен. Присев на корточки возле перевернутой лодки, он безудачно ругал себя и даже — в наказание за глупость — бил по щекам.

— И мы остались в дураках, Бульчу, — сказал я, чтобы его успокоить.

— Вам ничего, вам можно, — ответил он со свойственной ему простодушной откровенностью. — Ведь вы городские люди. А городские люди в тундре всегда дураки...

Лиза не удержалась от нервного смешка.

Однако что помешало «детям солнца» напасть на нас, забросать нас копьями, обрушить на наш лагерь ливень стрел?.. Рука была занесена, поднята для удара. Почему же она не опустилась?

Повидимому, таков был приказ. Лазутчики «детей солнца» должны были задержать нас, запугать, заставить вернуться! Но приказа убить не было.

Это все-таки было утешительно. В нашем положении приходилось довольствоваться даже таким скромным утешением...

ВЕСТЬ ИЗ ДУДИНКИ

Мы принялись торопливо исправлять урон, причиненный нам «детьми солнца».

Мой опыт моряка пригодился. Дыры в днище заклинили, законопатили, забили мхом, потом спустили лодку на воду, чтобы она как следует намокла. Теперь мы уже не отходили от нее ни на шаг.

Все это задержало нас у порогов на полтора дня.

От неумолчного шума воды, хлопотавшей между камнями, разболелась голова. Река Тайн с ревом, визгом неслась мимо. Лишь прорвавшись через пороги, она умолкала и успокоенно разливалась широким плесом.

Я внимательно осмотрел в бинокль ее берега. И признака человека не было там!

Бульчу, стоявший со мной рядом, протянул руку за биноклем. Я передал охотнику бинокль и показал, как с ним обращаться. Но и Бульчу не увидел ничего. Если «дети солнца» лежали где-нибудь между скалами, то сумели совершенно слиться с ними. Загадочные тени, следовавшие за нами, вышли на мгновение из мрака и снова отступили туда, растворились в нем...

— Не боишься «детей солнца»? — поинтересовался я.

— А чего их бояться? — с неудовольствием ответил охотник. — Не духи они — люди! Одну лодку утнали, другую ножами проковыряли. Два раза обманули меня. Третий раз не обманут, нет!..

И он сердито стал укладывать вещи в лодку.

Бульчу был очень зол на «детей солнца». Они заделали самолюбие нашего проводника, самую чувствительную его струнку...

Мы возобновили путешествие.

Выше порогов река стала очень мелкой. Первое время мы с усилием отталкивались веслами, как шестами. Но лодка все чаще задевала песок и гальку на дне реки. Несколько десятков метров она буквально ползла «на брюхе».

— Стоп! — сказал я. — Этак недолго и днище пропороть! Вся наша работа — насмарку.

— Да, отплавались! — согласился Савчук. — Пойдем бечевой.

Решение было правильным. Мы вышли на берег и впряглись в лямки.

Трое из нас брели по берегу, таща лодку за собой, а четвертый сидел в ней и правил веслом. Мы чередовались через каждый час, — рулевой сменял одного из «бурлаков».

Иногда мелкие места так расширялись, что лодка с трудом проползала по самой середине русла, — едва-едва хватало бечевы. Потом река снова сужалась, скалы подступали вплотную к воде, а некоторые даже нависали над ней козырьком. Лодку приходилось тогда перегонять на веслах, двигаясь как бы узким скалистым коридором.

На привалах, совершенно обессиленные, мы валялись на землю, ели без всякой охоты и засыпали, как убитые. Лишь часовой с ружьем оставался бодрствовать.

Очень удручало то, что так медленно продвигаемся вперед. Идя бечевой, мы подвинулись за первый день на семь километров, за второй — на девять, за третий — всего на три с половиной километра.

«Дети солнца» ничем не выдавали своего присутствия. Быть может, они обогнали нас и сейчас спешили тайными тропами к оазису в горах, чтобы предупредить о нашем приближении?

Как-то вечером, на одном из привалов, я попросил у Савчука разрешения включить радио.

Употребляю выражение: включить. Оно такое житейски простое, привычное.

Представьте себе: в пустой комнате сидит человек. Ему взгрустнулось. Он устал. Быть может, им даже овладела тоска. В комнате очень тихо. Угрюмые тени притаились по углам. Сумерки.

И вот человек протягивает руку и включает радио.

Комнату тотчас же наполняют бодрые голоса, звуки музыки. Это жизнь вливается сюда, — полноводный шумный поток хлынул из репродуктора...

Мы были в положении такого человека.

Дважды в неделю в определенный час мы связывались с Москвой и Новотундринском. Но иногда — вот как сейчас — было мало этого.

Вспыхнули огни ламп, медленно разгораясь. Застрекотала морзянка, изредка прерываемая отвратительным скрипом, словно проводили гвоздем по стеклу. Потом возникла музыка. Из Киева передавали «Запорожца за Дунаем».

Мы немного послушали дуэт Одарки и Караса. Потом я нашел Свердловск. Академик Бардин читал по радио лекцию о развитии уральской металлургии. Из Лисичанска в Донбассе сообщали о строительстве шахты подземной газификации, — уголь должен был стогать вниз в огненном забое, а газ подаваться наверх в газоприемники. На Кубани уже заканчивали уборку хлеба. К элеваторам тронулись первые красные обозы.

Советский Союз жил, дышал, работал, пел по ту сторону освещенного четырехугольника. И это было очень хорошо. Это радовало и успокаивало.

Потом, склонившись к приемнику, я пустился в далекое плавание — по радиоволнам заграничных станций.

То было тревожное плавание. Июль 1940 года громычал в Западной Европе не летними грозами, а орудийной пальбой. Штурмовики со свастикой низко неслись над полями Франции, — тень падала от них на тяжелые танки, ползущие следом.

Все чаще стали врывать в уши хвастливые голоса гитлеровских радиокомментаторов.

— Заткни ты им глотки! — приказала Лиза.

Я чуть повернул верньер, и крикливые голоса исчезли. Мне удалось поймать Тарту (древний русский город Юрьев в Эстонии).

Этим летом латышский, эстонский и литовский народы воссоединились с братским русским народом, от которого двадцать три года тому назад были оторваны буржуазными националистами.

Из Тарту передавали песни школьников. Тоненькие детские голоса зазвенели у нашего костра, как ломкие льдинки.

Лиза, Савчук и Бульчу заулыбались, придвинулись ближе к приемнику. Слышно было неважно. Мешали шорохи, свист, прерывистое потрескивание. Где-то поблизости была зона молчания. Быть может, это влияло на работу приемника.

Осторожно поворачивая верньер, чтобы отрегулировать звук, я подумал, что так и голос Петра Ариановича прорывается к нам: издали, сквозь шум, свист, помехи. Иногда его «слышно» сравнительно хорошо, но затем он пропадает опять и не отзывается, как ни ищи...

Наконец я поймал Москву. И почти сразу же наткнулся на сообщение о нашей экспедиции!

«...упорно продвигаясь вверх по Реке Тайн», — услышали мы. (Видимо, я «врезался» в середину передачи.)

— Громче, Леша! — заволновались Савчук и Лиза. — Еще громче! Еще!

Я впопыхах соскользнул с волны, снова взобрался на нее и обеими руками уцепился за гребень.

«Полагают, — размеренно читал диктор, — что научные результаты этой экспедиции выйдут далеко за пределы этнографии. По всему побережью Сибири любители-краеведы, среди которых много школьников, настойчиво ищут меченый плавник. Наш корреспондент с острова Диксон

сообщает, что на-днях там найден ствол дерева, на котором осталась метка: три точки, три тире, три точки. К сожалению, дерево, судя по его внешнему виду, носилось по морю в течение долгого времени и было сильно помято льдинами. Если внутри ствола и находилось когда-то письмо, впоследствии оно безвозвратно погибло. Более удачным был охотничий трофей спортсмена-охотников города Дудинки. Им удалось подбить «закольцованного» гуся. На снятом с его лапки квадрате оленьей кожи сумели разобрать только дату — «1929 год» и шесть слов: «нестерпимым», «ожидая много лет», «...земным пожаром». Специалисты продолжают расшифровку остальной части текста».

Диктор замолчал. После короткой паузы женский голос стал рассказывать о новом способе обточки деталей на токарном станке.

Повидимому, это были «Новости науки и техники», передававшиеся раз в неделю.

— Земным пожаром? — повторил я, с изумлением глядя на Лизу, Савчука и Бульчу. — Что это могло бы значить?.. Земным?

— А остальные слова понял? — спросила Лиза.

— Понять нетрудно, — поспешно ответил Савчук, смотря себе под ноги. Слушая передачу, он успел записать на земле прутиком: «нестерпимым», «ожидая много лет», «...земным пожаром».

— Велугин сообщает, что положение его становится нестерпимым, — продолжал этнограф. — Затем жалуется на то, что ожидает помощи уже много лет... Но последние два слова, признаюсь, непонятны.

— Вы правильно записали их, — заметила Лиза, не отрывая взгляда от слов на земле. — С многоточием впереди. Так и должно быть. Первое слово — усеченное.

— Как это — усеченное?

— Следует читать: «подземным пожаром».

— Подземным?.. Что значит подземным?

— Ах, да подождите вы с этим! — персбил Савчук. — Главное — дата! Понимаете ли, не семнадцатый, а двадцать девятый год! Петр Арианович был жив в двадцать девятом году!

— Да, да, замечательно! Молодцы дудинцы! Как кстаи попал под выстрел этот гусь!

Мы долго еще возбужденно обсуждали новость у костра. Подумать только: Петр Арианович был жив в 1929 году, то-есть одиннадцать лет назад! По сравнению с двадцатью тремя годами это казалось нам совсем маленьким сроком.

Получалось, что мы приближаемся к отважному учителю географии не только в пространстве, но и во времени.

— Спать будем только четыре часа, — объявила Лиза, перегирая посуду. — Ужасно много времени трагит на сон!

Но после ужина она повалилась ничком на землю у костра и проспала в этом полсжении, не шевельнувшись, шесть часов. Она проспала бы и больше, если бы Савчук, который нес вахту, скрепя сердце не разбудил ее.

РАМКА БЕЗ КАРТИНЫ

А утром, приступив к сборам, мы хватились ружей.

Ружье Савчука было с ним, потому что он охранял лагерь. Бульчу вообще не расставался со своей старой двустволкой, даже спал в обнимку с ней. Но маленького винчестера Лизы и моей тульской централки на месте не оказалось.

Я посмотрел на землю, ожидая увидеть следы медведя. Уж я-то знал теперь, какие медведи бродят вокруг нашего лагеря!

Следов медведя видно не было. Зато темная сырая земля подле костра была вдоль и поперек затоптана болотными сапожниками Савчука (он носил сорок пятый номер).

— Зачем бежали взад и вперед? — спросила я сердито. — Небось, все обдумывали гипотезу о маятах?

Савчук виновато вздохнул.

— А вы не отлучались от костра? — насторожилась Лиза.

— Да что вы, Лизочка!.. Хотя... Я только подтащил лодку повыше, боялся, что течение снесет ее...

— Ну вот! На минуту отлучились, на секунду отвернулись! А много ли надо этим «детям солнца»?..

Мы с надеждой посмотрели на Бульчу, который пока не сказал еще ни слова. Он озабоченно кружил подле костра, поднимая то камешек, то веточку, вглядываясь в них, потом с неудовольствием отбрасывал.

Вдруг лицо его просветлело. Он показал нам несколько желтовато-грязных волосков.

— Песцы! — Охотник удовлетворенно кивнул. — Так я и думал!

— Не может быть! Как? Лазутчики обулись в лапы песцов?!

— Не лазутчики, — с раздражением ответил Бульчу, которого выводила из себя наша непонятливость. — Настоящие песцы! Ружья утащили песцы!

Мы изумленно переглянулись.

Оказывается, кроме ружей, исчезли еще и лепешки, испеченные Лизой накануне, а также остатки гуся.

Охотник уверенно повел нас между камнями, поросшими мхом.

Теперь мы уж и сами видели, что ружья волокли именно здесь, но никак не могли взять в толк, зачем они понадобились песцам. Бульчу не удостоивал нас сбъяснения.

Загадка разъяснилась примерно в пятидесяти метрах от лагеря. В зарослях стланика лежали моя централка и винчестер Лизы. Ремней на них не было.

Лиза ахнула.

— Где же ремни?

— В брюхе песцов, где же еще! — Я сердито засмеялся. — Смотрите-ка, товарищи... Да они голодны, как черти из ада! Даже деревянные лежа изгрызены! Вот это обжоры!..

— М-да, неприятный симптом! — Савчук рассеянно поглядел на ружье без ремня и передал Бульчу. — Очень неприятный симптом!

— Что вы хотите этим сказать?

— Бульчу утверждает, что мы в двух-трех переходах от оазиса... Не оттуда ли эти песцы, голодные, как черти?

Он озабоченно покрутил головой.

Вдруг Бульчу с выражением беспокойства указал на небо.

— Пурга идет! — сказал он. Потом значительно прибавил: — Темная пурга!

В свое время я наблюдал снежные заряды на Баренцовом море. Внезапно — летом и при ярком солнце — налетало снежное облако, все вокруг затягивалось мутной пеленой, и ветер начинал яростно свистеть в реях. Несколько минут корабль находился внутри облака, где падал мокрый косой снег. Потом, также внезапно, мгла рассеивалась, корабль выскочивал на свет, блестящий от воды, будто вымытый, а заряд, уносимый ветром, сломя голову мчался дальше.

Ничто, по-моему, не предвещало снежного заряда в горах Бырранга. Солнце светило вовсю. Ветра не было.

Однако, опустив глаза, я увидел росомуху, которая, горбясь больше обычного, быстро пересекла узкую тропинку вдоль берега и юркнула в расщелину между скалами. Я обернулся к Бульчу, но охотник пригнулся, — над нашими головами раздалось оглушительное хлопанье крыльев. Пролетело множество птиц, целая свистящая и щебечущая туча, на мгновение заслонившая солнце. Все население этой части Бырранга искало спасения от пурги в долине реки.

Небо было попрежнему серо-голубым, но какое-то темное пятнышко поднималось из-за гор.

Мешкать было нельзя.

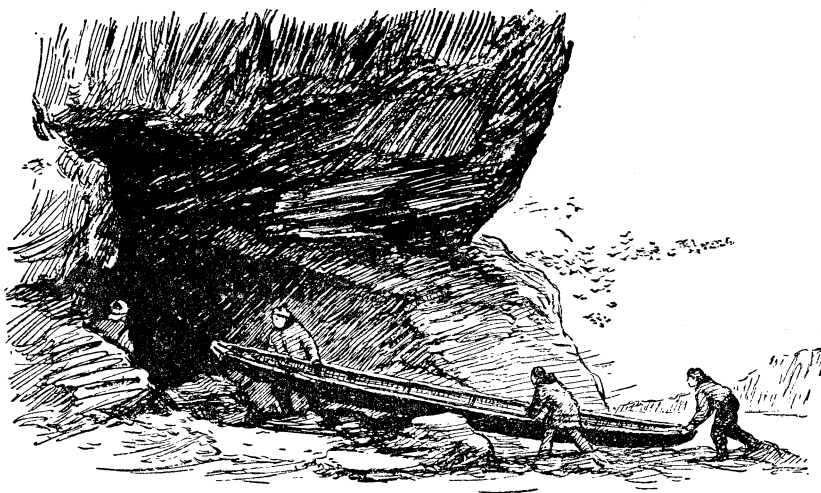
— Скорей в пещеру! — крикнул Савчук, увидев большое

углубление под нависшей скалой. — Туда — груз и лодку!

Я принялся развешивать брезент, чтобы укутать радио и аккумуляторы, как вдруг он вырвался из рук, птицей взлетел на воздух, мелькнул и исчез. Задул порывистый ветер. Стало очень холодно.

Пурга налетела с северо-востока. Ветер дул вдоль реки и гнал снег над ней, но небо было еще чистым. Под ногами завертелась поземка, словно встали на хвосты злыз змейки, раздраженные нашим появлением. Они росли на глазах, извиваясь, вертась, и вот уже заколыхались на берегу белые столбы, упираясь вершинами в самое небо.

Пурга шла стеной на нас. Мгновение — и свет померк! Очертания горных вершин, крутые волны на реке, тальник, который пугливо полег над водой, —

все скрылось в кружащемся море.

Неожиданное вторжение зимы в июле!

Долина реки была теперь, конечно, самым надежным убежищем. Тонны летящего снега проносились над высокими берегами. Пурга проходила поверху.

На открытом месте нам пришлось бы куда труднее. Сбившись в кучу, мы должны были бы лечь ничком, чтобы не задохнуться в снежном урагане. А сейчас, устроившись в пещере на тюках и тесно прижавшись друг к другу, чувствовали себя в относительной безопасности.

Если бы только не было так холодно!

Смотря на белый снежный полог, который вздувался и трепетал у входа в пещеру, я думал об оазисе.

Неужели там все так же бело? Нет, бело и черно! Воображе-

ние нарисовало передо мной картину псжарища («подземный пожар»): сугробы снега и торчащие из сугробов пеньки.

Мне представились сумрачные своды, согбенные фигуры, которые жмутся к потухающему костру, женщины в лохмотьях, укачивающие детей, старики со слезящимися глазами, устремленными вдаль...

Почему же они не уходят отсюда? Почему «дети солнца» добровольно замуровали себя в горах?

Я продолжал думать о «детях солнца» и после того, как пурга кончилась и мы, спустив лодку на воду, снова впряглись в лямки.

Пурга отнял у нас остаток сил. Усталость, накопившаяся постепенно на протяжении всего пути, как-то особенно дала себя знать именно в этот день. Мы

брели, вяло переставляя ноги, чаще, чем раньше, скользя и оступаясь на покатам каменистым берегу.

Ущелье было так глубоко, что мы видели отсюда не солнце, а лишь отблески его, розсватую кайму, лежавшую на снежных гребнях.

— Очень скоро дойдем! — сказал Бульчу. — Видишь: «Уши собаки»!

Он указал куда-то вверх.

Лиза с сомнением кашлянула.

— Нет, на моей карте есть «Уши собаки», — вступился я за Бульчу. — Еще в тундре с его слов я набросал кроки речной долины. До сих пор все сходилось. Значит, верно ведет.

— Да, я верно веду, — подтвердил проводник.

— А какой следующий ориентир за «Ушами собаки»?

Я заглянул в блокнот.

— Потом должна быть скала «Сцепились рогами».

Бульчу с достоинством кивнул. Мы миновали уже и скалу «Сцепились рогами» и скалу «Подползающий человек», но оазиса все не было.

Потемневшая река (дно ее стало не песчаным, а глинистым) медленно текла навстречу, повторяя прихотливые извивы ущелья. Волнение Бульчу достигло предела. Он уже не шел, а бежал вприпрыжку, натягивая лямку.

— Сейчас! Сейчас! — повторял Бульчу задыхаясь.

Мы обогнули высоченную, нависшую над берегом скалу.

— Привел! — восторженно

Впечатление было очень мрачным. Повидимому, конца-краю не было этому каменистому ущелью.

— Ты был тут, Бульчу? — с недоумением, даже с испугом спросил Савчук.

Бульчу молчал озираясь.

Да, он был тут, в этом не могло быть сомнений. Вот три «сторожевых» утеса похожие на чуфы, — о них говорил он нам еще в Новотундринске. Вот каменная осыпь, о которой он тоже говорил.

Держа перед собой раскрытый блокнот, где были нанесены кроки, я то опускал к ним глаза, то поднимал — сравнивал.

Голо, однообразно, уныло было вокруг. Те же серые утесы громоздились по склонам, тот же безотрадно-белый снег лежал на гребнях. Долина была похожа на пустую рамку, из которой вынули и выбросили прочь яркую, радостную и веселившую глаз картину...

Наш проводник прошел еще несколько шагов и опустился на землю.

Савчук помог снять Лизе лямку. Я попытался закурить, но долго не мог зажечь спичку. Все молчали.

Бульчу повернул к нам свое морщинистое лицо, по которому катились слезы.

— Видел это ущелье, видел, — сказал он задыхающимся голосом. — Я был здесь, и тогда оно было зеленым...

Он упал ничком на прибрежную гальку и обхватил голову руками.

Ошеломленные неудачей, мы озирались по сторонам. Не было ничего: ни зеленой травы, ни ягод шиповника, ни тенистых деревьев!

Печально и глухо плескалась у наших ног река.

Но ведь Петр Арианович описывал оазис «детей солнца» во всех его подробностях, и гораздо более красочно, чем Бульчу. И «письма из каменного века» обнаружены были в древесных «конвертах», в выдолбленных стволах берез.

Но здесь не росло никаких берез.

Куда же все подевалось? Куда ушли люди? Куда исчезли деревья?..

Снежное облако, зацепившись за острые зубья скал, вяло перевалило через хребет и поползло дальше, сея мокрые снежинки.

Мы с Савчуком присели на камень возле Бульчу, который продолжал лежать ничком.

Неприятная слабость была во всем теле.

Еще бы!

Отмахать без малого семьдесят километров по реке: то на весах, то идя бечевой. Не мудрено устать. Плечи онемели, колени дрожали от слабости.

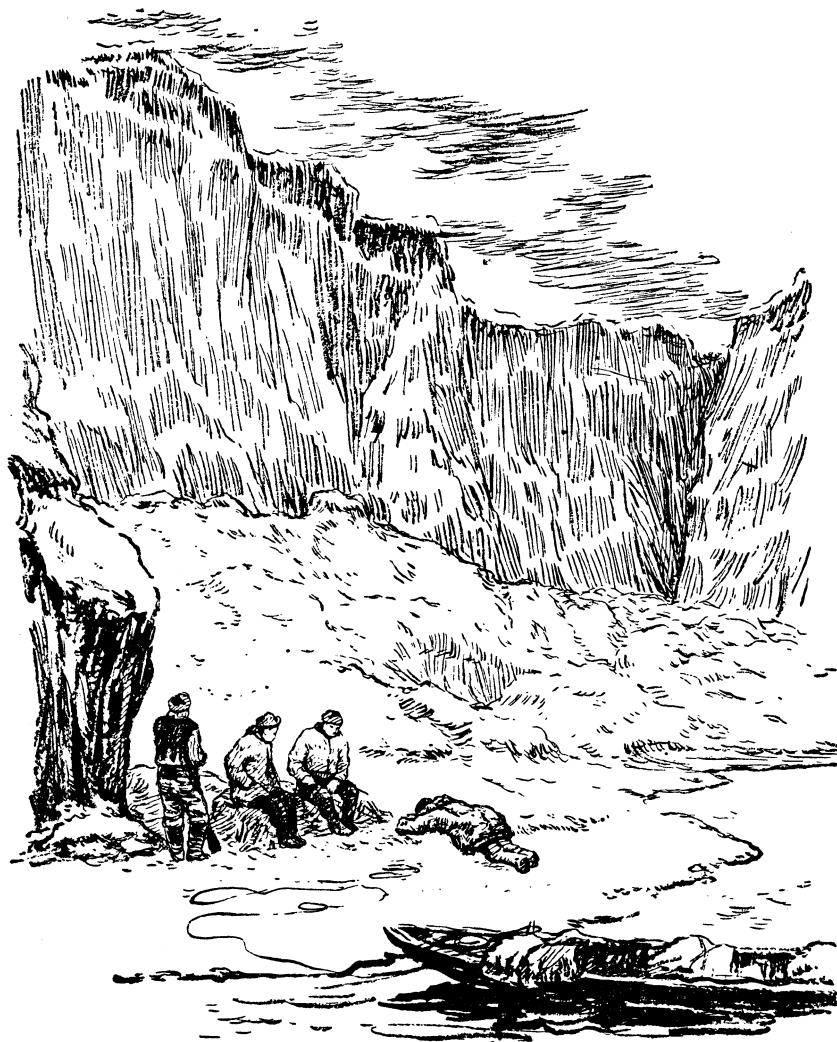
Э, чорт возьми! Все было бы ничего, все забылось бы мгновенно, лишь бы нашлась Страна Семи Трав, оазис «детей солнца»...

Мы не нашли его. Он исчез, словно бы провалился сквозь землю.

Но ведь все приметы Бульчу остались на месте. Черные и серые камни угрюмо громоздились вокруг: «Уши собаки», «Сцепились рогами», «Подползающий человек»...

Только оазиса не было здесь...

(Окончание следует)

вскрикнул Бульчу и выбросил вперед руку на бегу. — Смотрите!

Он осекся, будто споткнулся.

Перед нами были каменные голые склоны, ничем не отличавшиеся от тех, которые остались за спиной. Они поднимались широким амфитеатром к низко клубившимся над ущельем облакам.

Характер местности, изгиб реки, очертания хребтов и отдельных скал — все в точности совпадало с описаниями Бульчу. Долина не приснилась ему. Он был здесь, жил здесь

Но что же произошло?

Где мачтовые сосны, березы, лиственницы, пышная трава, цветы, кусты шиповника?

СРЕДИ КНИГ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ О ЯПОНИИ

Японские острова... Когда к ним подъезжаешь со стороны моря, открывается чудесная панорама. На горизонте горы — с мягкими контурами, покрытые зонтикообразной японской сосной. В цветущем кустарнике спрятался ажурный храм или изящные красного цвета ворота — «тории». Блестит спокойная гладь озера, по его берегу величественно шагает королевская цапля.

Красива и разнообразна природа островов, на две тысячи километров протянувшихся с северо-востока на юго-запад вдоль северо-восточного и восточного побережья Азии.

Автор только что вышедших в свет путевых заметок «Япония сегодня» А. Кожин¹ описывает свою поездку на самый северный из четырех главных островов Японии — Хоккайдо. «...На глазах, — пишет он, — менялась картина японской природы. Чем дальше на север, тем реже попадались ветвистые рощицы бамбуков. Потом они совсем исчезли, уступив место пихте, высоким соснам, тополям. Все чаще стали мелькать за окнами березы, правда не с такими белоснежными и стройными стволами, как у нас. Исчезла бархатистая зелень яровой пшеницы, посеянной, как по линейке, тесными рядками. Окраска зелени стала напоминать рыже-бурый цвет верблюжьей шерсти. Строже, суровее очертания гор. Сначала на их вершинах, а потом и в низине зарыблили сверкающие белизной пятна снега. У Сангарского пролива они слились в сплошной, плотный, почти не тронутый солнцем снежный покров. Еще четыре часа езды, и мы окончательно переносимся в обстановку суровой природы северной части Японии».

Японцы очень любят природу своей страны. Эта любовь нашла отражение в народных песнях, в живописи, в традиционных праздниках «ханами» (любование цветами). Автор книги хорошо описывает разнообразную природу центрального острова Японского архипелага, которая здесь неотделима от того, что создано терпеливым, упорным трудом японских земледельцев и рабочих: повсюду тщательно обработанные квадратики рисовых полей, миниатюрные промысловые рощицы бамбука, крохотные огороды с не-

пременной редькой «дайконом», столь любимой простыми японцами, и всюду цветы, цветы и цветы, которыми по праву так гордятся жители Японских островов «Прямая в долинах, извилистая на взгорьях дорога пересекает рисовые поля, чайные плантации, местами приближается к песчаным дюнам моря, а затем удаляется от него на юго-запад, давая возможность увидеть все многообразие природы центральной и южной частей острова Хонсю с его японскими альпами, мелководными, но стремительными реками (их русла кое-где ограждены огромными дамбами, построенными около 1 000 лет тому назад), с его пышной и по-весеннему сочной растительностью. Всю эту изумительную красоту природы можно увидеть при первых проблесках солнца, в полдень, в сумерках, когда смена ландшафтов дополняется сменой оттенков их окраски, когда голубоватая дымка тумана тает в дрожащих потоках нагретого воздуха, а потом опять застилает низины, из голубоватой превращаясь в светлопепельную. Пение цикад, пожалуй, единственные звуки, долетающие к нам из недр растительного царства. Его многочисленные и красивые пернатые обитатели не щебечут и не поют».

На Японских островах живет трудолюбивый народ. По количеству населения многие части этих островов (особенно северная часть Кюсю и центральная и восточная части Хонсю) могут поспорить с самыми густонаселенными районами Западной Европы. Всего на островах около 85 миллионов жителей, причем основная масса населения проживает на узкой полосе побережья островов Хонсю и Кюсю, в городах и в рыбацких поселках. Трудолюбие японского народа видно повсюду: в любовно обработанных рисовых полях-квадратиках, в чайных плантациях префектуры Сидзуока, в тутовых насаждениях шелководческих районов вокруг древней японской столицы Киото, в развитой сети шоссе и железных дорог, в многочисленных заводах и фабриках, трубы которых составляют существенную часть пейзажей таких городов, как Осака, Нагоя и многие другие.

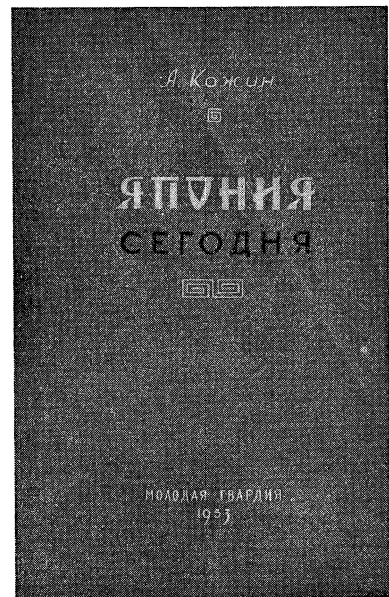
Особенно большое впечатление производят изделия японского народного искусства и произведения архитектуры.

«Нисидзин» — так называется один из разделов путевых заметок А. Кожина. «Нисидзин» — это название шелкового ткачества в Киото. Шелкоткачество — один из самых старинных промыслов Японии. Развитием шелковичных червей, уходом за туловыми деревьями и на шелкомотельных фабриках занято свыше 2 миллионов крестьянских семей. Япония издавна славилась производством изумительных по своему рисунку шелковых тканей.

«Справедливость требует сказать, — пишет А. Кожин, — что у японцев,

как и вообще у восточных народов, очень развито чувство красивого, гармонии цветов, оттенков, линий, отражающее живое, тонкое восприятие родной природы с ее обилием ярких, нежных и жизнерадостных красок.

Именно об этом думалось каждый раз, когда я, как зачарованный, разглядывал шелковые ткани, на которых то сверкали, переливаясь, россыпи изумруда и яхонта, то по-весеннему свежо зеленели крылатые ветви пальм и бамбука, чередуясь с ажурными очертаниями пагод, то в прозрачной синеве неба белели дымки облаков, чуть тронутые багрянцем заката, или в стремительных потоках дробились отражения снежных гор».

Столь же сильное впечатление производят на путешественника произведения японской архитектуры.

Япония — развитая индустриальная страна. В очень короткие для капиталистического государства сроки в Японии возникли вполне современные отрасли промышленности — судостроение, машиностроение, производство точных приборов и оптики, металлургия, химическая промышленность и другие. Все это было создано дешевле трудом японских рабочих, которые живут в условиях ужасной эксплуатации, нищеты и голода. Японский рабочий получает низкую заработную плату, пожалуй ниже, чем рабочие всех других капиталистических стран; его рабочий день достигает 12—14 часов, причем женщина-работница получает значительно меньшую зарплату, чем рабочий-мужчина; на японских фабриках и заводах применяется детский труд. Безработица — постоянный бич японского рабочего класса, причем безработные, как правило, не получают никакого пособия.

¹ Кожин А., Япония сегодня. Изд. во «Молодая гвардия», 1953 г., 199 стр., ц. 2 р 90 к.

Особенно тяжелы условия труда в кустарных мастерских и мелких и средних промышленных предприятиях, которых в Японии очень много. Они дают основную часть японской промышленной продукции.

Побывав в Киото, автор путевых заметок был потрясен, когда познакомился с условиями, в которых вырабатываются всемирно-известные произведения шелкоткацкого искусства. «Мы попадаем в одну из мастерских, освещенную тусклой этпыли и слабого накала электрической лампочкой. Взгляд сразу не разберется в хаотическом нагромождении деревянных жердей, металлических креплений, представляющих собой подобие высокого корабля. Он занимает почти все помещение, похожее на заброшенный глинобитный сарай. Перед нами два стоящих

«Рабочий день их не прекращается, — ответил тот. — Разве только тогда, когда сломается станок. Муж сменяет жену, мать сменяет сына, сын — отца, и так круглые сутки. Вьдь на пятки наступает голод».

В путевых записках А. Кожина описаны тяжелые условия жизни японских портовых рабочих, часами простаивающих у причала в надежде найти поденную работу по разгрузке парохода; художников, не могущих найти себе заработка, поскольку в их услугах никто не нуждается, и поэтому днями просяживающих на тротуарах в надежде найти случайного клиента-прохожего; крестьянина-арендатора, гнувшего спину на маленьком клочке помещичьей земли и еле-еле отрабатывающего то, что с него полагается в виде арендной платы, налогов и

военного разгрома капитулировала, то сейчас они навязали Японии кабальный сепаратный договор, так называемый «американо-японский пакт безопасности», являющийся не чем иным, как военным соглашением, и, вдобавок к нему, «административное соглашение», которым устанавливаются ничем не ограниченные права американских войск, расположенных на Японских островах. Правящие круги США превратили Японию, как это особенно ярко показала американская агрессия в Корее, в свой военный плацдарм на Дальнем Востоке. Они возрождают японский милитаризм, восстанавливают его вооруженные силы, с тем чтобы превратить их в основную ударную силу американской агрессии против стран континентальной Азии.

Тяжелая рука американских оккупантов в Японии чувствуется повсюду: в политике, в экономике и в культуре. От гнета американских монополий страдают японское сельское хозяйство и рыболовство, японская промышленность и внешняя торговля. Американские оккупанты топчут японскую национальную культуру, насаждая свою гангстерскую «цивилизацию», нашедшую наиболее яркое выражение в пошлых и растленных произведениях Голивуда, в «комиксах», прививающих подрастающему поколению психологию убийц и насильников.

А. Кожин очень хорошо передает это засилье оккупантов следующей сценкой. По улицам столицы Токио едут в автобусе провинциальные школьники. Их недоуменные взгляды всюду наталкиваются на следы национального позора. Автобус проезжает мимо лучшей токийской гостиницы «Тейкоку-отелю» («Империал-отель»). «У входа, — пишет автор, — расставив ноги, застыл, как статуи, — двое здоровенных американских полицейских. Длинные желтые кобуры, стальные шлемы с опущенными ремешками придают им воинственный вид.

— Это самый лучший отель столицы, — продолжает, переходя гид, — его постройка — произведение нашего национального искусства...

— Сенсей! — вдруг неожиданно для самого себя прерывает гида Ямаока. — А зачем тут эти...

— Понимаешь ли, мальчик, — жестковатым голосом отвечает гид, — отель этот занимают сейчас американцы.

— А почему?

Гид косится на учителя.

— А потому, что американцы, как говорится, наши союзники.

— А в Америке есть японские полицейские?

— Гм, зачем же? То-есть, конечно, нет».

В этом диалоге между гидом и маленьким японским школьником, как в капле воды, отразилось оскорбленное национальное чувство всех японцев, от мала до велика, кроме только тех, кто подобно представи-

«ПО ЗЕМЛЕ КАМЧАТСКОЙ»

Это было два столетия назад. По России путешествовали тогда первые экспедиции, снаряженные Академией наук. С одной из экспедиций отправился в дальний путь академический студент Степан Петрович Крашенинников, сын простого солдата.

Около четырех лет провел Крашенинников на земле Камчатской. За это время он хорошо изучил природу полуострова и жизнь народа ительменов.

Обо всем виденном Крашенинников рассказал в своей книге «Описание земли Камчатки», к которой до сих пор нередко обращаются ученые.

Страстным призывом звучат слова путешественника: «Знать свое отечество во всех его пределах, знать изобилие и недостатки каждого места...»

Лишь в наши дни осуществилась эта заветная мечта солдатского сына, современника и друга Ломоносова.

Созетские люди все глубже познают, все успешнее преобразуют природу на благо нашей Родины.

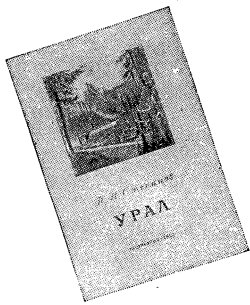
В очерке Н. Фрадкина «По земле Камчатской» (Детгиз, 1953) рассказывается о жизни и путешествии замечательного ученого, автора бессмертной книги «Описание земли Камчатки», которую в свое время тщательно изучал А. С. Пушкин.

рядом допотопных ткацких станка. Узкие просветы между ними и стенами — жилище ткача. Только у одной стены небольшая ниша с высоким настолом, как миниатюрная сцена. Тут на полустертых циновках метрах в трех от станка в беспорядке валялись ветхие пожитки — какая-то одежонка, все в заплатках одеяло, глиняная миска, а на ней деревянные палочки (семья ткача, наверное, недавно поужинала), плоская затасканная подушечка, какие используют японцы для сидения на полу. В нише, спиной к нам, сидела, поджав под себя ноги, женщина. Возле барахтался ребенок в одной рубашонке. Голова его клонилась к циновке. Должно быть, шум станков мешал ему заснуть». Выразительная картина! Она ярко рисует ту нещадную эксплуатацию, которой подвергаются японские ткачи.

Автор обратился с вопросом к инженеру, желая выяснить, сколько продолжается рабочий день ткача в таких нечеловеческих условиях.

всяких поборов. Именно на этой нещадной эксплуатации и воздвигнуто могущество таких японских монополий, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда. Эти монополии, составляющие группу «дзайбацу», и явились основными вдохновителями японской империалистической агрессии на азиатском континенте. На протяжении всех своих путевых заметок автор показывает эти особенно резкие в Японии социальные контрасты. С одной стороны — нищета, с другой — роскошь и богатство. Это бросается в глаза всюду — в городах и селах, на фабриках и заводах, в деревнях и рыбацких поселках.

Путевые заметки А. Кожина называются «Япония сегодня». А сегодня Япония находится в беде. Страна оккупирована войсками американских империалистов, которые распоряжаются в ней, как в своей собственной колонии. Если раньше оккупанты оправдывали свое пребывание в Японии тем, что она в результате

«УРАЛ»

«От холодных волн Карского моря до полупустынь Прикаспия протянулся Уральский хребет... Урал с примыкающими к нему Предуральем и Зауральем — это обширный край с необычайным разнообразием природы и хозяйства. Живописны его горы, покрытые густыми лесами; полноводны и быстры реки, обрамленные яркой зеленью берегов; широки просторы плодородных степей, а главное — неисчислимы богатства его недр», — такими словами открывается книжка географа П. Степанова «Урал», выпущенная Географизом в серии «По родной стране» (1953).

Наряду с характеристикой экономики Урала в целом автор показывает, что каждая область или автономная национальная республика, находящаяся в пределах Урала, имеет свое лицо, занимает свое особое место.

Небольшой очерк Степанова дает географическое описание Урала, знакомит с его историческим прошлым и показывает прекрасное настоящее.

телям правящей верхушки Японии, пляшущим под дудку заокеанских поработителей, давно уже перестал быть патриотом.

На каждом шагу чувствуется удушьяющий гнет чужеземных оккупантов. «Вместе с налоговым агентом над душой крестьянина стоит ростовщик и перекупщик. Все тянутся к тощим крестьянским закромам. К крестьянским наделам протягивают руки и американские оккупанты. Из-за того, что значительная часть земли захвачена для американских военных баз, сбор риса в Японии сократился более чем на 3 миллиона килограммов в год. Нелегко японскому крестьянству прокормить свою и американскую военщину. Усиливается обнищание деревни».

Автор приводит характерный разговор с рыбаком в приморской деревушке Аохори. «Вот, глядите, — сказал он (рыбак. — В. К.), не поднимая головы, — это остров Итихайхо, вот здесь, южнее, — остров Никай-

хо. Тут были самые рыбные места, рыба в залив входила. А теперь здесь сети против подводных лодок...»

В 1952 году американское командование установило между Корейским полуостровом и Японией так называемую «зону обороны». Японские газеты сообщали, что только от этого японская рыболовная промышленность понесла убыток, составляющий до 800 миллионов иен в год.

Конкуренция американских промышленных товаров душит мирные отрасли японской промышленности, американский запрет на торговлю с Китайской Народной Республикой наносит серьезнейший урон японской внешней торговле. Американские оккупанты, как паразиты, забрались во все поры японской жизни. «В Саппоро (город на острове Хоккайдо, который американское командование превращает в военный плацдарм. — В. К.) буквально нельзя

«КАЗАХСТАН»

Грирода Казахстана поражает своими контрастами. Здесь находятся крупнейшие озера — Аральское море и Балхаш, Сольские реки — Иртыш и Сыр-Дарья, и вместе с тем пространства в десятки тысяч квадратных километров, совершенно лишенные постоянных водоемов или водотоков. «В Казахстане, — рассказывает Н. Н. Пальгов в книге «Казахстан», изданной Географизом (Москва, 1953), — находятся самые глубокие безводные впадины в СССР, из которых впадина Карагие на полуострове Мангышлак лежит на 132 метра ниже уровня моря: наряду с этим в Казахстане есть и горные вершины, по высоте мало уступающие памирским...»

Книга Н. Н. Пальгова знакомит читателя с Казахской Советской Социалистической Республикой — страной, лежащей в глубине Европейско-Азиатского материка, на территории которой могли бы свободно разместиться многие государства Западной Европы. Автор дает характеристику поверхности и климата Казахстана, рек и озер, почвенного и растительного покрова, животного мира, а также полезных ископаемых.

Специальная глава посвящена тому, как советские люди осваивают обширные пространства Казахстана, используют богатства страны для всемерного развития народного хозяйства.

сделать шаг, чтобы не увидеть американских офицеров и солдат».

Грубое, развязное хозяйничание американских оккупантов в Японии оскорбляет национальное достоинство японского народа. Автор передает рассказ одного безработного художника: «Кстати замечу, когда наши рабочие говорят этим американским парням: «Убирайтесь домой!» — мне тоже кажется это вполне логичным. То, что они разгуливают по нашей Гиндзе (главная улица в Токио. — В. К.), как по своему Бродвею, — это одна из тех несообразностей, над которыми начинаешь все более задумываться. Они не хотят ничего замечать в нашей стране, кроме сакэ, гейш, песчаных пляжей и красивых пейзажей, пренебрежительно называют нас азиатками».

Но с каждым месяцем, с каждым днем растет в Японии движение за освобождение страны из-под гнета американских оккупантов, за независимую, миролюбивую, демократическую Японию. Это растущее сопротивление оккупантам со стороны японского народа А. Кожин показывает на протяжении всех своих путевых заметок и посвящает ему специальную главу под названием «Силы мира». Рассказав о забастовках, митингах, демонстрациях японских патриотов, борющихся против американского гнета и антинациональных планов японских правящих кругов, автор приходит к выводу:

«Тяжелым, тернистым путем идет японский народ навстречу своей заре, с непоколебимой верой в то, что его победа принесет стране освобождение от колониального рабства, независимость, свободу. Ничто не может уже больше остановить движение японского народа и других угнетенных народов Востока к этой их заветной цели, как ничто не может остановить бег ветра, когда он, все больше крепчая, охватывает огромные пространства водной стихии, сливается с ней в стремительных порывах звенящей, грозной, неуправляемой силы, рвет в клочья черную накипь туч, затмивших солнце».

Книга А. Кожина с удовлетворением будет прочитана советским читателем.

Читатель не только почерпнет в ней многие сведения о современной Японии, но и почувствует тот дух патриотизма, который все больше дает себя знать в борьбе японского народа против американского засилья в стране.

Путевые заметки «Япония сегодня», заслуживающие, несомненно, положительной оценки, имеют и некоторые недостатки. Жаль, что автор сравнительно мало включил в свое повествование познавательных моментов, которые обогатили бы его книгу и позволили читателю составить более полное впечатление о современной Японии, ее народе, быте и традициях, а также о природе Японских островов.

В. КУДРЯВЦЕВ

ПОДВИГ СЕДОВА

Остров Рудольфа. Далекая оледенелая земля, последняя земля в северной части земного шара. А дальше, почти на тысячу километров, застывший, скованный тяжелыми многолетними льдами океан.

В центре океана, в 920 километрах от острова Рудольфа, незримая условная точка — полюс Земли. На географической карте ее легко найти — в этой точке сходятся все меридианы. Определить же ее на месте значительно сложнее: здесь нужны глубокие знания астронома, штурмана. И еще более трудно и тяжело добраться до полюса.

Страшные, непроходимые льды с грядями гигантских торосов, бесчисленные разводья и полыньи, предательски замаскированные тонким молодым льдом, жгучие, как пламя, морозы, ужасающей силы ветры и мрак многомесячной полярной ночи — все это стояло на пути исследователей, отважившихся отправиться к Северному полюсу.

Но ничто, никакие преграды не могли остановить смелых и мужественных людей, стремившихся достичь самой северной точки земного шара.

Завоевать полюс, вырвать одну из волнующих тайн природы для человечества, водрузить на полюсе русский флаг было страстной и самой сокровенной мечтой одного из замечательнейших русских полярных исследователей — Георгия Яковлевича Седова.

Еще мальчиком, в приходской школе поселка Кривой Косы на берегу Азовского моря, подолгу всматривался будущий полярный путешественник в маленькую, ничем не приметную звездочку в созвездии Малой Медведицы. О ней учитель рассказывал удивительные вещи: он

говорил, что звезда эта одна неподвижно стоит на небе и весь остальной небесный свод вращается вокруг нее; что является она путеводной для всех моряков, которые по ней проверяют курс своего корабля; что далеко на севере, на полюсе, сияет она прямо над головой...

Полярная звезда. Вот и сейчас, стоя на обледенелой палубе вмерзшего в лед корабля «Святой Фока», Георгий Седов, начальник первой русской экспедиции на Северный полюс, сквозь заиндеветшие реи мачт увидел ее высоко в небе среди яркой россыпи созвездий.

Сколько радужных мечтаний и надежд было связано у него с этой путеводной звездой! Какой долгий и невероятно трудный путь пришлось пройти сыну трудового народа Георгию Седову, чтобы, наконец, увидеть свою путеводную звезду здесь, на пороге Ледовитого океана.

Завтра на рассвете в решающий поход, к полюсу!

Позади две тяжелые зимовки у берегов Новой Земли и на Земле Франца-Иосифа; долгие, тяжелые зимовки, которые вконец измотали силы людей и истощили запасы топлива, продуктов и снаряжения.

Разве с такими силами мечтал Седов идти на штурм Северного полюса? И думал ли он, что так трагично закончится его заветное путешествие.

В книге «Георгий Седов» художник Н. Пинегин¹, участник экспедиции и друг Седова, убедительно раскрывает перед читателями правду этой страшной трагедии, исход которой был предрешен не в суровых льдах Арктики, а в петербургских гостинных дворянско-помещичьей России.

Не грозные силы стихии оборвали героический путь мужественного русского человека, полярного исследователя-одиночки, не трудности похода, не ледяные морозы и неистовые пурги, не страшная болезнь цынга, а косность и мракобесие буржуазного общества царской России. В какие штыки был принят план Седова организовать поход на полюс! Царское правительство отказало в средствах, объявив план экспедиции к полюсу непродуманным. Поход Седова был организован на пожертвования частных лиц. Жертвовали в основном простые люди России — рабочие, солдаты, представители трудовой интеллигенции. «Пробегая газету потайно, как нижний чин, — писал в редакцию газеты «Новое время», объявившей о сборе средств на экспедицию Седова, один рядовой солдат, — я увлекаюсь борцом с северными ледовитыми горами... Не знаю, как назвать то чувство, которое испытывает каждый житель при мысли о том, что Амундсена собирает в экспедицию Норвегия с ее тремя миллионами жителей. Мне немножко завидно и больно. Стыдно говорить, что не имеется средств, когда нашелся отважный и опытный моряк, готовый пожертвовать собой ради славы отечества. Я считаю долгом пожертвовать свое двухмесячное жалованье (один рубль), лишая себя самого необходимого...»

Козни врагов отважного путешественника не прекращались до самого последнего дня. Н. Пинегин приводит в своей книге сведения о том, что за день до отплытия экспедиции из Архангельского порта на судно был наложен арест за долги. Чтобы выкупить его у кредитором-купцов, Седов должен был согласиться безвозмездно отдать все добытое экспедицией кучке авантюристов, именовавших себя «комитетом по организации экспедиции Седова на Северный полюс».

Наконец все позади. Окованный железом нос «Фоки» режет спокойную гладь Белого моря.

Сложившаяся тяжелая ледовая об-

¹ Н. Пинегин, Георгий Седов. Издательство Главсевморпути, 1953 г., 348 стр., ц. 7 р. 95 к.

«ДОРОГИЕ ГОСТИ»

«Дорогие гости» — это бобры, ондатры, черно-серебристые и платиновые лисы, ценные породы животных, широко расселяемые советским человеком в разных районах страны в интересах народного хозяйства.

В ряде полурассказов, получерков повествует об этой работе молодой сибирский писатель А. Устинович в своей книге, выпущенной Красноярским краевым издательством (1952). В первом из этих рассказов — «Дорогие гости», давшим заглавие всему сборнику, читатель

найдет довольно обширный познавательный материал о бобрах. Несколькими веками назад эти животные населяли в нашей стране обширные территории на пространстве от Черного моря до Тихого океана. Особенно много их было в Сибири. Но они хищнически истреблялись, и к началу этого века у нас оставались «буквально считанные единицы бобров. В Сибири же люди даже забыли, что здесь когда-то водился этот зверь». Сейчас бобры разводятся в питомниках в центральных областях Советского Союза, возвращаются они и в Сибирь и становятся уже привычными обитателями многих сибирских рек.

Таковыми же желанными гостями являются здесь и ондатры, уже заселившие обширные области в глубинах сибирской тайги, и черно-серебристые и платиновые лисы.

Рассказывает Н. Устинович в своей книге и о «зеленых кладах» сибирской тайги, о ее прекрасной природе и той большой работе по ее преобразованию, которая успешно ведется тут советским человеком.

становка в Баренцовом море не позволила экспедиции в этом же году пробиться к Земле Франца-Иосифа. Судно затерло льдами у западных берегов Новой Земли, где пришлось простоять почти целый год. Но это время не пропало даром: Седов и его спутники — В. Визе, ныне известный полярный исследователь, геолог М. Павлов, художник Н. Пинегин, автор книги, и другие провели огромные топографические и геологические работы по исследованию Новой Земли, регулярные метеорологические и гидрологические наблюдения, а сам Седов на упряжке собак дошел до мыса Желания и поставил там астрономический знак, существующий и поныне.

Большой ценности научные материалы по исследованию Новой Земли, полученные в результате этих работ, были отправлены Седовым на Большую землю. По свидетельству крупного полярного исследователя и знатока Арктики Ф. Нансена, уже одни эти материалы вполне окупали всю экспедицию; настолько велико было их научное значение.

Рассказ автора о последнем походе Седова на собачьих упряжках от бухты Тихой, места последней зимовки экспедиции, до острова Рудольфа по льдам и проливам архипелага Земли Франца-Иосифа и о смерти мужественного исследователя — ярчайшие страницы в книге. Они показывают борьбу непреклонного духа и железной воли смертельно больного человека, до последних минут своей жизни боровшегося за осуществление своей высокой идеи.

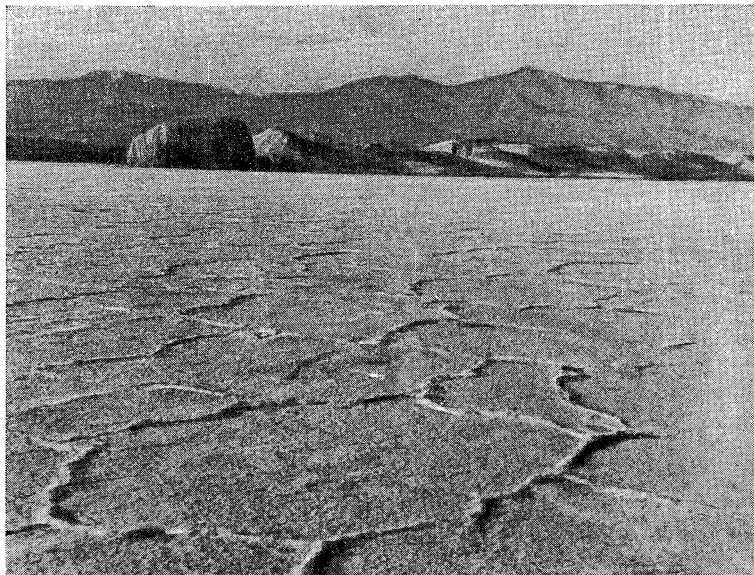
Седов не дошел до полюса. Смерть застала путешественника, измученного нравственно и физически, на льду пролива около острова Рудольфа. У подножья обрывистого берега этого острова верные спутники Седова — матросы Линник и Пустошный — похоронили своего начальника. Затем они с огромными трудностями добрались обратно до корабля экспедиции и принесли с собой последние дневники героя-полярника.

Но идея Седова не умерла с его смертью. То, о чем мечтал одиночка-исследователь Арктики Георгий Седов, ныне, в стране победившего социализма, превзойдено действительностью. Полярные станции, которые ведут научные работы по всему побережью Ледовитого океана, полеты через Северный полюс, научные исследования Центральной Арктики и Северного полюса, проведенные советскими учеными-полярниками, освоение Северного морского пути, бурное развитие городов и портов, возникших далеко за Полярным кругом, — вот настоящее Советской Арктики.

С глубоким восхищением и любовью относятся советские люди к Георгию Седову, первому русскому исследователю Центральной Арктики. Его жизнь и деятельность — яркий пример героического и беззаветного служения своему народу и науке.

В. АККУРАТОВ

ЧТО ИЗОБРАЖЕНО НА ЭТОМ СНИМКЕ?

Фотограф заснял этот необыкновенный пейзаж в знойный летний день среди живописных гор Средней Азии. Что изображено на этом снимке?

ЧТО ОБЩЕГО?

Якутск и Лиссабон. Какие разные представления вызывают у нас названия этих городов. Один из них лежит в зоне тайги, под 62° северной широты, далеко внутри материка. Второй город находится на 23° южнее, в субтропическом поясе, на берегу океана, точнее, в небольшой бухте.

С Якутском связано представление о жестоких морозах и глубоких снегах, а Лиссабон вызывает в нашем воображении тепло, солнце, бесконечную водную гладь.

И все же географ скажет, что оба города имеют одну и ту же климатическую особенность. Какую именно?

ДВА РАССТОЯНИЯ — ОДНА ВЕЛИЧИНА

Два приятеля москвича живут недалеко от станции метро. Дом одного находится примерно в 250 метрах к югу от нее, а дом другого — в 140 метрах к западу.

Однажды приятели пришли к выводу, что,

пользуясь мерой расстояния, принятой в географии, можно местоположение их домов по отношению к станции метро выразить одной и той же однозначной величиной.

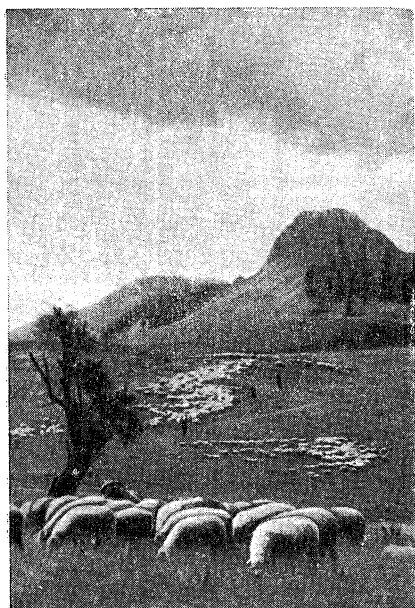
Что это за величина?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 1

1. Финский залив. Преобладающее направление течения у южных берегов — восточное, а у северных — западное.
2. А — Лена и Алдан; Б — Обь и Иртыш; В — Енисей и Ангара.
3. А — район Арктики; Б — район Антарктики. В Антарктике материковая отмель и материковый склон имеют большие углы падения, чем в Арктике.

ОПЫТНЫЙ ГЛАЗ

Чистая вода создает темное отражение на облаках, отличное от белесого отсвечивания льдов. Опытный глаз полярного мореплавателя замечает это отражение задолго до того, как сами разводы покажутся в пределах видимости.

На юго-востоке Албании среди горных массивов находится большая впадина. Дно ее занято равниной, которая имеет вид треугольника, вытянутого с севера на юг более чем на 30 километров.

Это равнина Корча. Она называется так по имени города Корча, одного из крупнейших в стране.

Со всех сторон обступили равнину горные склоны, покрытые в верхней части альпийскими лугами. Эти луга служат прекрасными пастбищами главным образом для овец и коз. Нередко здесь можно видеть и табуны лошадей.

На обложке этого номера: на горном пастбище близ Корчи. Цветное фото К. Ряшенцева.

ВОКРУГ СВЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1954 г.

Г. В. БОГОМОЛОВ — Полесье завтра	2
Я. МАКАРЕНКО — У подножья Судет	8
Н. МИХАЙЛОВ — От тундры до субтропиков	12
М. ВИКТОРОВ — В Восточной Бенгалии. Рис. В. Эльконина	20
ДАН АЛДЯ — В Сибиу	27
НАРОДНОЕ ИСКУССТВО УКРАИНЫ	30
В. ЗАЙЧИКОВ — В тысячелетней столице. Рис. П. Кирпичева	32
А. АВАКОВ, С. ШМЕЛЕВ — Дыхание океана	40
В. КУЧЕРЯВЕНКО — На озере Гусином	46
С. КУХАРЕНКО — В бухте Гокасско	48
Л. ПЛАТОВ — По Реке Тайн. Рис. П. Кузьмичева	51

СРЕДИ КНИГ

В. Кудрявцев — Путевые заметки о Японии	59
В. Аккуратов — Подвиг Седова	62

В МИРЕ НАУКИ

Полезный моллюск. — Железная береза	39
---	----

В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Пещеры. Бинлинсы. — Грязевые вулканы в Болгарии. — В Пекинском зоопарке	26
---	----

СТРАНЫ И НАРОДЫ

На землях племени турканов. — У подножья вулкана. — «Движущийся берег». — На склонах Шотландского нагорья	45
---	----

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Актиния. — Богомол. — Травяное дерево. — Клинохвостый орел. — Соцветие-гигант	50
---	----

Главный редактор В. С. Сапарин

Члены редакционной коллегии: В. А. Анучин, И. А. Витвер, И. В. Иноземцев, Э. М. Мурзаев, академик В. А. Обручев, А. И. Соловьев, О. И. Четветкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции: Москва, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 25

Рукописи не возвращаются

Художественный редактор В. Чернецов

Технический редактор Н. Михайловская

А01423 Подп. к печ. 29/1 1954 г. Бумага 60×92¹/₈=4,25 бум. л.=8,5 печ. л. 10,2 уч.-изд. л. Тираж 105 000 экз. Цена 6 р. Заказ 2831

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущевская, 21.

НАША ЛЕТОПИСЬ

«СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК» ФЕДОРА БАЙКОВА

В 1654 году, триста лет назад, из Тобольска в «Канбалык» (Пекин) выехало русское посольство во главе с сыном боярским Федором Байковым.

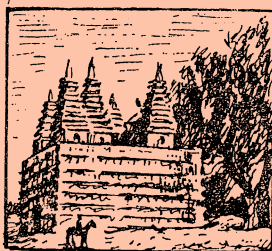
В свите Байкова находилось несколько «арапов» и индийский купец Бартый Матриев со своим кашеваром Тыляком. Кроме того, в посольстве участвовали тобольские бухарцы и татары. «Арапы» — скорее всего, арабские купцы, прибывшие в Россию с патриархом Антиохийским и всего Востока Макарием.

Путь русских послов пролегал по Иртышу, Джунгарии и пустыне Гоби. Первым китайским городом был Куку-хото (Гуйсуй), подробно описанный Байковым.

В китайской столице Федор Байков застал посольство голландской Ост-Индской компании.

Русские пробыли в «Канбалыке» шесть месяцев, и Федор Байков успел изучить Пекин. Описание города посол включил в свой «Статейный список», в котором приводились ценнейшие данные о Джунгарии, Монголии и Китае.

За этим списком усиленно охотились иноземцы, посещавшие Москву. Так, например, отчет Байкова в 1673 году попал в руки посла Бранденбургского дворца Иоахима Скультета.

В 1704 году некий Джон Черчилль в Лондоне включил «Статейный список» Ф. Байкова в свой «Сборник путешествий и странствований».

Д. Черчилль указал, что отчет о путешествии русского посольства в Пекин в 1654 году передал ему Иоахим Скультет.

А.П. ЧЕХОВ

В 1904 году, пятьдесят лет назад, на чужбине умер А. П. Чехов.

Творец «Степи» и «Вишневого сада» восхищался жизненным подвигом Н. М. Пржевальского и посвятил ему предрек годовую статью.

В 1890 году А. П. Чехов отправился на Сахалин. Писатель проехал всю Сибирь на лошадах. Он предрек огромное будущее берегам Енисея.

Прибыв в Николаевск-на-Амуре, Чехов отправился на пароходе «Байкал» к берегам Сахалина.

Высадившись в Александровском посту, писатель принял участие в переписи населения «Соколиного острова».

Чехов разыскивал старожилов и собирал сведения об исследовании Сахалина Бошняком, Поляковым, Супруненко, Мицулем.

В Корсаковском посту, на Южном Сахалине, писатель неутомимо исследовал жизнь местного населения, знакомился с сахалинскими краеведами, изучал историю возникновения поселений на острове и т. д. Возвратившись из путешествия, А. П. Чехов сблился с известным русским законоведом А. Ф. Кони и сообщил ему часть своих наблюдений. Это повлекло за собой отправку на Сахалин ученых юристов, обследовавших условия сахалинских каторжных тюрем.

Сибирские и сахалинские очерки А. П. Чехова помещались в периодической печати, а затем вышли отдельными изданиями.

Снорри, сын Стурлы

Семьсот семьдесят пять лет назад, в 1179 году, в Исландии родился Снорри, сын Стурлы.

Он был воином, поэтом, историком и верным сыном своего отечества. Снорри написал обширное сочинение «Круг земной», правила стихосложения для скальдов и составил сборник исландских песен и саг.

Снорри сложил саги об Олафе Святом и его сыне Магнусе, получивших приют на Руси. Олаф Святой мог рассказывать киевлянам и новгородцам о своих плаваниях к «Геркулесовым столпам», к меловым скалам Англии и берегам Голландии.

Снорри писал о Гаральде Смелом, сыне Сигурда, муже Елизаветы Ярославны. Гаральд, не раз посещавший Киев, Ладогу и Новгород, бывал в Африке, Италии, Сицилии и Византии. Около 1160 года он отправился к Северному полюсу, но его остановили льды.

Снорри Стурлузон приводил сведения о Ладоге и стране Биармаланд, в которой следует видеть двинский север.

Скальд Снорри, борец за независимость Исландии, погиб от руки врага в 1241 году.

В 1079 году, восемьсот семьдесят пять лет назад, в Византию был доставлен внук Ярослава Мудрого князь Олег Святославич, прозванный Гориславичем.

За несколько лет до этого недруги отняли у него Владимиро-Волынское княжество, лишили его прав на обладание Черниговом. Гориславич бежал в Тмутаракань (Тамань), где набрал войско для похода к Чернигову. В 1079 году наемные хазары, шедшие с Олегом, вероломно схватили его и увезли в Царьград.

Византийский император Никифор III отправил Олега на остров Родос, лежащий в Эгейском море близ берегов Малой Азии.

В Тмутаракань Олег Святославич вернулся в 1083 году. Олег десять лет правил Тмутараканской Русью. Вслед за этим он побывал в Муроме, Смоленске, Ростове, Стародубе. Затем Олег стал княжить в Новгороде-Северском.

Вместе с Владимиром Мономахом Олег разгромил полчища половецкого хана Боняка. Потом он выступил против ханов Сугры и Шаруканя.

Еще при жизни Олега русский путешественник Даниил, побывав на Ближнем Востоке, написал:

«...Род остров, велик и богат всем вельми. И в

том острове был Олег, князь русский»...

Былой поселенец Родоса умер в 1115 году.

Вся его жизнь прошла в походах и долгих скитаниях от Волыни до лазурного Эгейского моря.

Составил С. МАРКОВ
Гисовал В. ЧЕРНЕЦОВ

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ до востребования, срочные, выигрышные, условные и на текущие счета;

ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ по первому требованию вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ по поручениям вкладчиков из одной сберегательной кассы в другую;

ВЫДАЮТ И ОПЛАЧИВАЮТ АККРЕДИТИВЫ.

По вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде процентов или выигрышей.

ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ!